

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАСЕЙНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ. АНТИЧНОЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯ

МАТЕРИАЛЫ XIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

15-18 мая 2023 года
Ростов-на-Дону – Азов

ФГАОУ ВО «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
УЧЕБНЫЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ
ГБУК РО «АЗОВСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
И ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
ООО «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «НАСЛЕДИЕ»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ. Античное и средневековое время

Материалы XIII Всероссийской научной конференции
с международным участием

Ростов-на-Дону – Азов, 15–18 мая 2023 г.

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2023

УДК 327:94(3)(262.5)(063)
ББК 66.4+63.3(0)32+63.3(0)4(99) я431
М43

Редакционная коллегия:

А.Н. Коваленко (ответственный редактор),

А.И. Степикин (отв. секретарь), *Р.П. Ёлкин*, *С.В. Сушкова*, *В.О. Иванов*,
А.А. Русакова, *Е.А. Коваленко*, *Н.В. Лисин*, *И.В. Белецкая*

М43 **Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время** : Материалы XIII научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону – Азов, 15–18 мая 2023 г.) / отв. ред. А.Н. Коваленко ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 250 с.

ISBN 978-5-9275-4395-3

В сборнике представлены материалы XIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время» (г. Ростов-на-Дону-Азов, 14–18 мая 2023 г.), посвященной памяти выдающихся отечественных ученых Виктора Павловича Копылова и Константина Константиновича Марченко. Тематика статей сборника охватывает широкий спектр актуальных проблем в области изучения международных отношений населения причерноморского региона в античное и средневековое время. Сборник адресован археологам, профессиональным историкам, преподавателям образовательных учреждений, краеведам, аспирантам, магистрантам, студентам и всем интересующимся археологией, а также античной и средневековой историей Причерноморья.

ISBN 978-5-9275-4395-3

УДК 327:94(3)(262.5)(063)
ББК 66.4+63.3(0)32+63.3(0)4(99) я431

© Учебный музей археологии ИИМО ЮФУ, 2023

© Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник, 2023

© ООО «Археологическое общество «Наследие», 2023

© Авторы статей, 2023

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ВИКТОРА ПАВЛОВИЧА КОПЫЛОВА (1948–2020 гг.)

И КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА МАРЧЕНКО (1939–2020 гг.)

Предисловие

XIII Всероссийская научная конференция с международным участием **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ. Античное и средневековое время** после долгого перерыва возобновляет и продолжает цикл конференций «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века», в течение многих лет проводившихся на базе Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета, а затем Южного федерального университета. Всего было проведено 12 конференций, восемь из которых имели статус международных (последняя из них, XII-я конференция, состоялась более 15 лет назад, в мае 2007 года), каждая из которых становилась важным событием научной жизни и привлекали к себе внимание ведущих специалистов, как из России и стран СНГ, так и стран дальнего зарубежья. Как показали количество заявок на участие в XIII конференции, проблематика докладов и география участников, данная площадка для научных дискуссий и сейчас является крайне необходимой и востребованной в среде специалистов, а само место ее организации и проведения на Нижнем Дону в традиционной контактной зоне, как нельзя лучше способствует обсуждению широкого спектра актуальных проблем в области изучения международных отношений античного и средневекового времени причерноморского региона.

Вдохновителем и организатором всех проведенных ранее конференций «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» был профессор Виктор Павлович Копылов, которому в 2023 году исполнилось бы 75 лет. Большую часть жизни Виктор Павлович посвятил изучению памятников скифо-античного времени Нижнего Дона и в течение 25 лет возглавлял Южно-Донскую археологическую экспедицию, которой до него руководил Константин Константинович Марченко. Так случилось, что оба этих выдающихся отечественных исследователя ушли из жизни в один год. Приняв решение о возобновлении работы конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря» ее Оргкомитет принял решение посвятить очередную, XIII по счету, конференцию памяти Виктора Павловича Копылова и Константина Константиновича Марченко.

Проблематика докладов участников конференции и статей, представленных в данном сборнике охватывает широкий круг актуальных

проблем в области изучения международных отношений в бассейне Черного моря античного и средневекового времени, рассмотренных через призму новейших данных археологии, античной и средневековой истории, эпиграфики, нумизматики, археозоологии, антропологии, ихтиологии и т.д. Важное направление в работе конференции представляет и серия докладов, связанных с историей науки, анализом особенностей археологических исследований на юге России на том или ином этапе, докладов, связанных с изучением вклада отдельных личностей в изучение археологических памятников Северного Причерноморья и раскрывающих малоизвестные факты в истории изучения известных памятников.

Выражаем искреннюю благодарность руководству Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника и ООО «Археологическое общество «Наследие», благодаря поддержке которых стало возможным проведение конференции и подготовка данного сборника.

*Председатель Оргкомитета конференции
А.Н. Коваленко*

**Продукция южнопонтийских керамических мастерских IV в до н.э.
в ближнем предместье античной Феодосии**

Ближайшая округа античного полиса Феодосия, как, собственно, и само городище, изучена крайне слабо. Один из немногочисленных памятников ближней хоры и единственный, систематически исследуемый в настоящее время – Усадьба А. Памятник расположен на самом краю плато у глубокой Генуэзской балки в 1,5 км к югу от Карантинной горки – места локализации городища античной Феодосии, и, фактически относится к ее ближайшему предместью. В небольшом разведочном раскопе А, заложенном археологическим отрядом Феодосийского краеведческого музея под руководством Е.А. Катюшина в 1982, была обнаружена часть постройки, назначение, как и общая планировка которой остались тогда неясными (Катюшин 1982). В 2017 году Феодосийская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа приступила к комплексному исследованию ближайшей округа античной Феодосии, включающему в себя изыскания как курганного некрополя, так и комплексов усадебного типа ближайшей хоры. В 2019 году было начато исследование загадочной постройки в раскопе А, продолженное в 2021 и 2022 годах (Ахмадеева 2020; 2022). За 3 года раскопок стало очевидно, что постройка представляет собой часть пригородной усадьбы, в связи с чем памятник получил наименование, вслед за обозначением раскопа А – Усадьба А. Открытые в раскопе конструкции представляют собой остатки крупной постройки, площадь которой на сегодняшний момент составляет не менее 150 м², при этом сооружение открыто пока не полностью. За время своего существования с конца V до начала III в. до н.э. строительный комплекс, как минимум, два раза перестраивался. В ходе раскопок были обнаружены две давяльные площадки, разделенные перегородкой, а также участок компактного расположения ям для установки пифосов. Эти находки позволяют определить функциональное назначение всего строительного комплекса, по крайней мере, на первом этапе его жизни, как винодельческий комплекс.

¹ *Ахмадеева Мария Миндигалимовна* – младший научный сотрудник сектора античной археологии Северного Причерноморья Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, начальник Феодосийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. (г. Санкт-Петербург, Россия).

Несмотря на немногочисленность датирующих находок, время сооружения Постройки А можно предварительно поместить в самое начало IV в. до н.э. или же рубеж V–IV в. до н.э. а третий, самый поздний, строительный период датировать началом III в. до н.э. Большинство находок относится ко времени второй – третьей четверти IV в. до н.э.

Вопрос об экономических связях Южного Понта с Северным Причерноморьем в целом, и Боспором в частности, давно привлекал внимание ученых (Максимова 1956, гл. 6). Исследования, основанные на данных массовых находок керамической тары и, в том числе, керамической эпиграфики, предлагают подробную картину динамики торговых отношений указанных регионов (см., например, Брашинский 1963). Однако, и другие категории керамических находок, пусть и не так активно, но привлекались к разработке данного вопроса (Зеест 1951).

В настоящем сообщении представлена попытка проиллюстрировать на массовом керамическом материале, происходящем из раскопок Усадьбы А, то значение, что имели центры Южного Причерноморья в экономической жизни Феодосии IV в до н.э. К рассмотрению приняты все категории керамических находок южнопонтийского производства, кроме транспортных амфор. Очевидно, что этот тип материала требует отдельного исследования. Южнопонтийская керамика хорошо представлена практически всеми основными типами продукции керамических мастерских: строительная керамика, крупные хозяйственные сосуды – лутерии и пифосы, столовая посуда.

Находки черепицы в слоях феодосийской Усадьбы А не очень многочисленны: всего были обнаружены 81 фрагмент, из которых лишь 7 можно отнести к боспорскому производству, 10 – неясного происхождения. Подавляющее же большинство фрагментов черепицы представляют собой южнопонтийский импорт – 64 обломка, т.е. почти 80%. При этом 61 фрагмент принадлежит синопским керамидам и лишь 3 – гераклеийским.

Буквально единичными находками представлены крупные чаши – лутерии, из которых 7 обломков – синопского производства и 3 – гераклеийского.

Фрагменты пифосов же, напротив, формируют весьма многочисленную группу: всего за 3 года раскопок основной постройки Усадьбы А было обнаружено 344 обломка. Общая их доля в керамическом комплексе (включая фрагменты амфор) составляет 4,7%, а в отдельных контекстах достигает 8%. Этот показатель в разы превышает среднее значение,

характерное для культурных напластований античных памятников. Очевидно, это связано с тем, что часть исследуемой территории представляет собой помещение для установки пифосов, которое при последующих перестройках было повреждено, как и сосуды, находившиеся поблизости. Визуальный анализ позволил выявить несколько групп фрагментов, очень сходных по своим характеристикам. Эти группы с большой долей вероятности можно соотнести с тремя сосудами, один из которых является продукцией Синопы, а два – Гераклеи Понтийской. Лишь около половины всех фрагментов удалось отнести к одному из этих трех пифосов. В целом, соотношение фрагментов пифосов синопского и гераклеийского производства выглядит как 35,5% и 64,5% соответственно. Эти крупные сосуды, будучи дорогим предметом, очевидно, высоко ценились их обладателями – об этом свидетельствуют находки 14 стенок синопских сосудов и 4 стенок – гераклеийских со следами ремонта. Один из фрагментов гераклеийского пифоса сохранил и крупную свинцовую скобу, соединяющую два обломка (Рис. 1: 2).

Еще одной особенностью керамического комплекса исследованной части Усадьбы А, без сомнения, является значительное количество южнопонтийской простой столовой керамики, доля которой в составе общего количества столовой посуды достигает 20–25%. Как представляется, специальных исследований, посвященных типологии и хронологии южнопонтийской столовой посуды, нет. Поэтому в данной работе будем придерживаться общепринятой типологии.

При исследовании культурных напластований феодосийской Усадьбы А было обнаружено 94 фрагмента южнопонтийских столовых сосудов. Продукция Синопы численно значительно преобладает над гераклеийской, приблизительно в соотношении 4:1. Самая массовая форма среди синопской столовой посуды – кувшины (Рис. 2). От многочисленных амфор этого же южнопонтийского центра их отличают характеристики керамического теста. Предварительно можно выделить два основных типа керамической массы синопских закрытых столовых сосудов. Для первого типа характерны те же многочисленные включения обломков основных магматических пород, обычные для синхронных синопских амфор. Чаще всего из подобного типа керамической массы изготавливались крупные кувшины. Второй тип керамической массы отличается более мелкими размерами включений, само глиняное тесто подготовлено лучше, хорошо отмучено. Этот тип сырья служил для формовки небольших тонкостенных сосудов. Внешняя

поверхность сосудов часто покрыта либо тонким слоем жидкой глины, либо просто тщательно заглажена. Размерный ряд представлен двумя основными фракциями: тонкостенные сосуды с диаметром венчиков и донцев 8–10 см, и чуть более массивные кувшины, диаметр венчиков которых составляет около 12 см. В профилировке венчиков крупных кувшинов четко выделяется тип, аналогичный профилю венчиков амфор – небольшой валикообразный венчик, отделенный от горла сосуда подрезкой. В данном случае очевидно, что не всегда возможно уверенно отнести фрагмент к категории кувшинов, либо к категории фракционных амфор. Главный критерий – толщина стенки и более тщательная обработка поверхности сосуда. Встречен также образец оформления венчика, характерный для позднеклассических столовых амфор, в виде горизонтально отогнутой площадки. Небольшие тонкостенные кувшины чаще всего имеют слабопрофилированный клювовидный венчик. Донца синопских кувшинов в подавляющем большинстве – плоские, с небольшим плавным углублением в центре. Встречены единичные фрагменты донцев, оформленных в виде невысокого ложного поддона. Ручки как овальные, так и круглые в сечении. Открытые формы синопского производства можно разделить на два основных типа. Первый тип представлен классической формой глубокой миски с плавно загнутым внутрь венчиком. Второй тип – сосуды с почти прямыми стенками и отогнутым наружу краем. В ряде случаев на площадке отогнутого наружу венчика имеются подрезки и углубления. В подобных углублениях венчика одной из чаш сохранились остатки красной краски.

Продукция Гераклеи Понтийской не так многочисленна, как синопская посуда, и представлена, в первую очередь, закрытыми формами. Это чаще всего, фрагменты сосудов со средними размерными характеристиками – диаметр венчика 8–12 см. Глина их узнаваема по большому количеству разнообразных минеральных включений, характерных для формовочной массы гераклейских амфор, однако, размер этих включений существенно меньше. Другая особенность – керамическое тесто гераклейских столовых сосудов часто очень мягкое, плохо сохраняется и легко расслаивается. Скорее всего, это можно связать с невысокой температурой обжига. Немногочисленность находок профильных частей пока не позволяет выделить типы гераклейских столовых сосудов, можно лишь указать на часто встречаемую профилировку венчика в виде сильно уплощенного валика с глубокой подрезкой. Наиболее сохранившийся и интересный сосуд был зафиксирован в виде развала в одной из ям для установки пифоса.

Удалось собрать верхнюю часть сосуда, поэтому полный его профиль можно реконструировать лишь предположительно (Рис. 1: 1). Форму сосуда можно определить, как кратер. Диаметр венчика составляет 24 см, максимальный диаметр тулова – 34 см, диаметр небольшого плоского донца – 8 см. Венчик сосуда оформлен в виде трапеции с плоской верхней площадкой. Кратер имел как минимум две круглые в сечении горизонтальные ручки, изгибающиеся под прямым углом. Горизонтальная площадка венчика имеет небольшое расширение, которое возможно, представляет собой участок крепления еще одной, вертикальной, ручки к венчику. Сохранность фрагментов очень плохая: в момент находки керамическое тесто находилось в размягченном состоянии и при высыхании глина расслаивалась. Также при открытии сосуда на его поверхности отчетливо были видны следы геометрического орнамента в виде полос, нанесенных красной краской по горлу и тулову, которые, к сожалению, в последствии быстро высохли и почти не читались. Аналогий сосуду пока найти не удалось.

Керамическая продукция основных южнопонтийских центров – торговых контрагентов Причерноморья – Синопы и Гераклеи в материалах феодосийской Усадьбы А представлена весьма широко. Если находки черепицы и хозяйственных сосудов – пифосов и лутериев – нельзя назвать редкостью для античных городов Северного Причерноморья, то массив южнопонтийской столовой посуды, занимающий до трети всего комплекса этой категории керамических находок, пока не находит аналогий. В целом, картина, которую дает массовый керамический материал Усадьбы А, весьма красноречиво иллюстрирует ту значительную роль, которую играли центры Южного Понта в экономических связях Феодосии в IV в. до н.э. Стоит отметить, что особые отношения Феодосии и Гераклеи Понтийской неоднократно упоминаются в ряде письменных источников (подробнее всего – «Стратегемы» Полиена). Данный сюжет также становился и предметом специальных исследований (Шелов 1950). Следовательно, вполне резонно ожидать отражение широкого гераклейского влияния в материальной культуре феодосийской пригородной усадьбы. Между тем, сведений об особой активности Синопы в регионе в это время до сих пор не было. Стоит обратить внимание и на тот факт, что присутствие синопской керамики в разы превосходит гераклейский керамический импорт.

Литература

Ахмадеева 2020 – Ахмадеева М.М. Новые исследования в ближнем предместье Феодосии // Археологические вести. Вып. 29. – СПб., 2020. С. 33–42.

Ахмадеева 2022 – Ахмадеева М.М. Первый винодельческий комплекс в предместье античной Феодосии: исследование Усадьбы А в 2021 году // История и археология Крыма. Вып. XVII. Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2021 года на Крымском полуострове. – Симферополь, 2022. С. 28–37.

Брашинский 1963 – Брашинский И.Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н.э. // Античный город. – Л., 1963. С. 132–145.

Зеест 1951 – Зеест И.Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 106–116.

Катюшин 1982 – Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда Феодосийского краеведческого музея в 1982 году // Научный архив Феодосийского музея древностей.

Максимова 1956 – Максимова М.И. Античные города Юго-восточного Причерноморья. – М.–Л., 1956.

Шелов 1950 – Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 168–178.

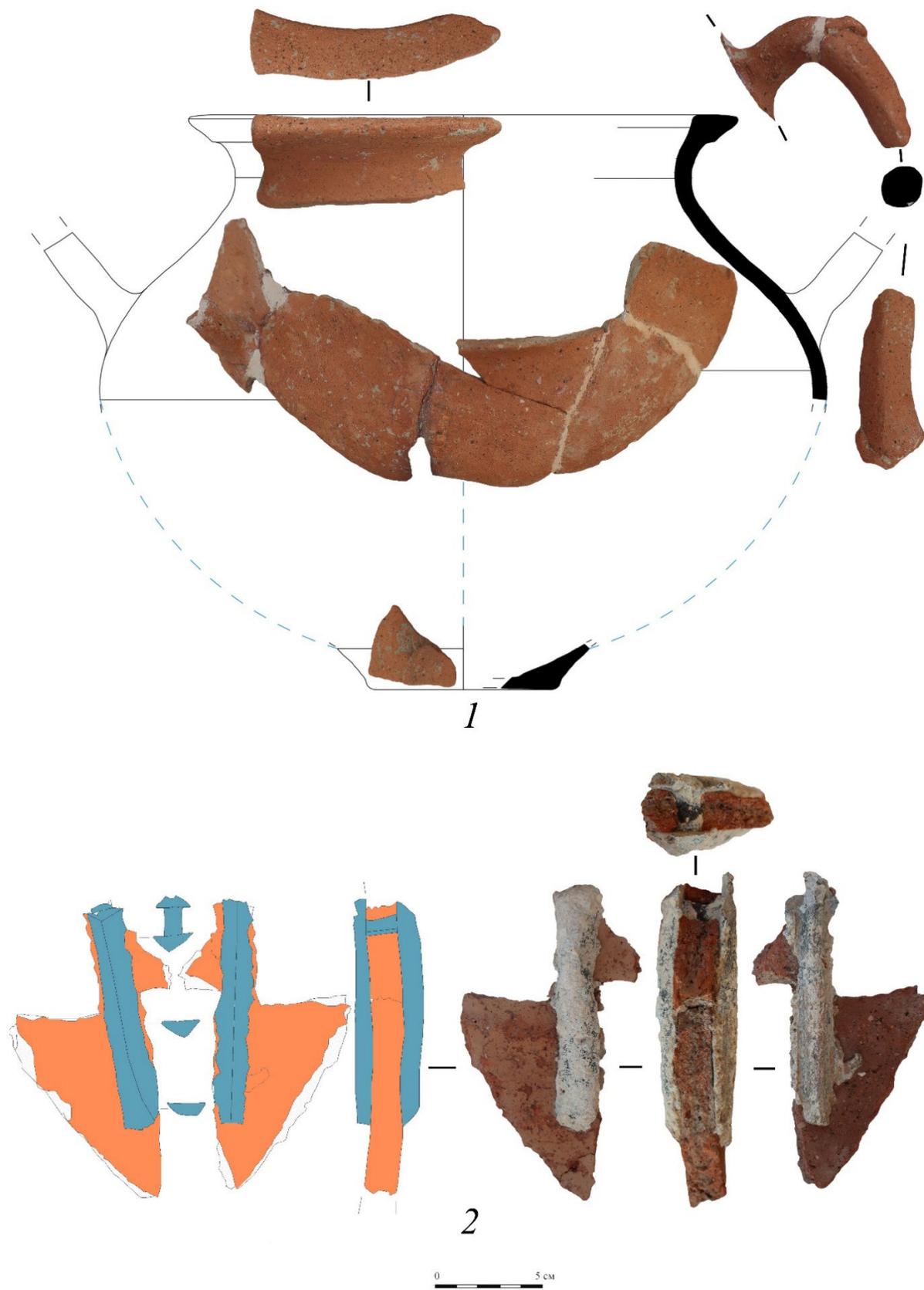

Рис. 1

Рис. 2

К антропологии населения Елизаветовского городища

Антропологические исследования материалов из Елизаветовского могильника намного уступают объему археологических исследований (Коваленко 2021). Не последней причиной этому является очень плохая сохранность костных останков в захоронениях могильника. Надо также принимать во внимание то, что значительная часть курганов была раскопана в дореволюционные годы. А также то, что не все погребения датируются скифским временем.

В результате краниология населения городища изучена только на небольшой серии из 20 черепов из раскопок Елизаветовского могильника 1950-х – 1970-х годов (Батиева 2009, 2011; Герасимова 1975, 1987). Мужские и женские черепа серии, не относящиеся к группе «Пять братьев», демонстрируют сходство с черепами из кочевнических погребений курганных степных могильников Нижнего Подонья. И это вполне логично, так как городище, по мнению археологов, по своему происхождению и культурной принадлежности являлось неотъемлемой частью кочевого мира Подонья и Приазовья (Марченко, Житников, Копылов 2000). В то же время, оба черепа из склепа в кургане 8 курганной группы «Пять братьев» показали наибольшее сходство со скифскими сериями лесостепной и степной зон Украины (Батиева 2009). То есть, вероятно, были выходцами из западных земель. Особенно, если учесть характер погребального сооружения и то, что Елизаветовское городище в IV–III вв. до н.э. являлось опорным пунктом для разнообразных международных контактов.

Открытие грунтовых захоронений на Елизаветовском могильнике в 2009–2010 гг. (Копылов и др., 2012), а также новые раскопки грунтового могильника в 2021 году позволяют надеяться получить данные и о жителях Елизаветовского городища, не относившихся к кочевому сообществу.

Краниологический анализ немногочисленного материала из правобережных некрополей Нижнего Подонья скифской эпохи (Каратаево, Беглица) показывает, что кочевое и оседлое население региона этого времени имело разное происхождение (Батиева 2011, с. 20–33).

¹ *Батиева Елена Федоровна* – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (г. Азов, Россия).

Антропологические материалы из раскопок Елизаветовского историко-культурного комплекса, которые могли быть использованы для палеодемографического анализа, стали более-менее регулярно собираться, начиная с 1981 года (Батиева 2011, с. 14–19). В настоящее время автором обследованы костные останки 84 человек из раскопок, проведенных как на Елизаветовском городище, так и на его могильнике. Погребенные относятся к разным историческим периодам, от бронзы до средневековья. К скифскому времени принадлежат останки 60-ти человек: 44 из подкурганных погребений (Табл. 1), 5 из грунтовых погребений (один мужчина, две женщины и двое детей) и 11 из слоев городища (пять мужчин, четыре женщины, один ребенок и один взрослый без определения пола).

Наиболее представительной и вызывающей наибольший интерес пока является выборка из подкурганных погребений Елизаветовского могильника. По своим параметрам она больше похожа на выборки из правобережных некрополей (поселений?) Нижнего Подонья скифского времени, чем на погребения из степных курганов (Табл. 1-3). По сравнению с могильниками степных кочевников, в елизаветовской группе относительно больше женщин и детей. Хотя детских погребений в них заметно меньше, но распределение по возрасту имеет сходный характер. Почти треть детских погребений приходится на первые годы жизни, а в обследованных материалах из степных курганов, останков совсем маленьких детей зафиксировано не было.

У елизаветовцев величина продолжительности жизни взрослых выше, чем у кочевников, причем исключительно за счет увеличения ее у женщин. Уровень травматизма намного ниже, реже, чем у кочевников, встречается патология суставов и позвоночника. Однако, эти положительные тенденции «компенсируются» появлением в группе из Елизаветовского могильника кариеса и поротического гиперостоза орбит, незафиксированных у кочевников, а также очень высоким процентом встречаемости гипоплазии эмали зубов (Табл. 3). Такие маркеры, как эмалевая гипоплазия и поротический гиперостоз орбит отражают воздействие стресса на организм в детские годы (нарушение или недостаток питания, болезни и пр.). А наличие кариеса свидетельствует о значительной роли в рационе углеводного компонента.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день результаты антропологических исследований, с одной стороны, указывают на происхождение жителей Елизаветовского городища из кочевнической

среды. С другой стороны, по палеодемографическим и палеопатологическим характеристикам выборка из Елизаветовского могильника больше похожа на выборки из некрополей поселений. Последнее можно расценивать, как влияние условий проживания в крупном стационарном поселении, отличающихся от условий жизни в степи. Причем не просто стационарного, а главного центра международной торговли в скифское время, пункта активного взаимодействия греков и варваров, что не могло не сказываться как на составе населения городища, так и на бытовавших в его среде практик и традиций.

Литература

Батиева 2009 – Батиева Е.Ф. Антропология элитных погребений Елизаветовского могильника как отражение международных связей древнего населения Донского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 294–301.

Батиева 2011 – Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / отв. ред. М.М. Герасимова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 160 с.

Герасимова 1987 – Герасимова М.М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в северо-восточном Причерноморье (Боспорское царство) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М., 1987. С. 63–64.

Герасимова 1975 – Герасимова М.М. Население Северного Причерноморья (Боспорское царство) в античную эпоху по антропологическим данным. – Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М., 1975. С. 7–8.

Марченко, Житников, Копылов 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. – М., 2000.

Коваленко 2021 – Коваленко А.Н. Основные открытия последних лет в изучении Елизаветовского историко-культурного комплекса на Нижнем Дону // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты – Симферополь–Керчь, 2021. С. 179–183.

Копылов и др., 2012 – Копылов В.П., Андрианова Н.В., Коваленко А.Н., Меншикова В.А., Сердюкова О.В. Раскопки грунтового некрополя

Елизаветовского могильника в 2010 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 году. Вып. 26. – Азов, 2012. С. 123–128.

Могильники	М		Ж		Взрослые		Дети		Взрослые и дети п	м/ж	д/ж ¹
	п	%	п	%	п	%	п	%			
<i>Елизаветовский курганный могильник</i>	17	38,6	16	36,4	37	84,1	7	15,9	44	1,06	0,70
Степные курганные могильники	46	51,7	25	28,1	78	87,6	11	12,4	89	1,84	0,52
Каратаевско-Ливенцовская группа	11	26,2	12	28,6	25	59,5	17	40,5	42	0,92	2,13
Беглицкий некрополь	13	22,0	32	54,2	47	79,7	12	20,3	59	0,41	0,52

Табл. 1. Половозрастной состав в нижнедонских могильниках скифского времени

Могильники	М	Ж	Взрослые	С учетом детей
<i>Елизаветовский курганный могильник</i>	34,0	33,0	33,1	28,6
Степные курганные могильники	34,9	29,2	32,3	29,1
Каратаевско-Ливенцовская группа	31,6	31,2	31,3	21,5
Беглицкий некрополь	37,7	30,2	32,0	26,9

Табл. 2. Средний возраст смерти в нижнедонских могильниках скифского времени

¹ Фактическая плодовитость женщин (соотношение числа детей и числа женщин в возрасте 15–35 лет).

Признаки	<i>Елизаветовский курганный могильник</i>		Степные курганные могильники		Каратаевско-Ливенцовская группа		Беглицкий некрополь	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Поротический гиперостоз орбит	1 (23)	4,3	0 (54)	0,0	0 (14)	0,0	4 (29)	13,8
Эмалевая гипоплазия	18 (28)	60,7	17 (54)	31,5	2 (14)	12,5	5 (33)	15,2
Кариес	3 (28)	10,7	0 (54)	0,0	0 (14)	0,0	2 (33)	6,1
Зубочелюстная патология	4 (28)	14,3	7 (54)	13,0	2 (14)	12,5	2 (33)	6,1
Прижизненная утрата зубов	7 (28)	25,0	12 (54)	22,2	5 (14)	31,3	5 (33)	15,2
Травмы черепа	1 (23)	4,3	5 (23)	21,7	0 (14)	0,0	1 (18)	5,6
Травмы скелета	2 (27)	7,4	8 (34)	23,5	2 (12)	16,7	3 (23)	13,0

Табл. 3 Частота встречаемости патологических маркеров в погребениях нижнедонских могильников скифского времени

**Малоизвестные исследования и находки с Елизаветовского городища
и его некрополя в конце XIX – начале XX вв.**

Специфика проведения археологических работ на Нижнем Дону в конце XIX – начале XX вв. определила особенности хранения информации в современных научных и производственных архивах. Для большинства специалистов, занимавшихся изучением истории археологических исследований античных памятников Северо-Восточного Приазовья, основным хранилищем архивной информации является Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Это обусловлено спецификой хранения отчетных материалов по археологическим исследованиям времени существования и работы Императорской Археологической Комиссии и ее научного преемника – Российской (Государственной) Академии истории материальной культуры. Однако, вся совокупность археологических исследований, включающих сбор научной информации в виде анкетирования, сбор сведений о случайных находках, выкуп/изъятие случайных находок и др. относилась к компетенциям местных организаций историко-краеведческого профиля.

На протяжении более чем четверти века (1890–1916 гг.) эти работы относились к компетенции Комиссии по устройству Донского музея, а в начале XX в. – и Донского отделения (г. Новочеркасск) Предварительного комитета XII–XIII Археологических съездов (Бойко 2021, с. 28–29, 35–36). Каких-либо конкурентов, за исключением Императорской Археологической Комиссии, долго не было. Исключением стали краеведческие организации, первой из которой было Ростовское-на-Дону общество истории, древностей и природы, созданное в 1909 г.

С первых лет работы Общества планировалось проведение собственных исследовательских работ. Первые серьезные археологические работы были проведены непосредственно в пределах городских земель г. Ростова-на-Дону, причем были исследованы памятники различных типов – курганы и античное поселение. Значительными по объему стали раскопки нескольких

¹ *Бойко Андрей Леонидович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

курганов, расположенных на городских окраинах: Олимпиадовского, Братского и Земского.

Повышению научной квалификации и общеисторической эрудиции способствовало знакомство сотрудников с многолетними (1908, 1912–1914 гг.) работами экспедиции А.А. Миллера на курганном могильнике у ст. Елизаветинской.

Однако для ростовчан существовали значительные ограничения территориального характера – земли, непосредственно принадлежащие Войску Донскому, могли изучаться исключительно путем организации «научных экскурсий». Поэтому в собрании Ростовского музея (ныне Ростовский областной музей краеведения) – «Витрина 5. Отделение А», были представлены находки с Елизаветовского городища, обнаруженные раскопками А.А. Миллера и сборами И.И. Ушакова (всего 23 наименования находок) (Каталог Ростовского на Дону городского музея 1912, с. 28–30).

В Донском музее (г. Новочеркасск) коллекция из Елизаветовского городища и его курганного могильника также не была особо представительной. В «Каталоге Археологического отдела Донского музея» отмечены: № 1851–1868 (включая два фотографических снимка предметов из «Ушаковского кургана», раскопанного в 1901 г.). Но предметы за № 1857–1868 (и ряд вещей, относимых к эпохе «каменного века» типа № 44 и др.) были доставлены И.М. Сулиным непосредственно после поездок в окрестности х. Обуховского в 1903–1904 гг. (Археологические находки Донского музея 2021, с. 127–128). При этом надо учитывать, что в несохранившейся части этого «Каталога» также были представлены предметы из «Танаиса Древнего». Это вполне отражает тенденцию накопления материалов, которые и сегодня можно определить как категорию «случайные находки».

Большинство документов о находках такого рода сконцентрировано в делах Комиссии по устройству Донского музея, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области. Например, 9 мая 1899 г., на одном из курганов группы «Пять братьев» казак И.А. Демешкин раскапывал лисью нору и обнаружил «две урны и медную разрушенную чашку». Предметы были оперативно изъяты чинами Ростовского окружного полицейского управления и переданы в Новочеркасск, в Донской музей. Известны случаи и преднамеренных действий криминального характера, связанные с древностями дельты Дона. При попытке сбыта нескольких

золотых монет, найденных в окрестностях х. Дугино, в посаде Азов 14.10.1901 г. полицией был задержан «полтавский казак» И. Коробка. Поскольку информация об этом случае попала в газеты, Донскому музею не удалось оставить монеты в своем собрании и пришлось их отправить в Императорскую Археологическую комиссию (Бойко 2010, с. 91–92).

Информация о подобных различного рода находках или инцидентах, связанных с кладоискательством, откладывалась в материалах Комиссии по устройству Донского музея вплоть до окончания ее активной работы и фактического расформирования в 1917 г.

Специфической формой криминальной деятельности на Юге России была подделка античных древностей. Одним из центров изготовления фальшивых «антиков» был книготорговый магазин Ф.С. Романовича в г. Ростове-на-Дону. Вышедшие из этой мастерской подделки отличались высоким качеством и по сей день вызывают споры археологов и искусствоведов (Алексеев 1997, с. 29–30). Обращает внимание факт быстрого реагирования изготовителей фальшивок на реальные археологические находки. В ноябре-декабре 1901 г. И.И. Ушаковым был исследован большой курган (получивший название «Ушаковского»), представивший замечательные образцы ювелирных изделий древности. Уже в 1902 г., для оценки/покупки в Императорскую Археологическую Комиссию поступает набор неких древностей, найденных в «реке Дон, близ станицы Елизаветинской». Вычурно оформленные панцирь (кираса), шлем и налокотник не заинтересовали Комиссию и вещи были отправлены обратно, в Область войска Донского.

События 1917–1920 гг. изменили не только политический строй России, но и саму систему отношения к древностям. На протяжении периода гражданской войны и реконструкции (НЭПа) шло постепенное укрепление социалистической формы собственности, ставшей ведущей к времени индустриализации. В этих условиях, открытое кладоискательство и подделку древностей стали считать преступлениями, наказание за которые могло быть установлено по самой высшей мере. Этим, во многом, объясняется факт изменения отношения к древностям Нижнего Дона и, в частности, Елизаветовского городища и его могильника.

В 20-х гг. XX в. основные противоречия и конфликты, связанные с изучением древностей Нижнего Дона, пролегли по линии взаимоотношений местных ученых и краеведов со столичными коллегами. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (1923–1928 гг.) стали мощным катализатором

интереса местных ученых к полевым работам, как в виде разведок, так и раскопок. Проблемой было то, что даже самая крупная местная организация – Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии не имело средств для проведения собственных раскопок. Единственной возможностью получить финансирование были контакты с Северо-Кавказской экспедицией и выполнение ее плановых мероприятий.

С 29 августа по 15 сентября 1928 г. ростовский археолог С.А. Вязигин (Бойко 2015, с. 150–151) провел небольшие раскопки на Елизаветовском городище (на средства Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, благодаря давним контактам с А.А. Миллером). Девять квадратов (2х2 м) были расположены в северной части городища и были документированы как «Раскоп СКОАИЭ», который не входил в систему раскопов ГАИМК. В 1928 году столичные археологи вели работы на 6 раскопах, расположенных по одной линии «пересекающей городище с севера на юг» (Книпович 1934, с. 122). «Раскоп СКОАИЭ» был расположен близ IV и II раскопов ГАИМК, его исследование позволило выявить до 11 различных стратиграфических слоев, залегающих на глубину более 2 м. Значительное количество находок известно по малоинформативной полевой описи и общему количеству «пакетов» с отобранным для хранения материалом (№ 1–151), соотнесенных с конкретными слоями в раскопе.

Выставка находок в «Доме учёных» университета, проводившаяся в октябре 1928 года, закончилась скандалом. По вине администрации (?) часть находок была утрачена или депаспортизирована. В любом случае, данный материал не был опубликован и в итоговую сводку Т.Н. Книпович не был включен. Местонахождение находок 1928 г. в настоящее время не известно.

Литература

Алексеев 1997 – Алексеев А.Ю. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н.э. // STRATUM+ Петербургский археологический вестник. Сборник статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина. – СПб.–Кишинёв, 1997. С. 29–43.

Археологические находки Донского музея 2021 – Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х.И. Попова (Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи, примечания и комментарии) / ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», Ростовское региональное отделение ООГО «Российский фонд культуры»; Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая. – Ростов-на-Дону, 2021. 272 с. с ил.

Бойко 2010 – Бойко А.Л. Нечаянная радость «казака» Коробки или дело о предметах «неочевидного спроса» // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып.56. – Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2010. С. 90–95.

Бойко 2015 – Бойко А.Л. Изломы судьбы Сергея Вязигина // Донской временник. Год 2016-й / Дон. гос. публ. б-ка. Вып. 24. – Ростов-на-Дону, 2015. С. 149–154.

Бойко 2021 – Бойко А.Л. Археологические раскопки на Дону: от первой находки к музейному каталогу (Исторический очерк) // Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х.И. Попова (Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи, примечания и комментарии) / ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», Ростовское региональное отделение ООГО «Российский фонд культуры»; Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая – Ростов-на-Дону, 2021. С. 15–65

Каталог Ростовского на Дону городского музея 1912 – Каталог Ростовского на Дону городского музея, 1912. / Под ред. А.М. Ильина. Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 1912. 127 с.

Книпович 1934 – Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // Из истории Боспора. Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып.104. – М.–Л. 1934. С. 111–201.

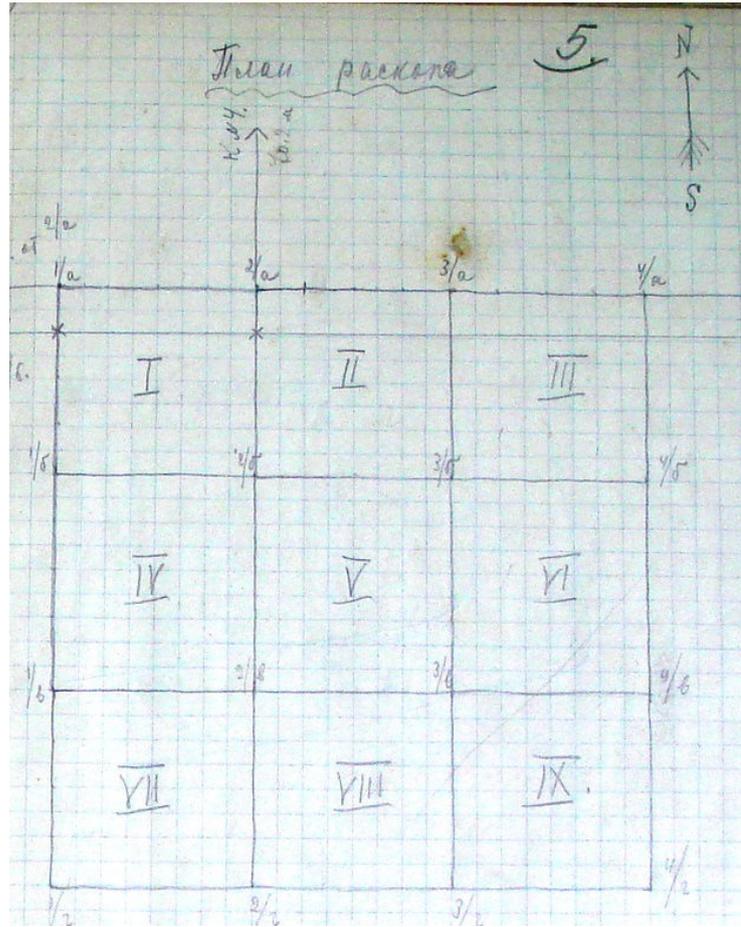

Рис. 1. Елизаветовское городище. План «Раскопа СКОАИЭ» 1928 г.

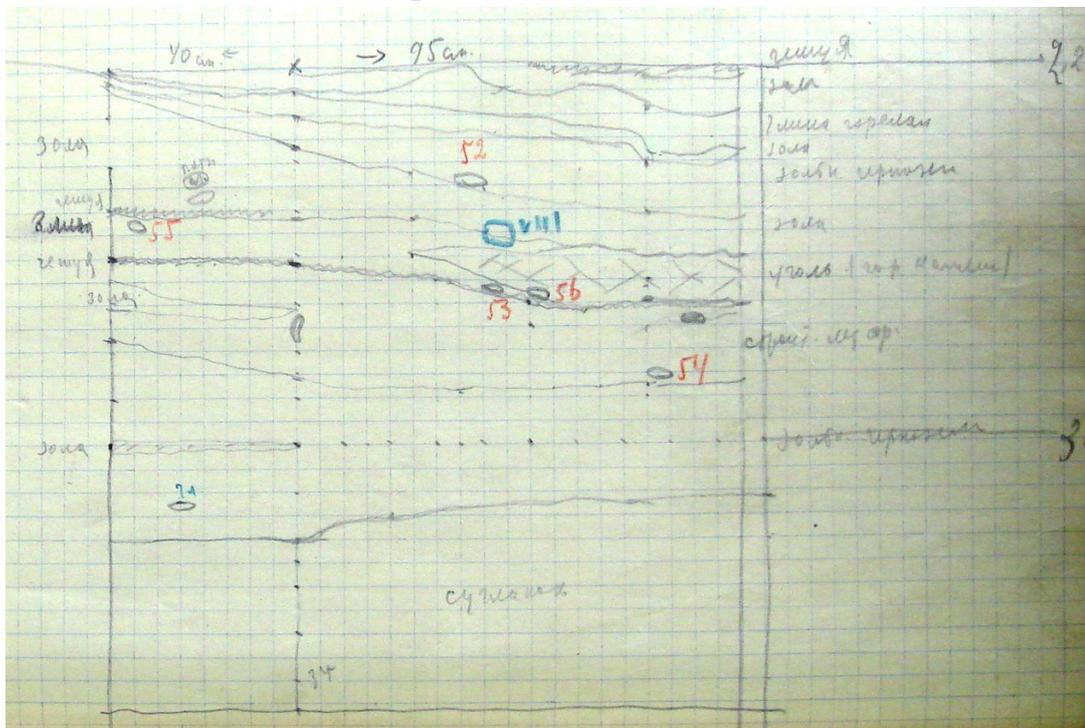

Рис. 2. Елизаветовское городище. Профиль «Стенка А» на «Раскопе СКОАИЭ» 1928

Мирмекийский клад. 20 лет спустя

Изучение нумизматического материала, происходящего из археологических памятников Северного Причерноморья, даёт важную информацию о циркуляции монет, влияющую на понимание состояния международных отношений в регионе. Особое значение здесь имеют клады, в которых нумизматические находки сконцентрированы, а их заложение часто можно связать с конкретными историческими событиями.

Открытие в 2003 году клада кизикинов на городище Мирмекий стало значительным событием не только для Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа, но и для мировой античной нумизматики. Кратко напомню обстоятельства этой редчайшей находки. В ходе разборки стены т.н. «святилища Деметры» (крупного здания первой половины IV в. до н.э.) в небольшой ямке под кладкой был обнаружен бронзовый кувшин (ольпа), в котором содержалось 99 электровых статеров г. Кизика – «кизикинов» (Butyagin, Treister 2006). В ходе обнаружения сосуд распался и часть монет упала на грунт, в результате чего было сделано его полное просеивание, в ходе которого все монеты удалось собрать. После предварительной фиксации монеты были переданы в Керченский музей, в коллекции которого находятся и поныне (Бутягин 2004, с. 17–18).

Изучение клада показало, что в нём содержатся монеты 53 разных типов. По традиционной хронологии Г. Фритце они могут быть отнесены ко II и III группам и датироваться, в целом, в пределах V в. до н.э. (Бутягин 2004, с. 19; Butyagin, Chistov 2006, p. 85). Особенность Мирмекийского клада кизикинов состоит в том, что это единственный крупный клад, содержащий монеты этого типа, найденный в чётком археологическом контексте, который может быть относительно точно датирован по имеющемуся материалу и стратиграфической ситуации. Время гибели «святилища Деметры» относится к середине IV в. до н.э., а клад был заложен приблизительно в 70–60-х гг. этого столетия, вероятно, не ранее начала его второй четверти (Butyagin, Chistov 2006, p. 116–117). Этот момент сразу привлёк внимание авторов раскопок. Отличие времени заложения клада от его нумизматичес-

¹ *Бутягин Александр Михайлович* – кандидат исторических наук, заведующий сектором античной археологии Северного Причерноморья Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа. (г. Санкт-Петербург, Россия).

кой датировки на четверть столетия, как кажется, не может быть объяснено длительным хранением клада до сокрытия без добавления новых монет. Такое наблюдение должно было способствовать изменению хронологии выпусков монет Кизика. Однако этого не произошло. Попробуем разобраться в причинах такой ситуации.

Нельзя сказать, что за прошедшие почти два десятилетия клад остался без внимания нумизматического сообщества. Сразу же после его открытия информация о нём была опубликована М. Хуртер и Х.-И. Ливальдом, а редкие монетные типы из него учтены в других публикациях этих авторов (Hurter-Lievald 2004, p. 31, 35; 2006), а сам клад опубликован в сводных справочных изданиях об античных кладах, и упоминается в общих работах о кизикинах. Наиболее полно клад был несколько раз издан группой учёных во главе с М.Г. Абрамзоном и Н.А. Фроловой (Абрамзон и др. 2006, с. 14–29; Абрамзон, Фролова 2007–2008, с. 79–94; Abramzon, Frolova 2007). В этих публикациях была применена новая нумерация монет, базирующаяся на их распределении по хронологическим группам Г. Фритце, а также исправлены некоторые неточности первых публикаций. Наиболее важным здесь является выделение двух монет, одна из которых (Рис. 1: 1), по мнению авторов, относится к I, а другая (Рис. 1: 2) к IV группам, что существенно увеличивало хронологический диапазон клада до 550–330 гг. до н.э. (Абрамзон и др. 2006, с. 19 № 1, 28–29 № 99; Абрамзон, Фролова 2007–2008, с. 83 № 1, с. 93–94 № 99). Несмотря на то, что только одна монета уникального типа была отнесена к 400–330 гг. до н.э., её датировка совпала со временем заложения клада, определённым археологическими методами. Таким образом, археологическая дата совпала с нумизматической и никаких причин для изменения общей хронологии кизикинов не возникло.

С этим мнением никак нельзя согласиться. Причина, на мой взгляд, ошибочного перемещения уникальной монеты в позднюю группу, объясняется сложной историей изучения хронологии электровой чеканки Кизика. Проследим её основные вехи. В 1887 году выходит основополагающая работа В. Гринвелла, в которой намечена самая общая хронологическая схема чеканки кизикинов, основанная на стилистическом анализе аверсов монет (Greenwell 1887, p. 32–34). Время чеканки определялось с VI в. до н.э. по 360 г. до н.э. В. Уорз разделил чеканку на 4 периода: I – VII–VI вв. до н.э., II – 500–450 гг. до н.э., III – 450–400 гг. до н.э. и IV – 400–350 гг. до н.э. (Wroth 1894, XV–XVIII).

Появившаяся в 1912 году работа Х. Фритце, фактически, развивает идеи каталога В. Уорза, используя предложенное им деление на 4 группы и выделяя типы по деталям реверса. В результате, предложенная им хронология типологических групп выглядит следующим образом: I – 600–550 гг. до н.э., II (с подгруппами “a”, “b” и “c”) – 550–475 гг. до н.э., III (с подгруппами “a” и “b”) – 475–410 гг. до н.э., IV – 410–330 гг. до н.э. (Fritze 1912, p. 34). Таким образом, хронология, предложенная Х. Фритце, базируется на чётких типологических основаниях, учитывающих изменение формы и деталей вдавленного квадрата (*quadratum incusum*) на реверсе монет.

Работа А. Болдуин Бретт (Baldwin Brett 1955, p. 185–204) уточняет хронологию Х. Фритце. При этом исследовательница напрямую не обращается к его хронологическим группам, но в её каталоге выделены 5 хронологических групп. Можно увидеть, что, не считая некоторых уточнений, имеется вполне чёткое соответствие между группами и подгруппами Фритце и группами Болдуин Бретт. 1 группа Болдуин Бретт соответствует I группе Фритце, 2-я – II подгруппе, 3-я – подгруппам II bc, 4-я группе III и 5-я группе IV. Таким образом, хронология типологических групп Х. Фритце с уточнениями А. Болдуин Бретт выглядит так: I – до 550 г. до н.э., II – 550–460 гг. до н.э., III – 460–400 гг. до н.э., IV – 400–330 гг. до н.э.

В 2000-х гг. С.М. Хуртер и Х.-И. Ливальд предприняли усилия по созданию новой хронологии электровых монет Кизика (Hurter, Liewald 2002; 2004; 2006). При этом они собирались полностью отказаться от объединения монет в группы, разработанные Х. Фритце, по всей видимости, используя комбинированный подход, основанный как на анализе типов реверса, так и иконографии аверса. К сожалению, эта работа не была доведена до конца, в связи с чем хронология Хуртер-Ливальда не может быть использована для уточнения типологических групп Х. Фритце, так как базируется на иных основаниях.

При публикации клада М.Г. Абрамзоном и Н.А. Фроловой были использованы группы Х. Фритце, уточнённые А. Болдуин Бретт. Их хронология выглядит следующим образом: I группа – 600–500 гг. до н.э., II – 500–480 гг. до н.э., III – 460–400 гг. до н.э., IV – 400–330 гг. до н.э. Легко заметить, что хронология Абрамзона-Фроловой относит 2 группу Болдуин Бретт не ко II, а к I группе по Х. Фритце. Именно на этом основании, одна монета была перемещена из группы II в I, что сдвинуло нижнюю границу хронологии клада.

Такое перемещение не кажется методически правильным. В том случае, если принимается деление монет на четыре хронологические группы

Х. Фритце, следует исходить из типологических признаков группы, а остальные детали (стилистику и сюжет реверса) использовать, как уточняющие датировку групп. Если не придерживаться хронологических групп Х. Фритце (как, например, в хронологии Хуртер-Ливальд), то полученные при таком анализе даты не могут служить основанием для включения монеты в группы по Фритце исключительно по совпадению хронологического диапазона, т.к. эта операция должна быть в обязательном порядке подкреплена типологической принадлежностью к выбранной группе.

Следовательно, включение указанного статера в I группу по Х. Фритце является ошибочным, так как типологические особенности реверса этой монеты уверенно позволяют относить её к группе II, при том, что предложенная А. Болдуин Бретт датировка второй половиной VI в. до н.э. с определёнными оговорками может быть принята. Так же обстоит дело и с омоложением даты заложения клада. Единственный здесь статер уникального типа был перемещён из III группы в IV на основании хронологии Хуртер-Ливальд не пользующихся типами Х. Фритце. Такое определение полностью противоречит типологии реверса, который уверенно связывает монету с III группой. Предложенная же С.М. Хуртер и Х.-И. Ливальд датировка монеты 400–380 гг. до н.э. представляется возможной (Hurter, Liewald 2002, p. 26). Ещё раз подчеркнём, что предложенная Х. Фритце типологическая схема развития электрической чеканки Кизика пока не опровергнута и активно применяется при датировке монет. В целом, намеченная им линия развития реверсов признаётся специалистами по нумизматике верной.

Исходя из вышеизложенного ясно, что возможности изучения Мирмекийского клада в деле изменения хронологии групп по Х. Фритце, а также всей хронологии кизикинов в целом далеко не исчерпаны, с чем согласен Е.В. Захаров (Захаров 2019, с. 213). Особенно перспективным в этом отношении представляется уникальный статер, реверс которого соответствует III группе, а фигура на аверсе во многом аналогична одной из монет IV группы. Такую монету можно считать одной из позднейших в III группе, и её датировка должна быть близкой ко времени заложения клада. Е.В. Захаров попытался скорректировать датировку IV хронологической группы Х. Фритце до 375–330 гг. до н.э. (Zakharov 2018, p. 132), хотя на мой взгляд, нижняя граница может быть ещё выше.

В целом, как кажется, за прошедшее время Мирмекийский клад кизикинов не стал объектом исследования, ставящего задачей изменение устоявшейся хронологии этих монет, но определённое продвижение в этом

отношении происходит. Будем надеяться, что в будущих работах это удивительное открытие станет основой для новых научных наблюдений.

Литература

Абрамзон и др. 2006 – Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет (Нумизматическая коллекция. Том I). – Киев, 2006.

Абрамзон, Фролова 2007–2008 – Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Том I (1834–2005 гг.) (БИ. Supplementum 2). – Симферополь–Керчь, 2007–2008.

Бутягин 2004 – Бутягин А.М. Клады кизикинов и Мирмекийский клад // Мирмекийский клад. Каталог выставки. – СПб, 2004. С. 17–21.

Захаров 2019 – Захаров Е.В. «Кизикские статеры на Боспоре»: взгляд через 70 лет // Боспорские чтения XX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. – Симферополь–Керчь, 2019. С. 211–215.

Abramzon, Frolova 2007 – Abramzon M., Frolova N. Le tresor de Myrmekion de stateres cyzicenes. Revue Numismatique. 163. – Paris, 2007. P. 15–44.

Abramzon, Kuznetsov 2021 – Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus. Coin Hoards. Vol. XI. Colloquia Antiqua 32. – Louven–Paris–Bristol, 2021

Baldwin Brett 1955 – Baldwin Brett A. Catalogue of Greek Coins, Museum of Fine Arts. – Boston, 1955.

Butyagin, Chistov 2006 – Butyagin A.M., Chistov D.E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden. Vol. 12 no 1-2, 2006. P. 77–132.

Butyagin, Treister 2006 – Butyagin A.M., Treister M.Y. A bronze olpe from the Myrmekion hoard // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 12, № 1/2. 2006. P. 133–146.

Fritze 1912 – Fritze H.V. Die Elektronprägung von Kyzikos. Numismata VII. – Berlin, 1912.

Greenwell 1887 – Greenwell W. The electrum coinage of Cyzicus. – London, 1887.

Hurter, Liewald 2002 – Hurter S.M., Liewald H-J. Neue Münztypen der Kizikener Elektronprägung // Revue suisse de numismatique 81, 2002. S. 21–51.

Hurter, Liewald 2004 – Hurter S.M., Liewald H-J. Neue Nominale in der Elektronprägung von Kizikos // *Revue suisse de numismatique* 83, 2004. S. 27–44.

Hurter, Liewald 2006 – Hurter S.M., Liewald H-J. Die frühesten Typen der Elektronprägung von Kyzikos // *Revue suisse de numismatique* 85, 2006. S. 5–17.

Wroth 1892 – Wroth W. A Catalogue of the Greek Coins in the British museum. Catalogue of the Greek coins of Mysia. – London, 1892.

Zakharov 2018 – Zakharov E.V. On the chronology of the circulation of electrum coins of Cyzicus in the Pontic Region // *International Symposium of Propontis and Surrounding Culture. From Prehistory to End of Antiquity. Abstracts booklet.* – Ankara, 2018, p. 132.

Рис. 1. Монеты из Мирмекийского клада (фото В.С. Терехина)

*Вахтина М.Ю.*¹

**О раскопках В.Н. Ротом кургана Огуз в 1902 г.
(по материалам Научного архива ИИМК РАН)²**

Курган Огуз, расположенный к востоку от с. Нижние Серогозы (бывш. Мелитопольский уезд Таврической губ.), является одним из грандиозных «царских» скифских курганов Северного Причерноморья второй половины IV в. до н.э.³ По высоте насыпи он сопоставим с такими курганами, как Александрополь и Чертомлык (Болтрик, Фиалко 1994, с. 48; Boltrik, Fialko 2007; Болтрик 2017, с. 69). Памятник, исследовавшийся в несколько этапов⁴, неоднократно подвергался разграблению как в древности, так и во второй половине XIX – начале XX в. Вероятно, трудностью реконструкции как его комплексов, так и погребального обряда в целом, можно объяснить отсутствие целостной публикации обнаруженных там материалов. Некоторые неопубликованные данные об исследованиях Огуза можно найти в Научном архиве ИИМК РАН.

Первые раскопки кургана были проведены Н.И. Веселовским в 1891–1894 гг. (Веселовский 1896). Судя по материалам архивного дела, первое обследование кургана было предпринято ученым ещё в 1890 г., когда был проведен осмотр и составлен «План обследования кургана в Больших Серогозах» (РО НА ИИМК РАН. Ф. I. Д. 48/1890. Л. 53–55)⁵. К непосредственным раскопкам удалось приступить лишь через год, завершив работы в 1894 г. (ОАК за 1894 г., с. 9–10; Веселовский 1896, с. 77–81; Д. 13/1892. Л. 17–19).

¹ *Вахтина Марина Юрьевна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН. (г. Санкт-Петербург, Россия).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И.В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

³ Обзор мнений об «узкой» датировке Огуза и его гробниц см. Колтухов, Сенаторов 2019, с. 101–102.

⁴ Последние исследования кургана были проведены Ю.В. Болтриком в 1979–1981 гг. (Болтрик 1983, с. 245).

⁵ Далее ссылки будут даваться на дела, хранящиеся в Фонде I РО НА ИИМК РАН, поэтому мы опускаем это сокращение.

В начале XX в. в Комиссию вновь стали поступать тревожные сведения о чрезвычайно активной грабительской деятельности крестьян села Нижние Серогозы и других близлежащих селений. Судя по донесениям, а также прошениям крестьян, деятельность эта велась с огромным размахом, в промысле и торговле древностями участвовали целые артели. Дело, хранящееся в НА ИИМК РАН (Ф. 1, д. 26/1902) и объединяющее документы о самовольных раскопках и доследовании Огуза в 1902 г., озаглавлено «О хищнических раскопках крестьянами с Нижн. Серогоз, Мелитопольского у., Таврической губ.». При этом готовность Комиссии приобретать древности, полученные в результате подобных раскопок, в определенном отношении даже вдохновляло их организаторов. Так, например, 24 марта 1902 г. в Комиссию было направлено прошение крестьян с. Рубановки, в котором сообщалось, что «Верстах в 12-и от села Рубановки на нашей душевой земле мы с товарищами нашими в числе 24-х человек, разрывая землю кургана “Медведова могила”, нашли в половине сажени от поверхности каменную статую, изображающую женщину; голова была отбита, но теперь же в могиле найдена. Над разрытием кургана мы работали все три недели и дошли до камня, коим по сторонам выложена могила. <...> Объявляя о сем Археологической Комиссии, мы послали ... означенную каменную бабу, за которую, если она окажется нужной Комиссии, не оставить выдать нам вознаграждение, вместе с тем просим разрешить нам докопать раскопку кургана» (Л. 41–41 об)¹. Но, конечно, Огуз особенно привлекал кладоискателей, его упоминание наиболее часто встречается в документах. Так, в одном из прошений целой группы крестьян от 27 января 1902 г. говорится о том, что в результате обильных осенне-зимних дождей «в разрытой могиле “Агузка” в сел. Нижние Серогозы Тавр. губернии сделались провалы, где мы нашли разные древние вещи: золотую пластинку голубок 1, пуговку с двумя ушками с изображением лица мифологической богини 1, собачку золотую 1, пластинку величиною в 2 коп. с изображением цветка, золотые пуговицы с ушками 141 и ... другие разные металлические вещи» (Л 4–4об.). В Комиссию также направлялись древности, «отобранные от крестьян». Так, в деле имеется «Опись древностей, отобранных от кладоискателей крестьян Нижних Серогоз, добытых ими из могилы “Огюз” близ того же села в январе 1902 г.», включающая 20 предметов (Л. 10–10об.) и «Список вещам, найденным в Кургане “Огюз” и отосланным в Археологическую Комиссию

¹ Здесь и далее ссылки даны на листы архивного дела 26/1902.

в Петербург 17 января 1902 года», включавшая 30 наименований (Л. 11–11 об.). Обе описи составлены уездным исправником. Зимой того же года председатель Комиссии А.А. Бобринский обратился к К.К. Косцюшко-Валюжиничу с подробным письмом, где выражал озабоченность сложившейся ситуацией. «До сведения Комиссии достигло, – писал он, – что осенью 1901 г. в кургане Огуз в селе Нижние Серогозы (Мелитопольского уезда Таврической губернии) образовался обвал, в котором оказались, как рассказывают, гробницы с золотыми украшениями. Многие жители с жадностью накинулись на раскопки, сотнями производят расхищение и находят вещи даже в уже исследованных Комиссией курганах. Необходимо остановить это зло, не ограничиваясь письменными сношениями, а по возможности на месте путем командировки лица, которое по прибытии в Серогозы приступило бы к раскопкам, хотя на короткое время». В письме также от лица Комиссии была выражена просьба к К.К. Косцюшко-Валюжиничу «поехать на место и уладить это дело лично, или же поручить эту поездку кому-либо, по усмотрению Вашему» (Л. 1–2). По рекомендации последнего и с согласия Комиссии 13 февраля из Севастополя в Нижние Серогозы выехали подпоручик Севастопольского батальона В.Н. Рот, имевший опыт археологических исследований в древнем Херсонесе, и надсмотрщик Талавирка. Уже 20 февраля В.Н. Рот отправляет в Археологическую Комиссию подробное письмо «О командировке в деревню Нижние Серогозы для остановки расхищения древностей и исследовании кургана “Огуз”». В нем содержатся результаты осмотра кургана, описания и обмеры грабительских ям и ходов, уточнения (на основании сообщений крестьян) мест находок изъятых у них вещей (Л. 15–16 об.). «В только что описанном входе F-G, – писал он в Комиссию, – по рассказам, было найдено много золота и “ещё осталось”. Чтобы удостовериться в справедливости слухов, я приказал надсмотрщику Талавирке вынуть четверть кубического аршина этой смешанной земли и, вынеся ее из подземного хода, просеять через грохот. В таком незначительном количестве земли мною были найдены следующие предметы: пуговка с ушком чистого золота, большего размера, пуговка с ушком чистого золота малого размера, пуговка с ушком золотая с примесью серебра и чистого золота бляшка с рельефным изображением головы Горгоны и двумя отверстиями для пришивания к одежде. После этого я приказал нанятым рабочим засыпать вход... <...> Осмотрев и исследовав курган, а также распорядившись о надлежащей охране онога, я занялся собиранием древностей, выкопанных крестьянами». Следует сказать, что В.Н. Рот

оказался очень исполнительным и активным человеком, не только имевшим опыт археологических исследований, но и обладавший достаточной твердостью характера. Вступая во время своей командировки в непростые взаимоотношения как с представителями местной власти, так и с крестьянами, он, по видимому, преуспел не только в скупке древностей, но и в обеспечении (пусть и временно) защиты курганов от самовольных раскопок. Среди приобретенных им вещей – известные серебряные украшения конской упряжи (Манцевич 1980; Фиалко 1995), декорированные рельефными изображениями (Л. 326). Однако 8 марта К.К. Косцюшко-Валюжинич сообщает телеграммой в Археологическую Комиссию: «Надсмотрщик Талавирка доносит, что крестьяне продолжают раскопки курганов кроме Огез» (Л. 43). Было принято решение доследовать курган.

16 марта 1902 г. Комиссия выделила 2 тыс. рублей на раскопки (Л. 24). Через месяц В.Н. Рот направил А.А. Бобринскому подробное письмо об успешном ходе работ (Л. 45–46); а в письме от 19 июня (Л. 72–73 об.) писал об их продолжении. В деле хранится и подробный итоговый машинописный «Отчет о раскопках кургана Огуз, произведенных по поручению Императорской археологической Комиссии поручиком Севастопольского батальона В.Н. Ротом в 1902 г. от марта до июля месяцев близ села Нижние Серогозы Мелитопольского уезда Таврической губернии» (Л. 255–258). Работы, проведенные в 1902 г., сводились, в основном, к расчистке сделанных ранее «ходов» и уточнению конструкции и планировки кургана (Рот 1906, с. 63–65). Во время раскопок были найдены золотые бляшки, предметы конской упряжи, обломки греческих амфор и другие вещи.

В архивном деле хранятся фотографии кургана Огуз, сделанные во время работ 1902 года (Рис. 1) и других курганных насыпей, а также фотографии (Рис. 2) и описания находок. В деле также имеются описи вещей, как найденных, так и приобретенных у крестьян, которые были отправлены в Комиссию, с указанием места и обстоятельств их находки.

За время своей командировки В.Н. Рот также произвел осмотр курганов и курганных групп у Нижних Серогоз, изложив результаты в «Отчете об осмотре курганов, разрытых крестьянами в Мелитопольском уезде», составленном 27 апреля 1902 года (Л. 57–68). Всего были обследованы и описаны 3 курганные группы, располагавшиеся близ сел Верхние Серогозы, Нижние Серогозы и Ново-Александровка. Отчет сопровождается небольшими чертежами насыпей осмотренных курганов, выполненных черными

чернилами, и их описаниями. К нему приложена карта-схема (Л. 70) с обозначением всех осмотренных объектов.

Данные о раскопках 1902 г. ещё нуждаются в систематизации и обработке, но, несомненно, введение материалов архива ИИМК РАН о исследовании кургана Огуз в научный оборот позволит приблизиться к пониманию своеобразия этого грандиозного памятника.

Литература и архивные источники

Болтрик 1983 – Болтрик Ю.В. Завершение исследований кургана Огуз // АО за 1981 г. – М., 1983. С. 245.

Болтрик 2017 – Болтрик Ю.В. Огуз – курган на ключовому роздоріжжі Скіфії (пошук Херсонеського сліду) // Археологія і давня історія України, Вип. 2 (23) – Київ, 2017. С. 66–77.

Болтрик, Фиалко 1994 – Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху – СПб., 1994. С. 49–52. (Археологические изыскания. Вып. 18).

Веселовский 1896 – Веселовский Н.И. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской археологической комиссии Н.И. Веселовским. Село Нижние Серогозы Мелитопольского у., курган Огуз // Отчет ИАК за 1894 год. – СПб., 1896. С. 77–87.

Колтухов, Сенаторов 2019 – Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифский курган Беш-Оба IV у границ Европейского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XXXVIII. – Керчь–Симферополь, 2019. С. 93–136.

Манцевич 1980 – Манцевич А.П. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes du II Congrès international de thracologie / Red. R. Vulpe. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980. Vol. 1. P. 267–293.

Рот 1906 – Рот В.Н. Раскопки у с. Нижние Серогозы // Отчет ИАК за 1904 год. – СПб., 1906. С. 65–67.

Фиалко 1995 – Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1. С. 133–147.

Boltrik, Fialko 2007 – Boltrik J.V., Fialko E.E. Der Fürstenkurgan von Oguz // Im Zeichen des Goldenen Ggreifen. Königsgräber der Scythen – München, Berlin, London, New York: Prestel, 2007. S. 268–275.

Материалы НА ИИМК РАН

О раскопках проф. Н.И. Веселовского в Таврической губ. Ф. 1. Д. 48/1890.

О самовольных раскопках крестьянами кургана близ дер. Бол. Токмак Бердянского уезд. Таврической губ. Раскопки Н.И. Веселовского в Серогозах кургана Огуз и в Крыму. Ф. 1. Д. 13/1892.

О хищнических раскопках крестьянами с Нижн. Серогоз, Мелитопольского у., Таврической губ. Ф. 1. Д. 26/1902.

Рис. 1. Курган Огуз во время раскопок 1902 г.
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 26/1902. Л. 265)

Рис. 2. Находки 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 26/1902. Л. 60)

Раскопки Суворовского поселения на Таманском полуострове

Древнее поселение, расположенное недалеко от выезда из Тамани в сторону Сенного, к востоку от старинной крепости, было обозначено В.Д. Блаватским как Суворовское Первое (Блаватский 1952, с. 72). Такая «историческая» дефиниция, скорее всего, объясняется тем, что крепость, известная под названием Фанагорийская, была построена здесь в конце XVIII в. при участии А.В. Суворова. Остатки древнего поселения в её окрестностях были зафиксированы достаточно давно (Соколов 1919, с. 46; карта, городище V); оно хорошо известно специалистам по античной археологии района (Абрамов, Паромов 1993, с. 56, № 129). Первые археологические исследования на этом памятнике были произведены Таманской экспедицией ГАИМК, возглавляемой А.А. Миллером. Информация об этих исследованиях в научных публикациях почти полностью отсутствует, А.А. Миллер обмолвился о них всего один раз и то лишь парой фраз (Миллер 1932, с. 67). Архивные материалы позволяют охарактеризовать раскопки поселения более подробно, но отнюдь не в должной мере – полного отчёта о них нет, а имеющиеся дневниковые записи слишком кратки, обрывочны, несистематичны.

Трудно сказать, что стало причиной того, что руководители Таманской экспедиции решили предпринять здесь раскопки в 1930 и 1931 гг. Во всяком случае, на поверхности памятника остатков каких-либо древних сооружений замечено не было. В кратком отчёте о работах 1930 года А.А. Миллер отметил, что «при поверхностном сборе материалов на городище у крепости, на склоне южной его границы обнаружено было наличие фрагментов керамики, которую можно было относить к архаической формации. Тогда же сделано было в этом месте, как и с противоположной стороны поселения, два разведочных разреза в целях обнаружения древнего слоя, но определённых результатов не было получено» (Миллер 1932, с. 67). Стоит обратить внимание, что исследователь определил этот памятник как городище, хотя никак не объяснил такой интерпретации.

Что касается сделанных тогда находок, то в наши дни не всегда можно с уверенностью сказать, что археологи 30-х гг. прошлого века понимали под

¹ *Виноградов Юрий Алексеевич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

термином «архаическая формация». К архаической эпохе в истории Древней Греции он явно не сводился. У самого А.А. Миллера по этому предмету не было четких представлений, но архаическими он считал древности, предшествовавшие скифо-сарматской эпохе (Миллер 1925, с. 25).

В данном случае этот вопрос помогают прояснить документы, хранящиеся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН. Памятник был осмотрен 1 августа 1930 г., о чём А.А. Миллер сделал запись в своём полевом дневнике: «Осмотр местности к северу от городища (Тмутаракани – Ю.В.) у Сувор[овской] крепости. Обнар[ужение] выходов культуры (культурного слоя – Ю.В.) эпохи бронзы» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 121. № 1. Л. 2 об.). А.А. Иессен тогда же отметил, что была найдена «доисторическая керамика» и кремень (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 119. Л. 15). Очевидно, именно это обстоятельство (обнаружение артефактов бронзового века) стало причиной проведения раскопок, которые были начаты на следующий день, т.е. 2 августа. Их проведение было поручено А.А. Иессену. Выделенная ему команда была очень немногочисленной – А.П. Круглов, Трухина и два рабочих (Буровской и Деревенец). Небольшой раскоп был заложен с южной стороны от крепости, откуда происходили обозначенные выше ранние материалы.

Записи в полевом дневнике А.А. Иессена отличаются досадной краткостью и не всегда доступны для понимания (Там же. Л. 15–31). В процитированном выше отчёте А.А. Миллера сказано о двух раскопах 1930 г. на Суворовском поселении, а в дневнике имеется информация лишь об одном. Раскопки велись «уступами», вероятно, для лучшего понимания стратиграфии на каждом из квадратов. Никаких строительных остатков открыто не было, хотя мощность культурных напластований составляла более 2-х м. А.А. Иессен в дневнике порой отмечал находки отдельных показательных артефактов, – к примеру, на глубине 0,92 м (5-й штык) была обнаружена средневековая амфора и амфорное горло с клеймом (Там же. Л. 22). Последнее, вероятно, принадлежало гераклеийской амфоре. Исследователь обратил внимание, по крайней мере, на три ямы, но они, скорее всего, являются поздними перекопами. Стоит сказать, что дневник, в основном, содержит не описание хода раскопок и характера культурных напластований, а полевые описи находок, происходящих из штыков.

Надо признать, что описание массового археологического материала тогда производилось не очень аккуратно, к тому же методика его классификации была разработана чрезвычайно слабо. Стоит сказать и о том, что

А.А. Иессен не был специалистом в области древнегреческой керамики. Возможно, по этой причине в особую группу им были выделены обломки керамики «амфорного теста» (т.е. не обязательно амфорные?); такую же группу составляет «грубая чёрная керамика». В последнем случае это могли быть как обломки лепной посуды античного времени, изготовленной в традициях местных племён Прикубанья, так и, к примеру, гончарных горшков салтово-маяцкой культуры. В общем, использование полевых описей для составления адекватного представления о статистическом составе обнаруженного массива археологических находок представляется невозможным.

В 1931 г. разведочные раскопки Суворовского поселения были продолжены (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 131, 146). В отчёте о работах экспедиции об этом сказано, что «в подъёмном материале вновь встретились обломки древней посуды, и сделана была новая попытка открыть залегание архаических слоёв. Разведочные раскопки проведены были бригадой студентов-практикантов в двух местах поселения. Стратиграфическая картина разрезов оказалась тождественной с данными прошлого года, и древних отложений не оказалось и в новых раскопках» (Миллер 1932, с. 67).

Качество записей в полевом дневнике А.А. Иессена 1931 г. не улучшилось (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 778д. Л. 32–46), но вряд ли его следует упрекать за это слишком строго – исследователь делал черновые записи, надеясь потом использовать их при составлении отчёта о раскопках. Жаль, что этот отчёт так и не был подготовлен. Полевые описи находок стали ещё менее систематичными, так что использовать их для составления хотя бы самой приблизительной статистической картины абсолютно немыслимо.

Тем не менее, из дневника можно понять, что раскоп (6×4 м) был заложен в западной части памятника (Там же. Л. 32), потом к нему была сделана небольшая прирезка (1×0,5 м) для изучения зольного пятна, в котором находилась амфора (Там же. Л. 44). Вероятно, это была яма, относящаяся к времени средневековья. Самый примечательный объект, который был обнаружен во время раскопок, – глинобитный очаг (Там же. Л. 35 об., 37 об., 45). При его расчистке были обнаружены обломки амфор, красноглиняных и черноглиняных (лепных?) сосудов, а также один краснолаковый фрагмент (Там же. Л. 37 об.). Об этом объекте А.А. Иессен написал: «Очаг характеризуется, помимо этого (находок керамики – Ю.В.), кусочками обожжённой красной глины, зольными пятнами и угольными прослойками» (Там же. Л. 37 об.). Внутри очага было обнаружено 10 костей (Там же. Л. 45).

А.А. Иессен не сделал более внятного описания открытой им конструкции, как, впрочем, не предложил и его хронологической атрибуции. Учитывая находку фрагмента краснолакового сосуда, очаг, вероятно, можно датировать римским временем.

Затем, 7 сентября, в юго-восточном углу раскопа был обнаружен «участок с большим количеством золы и пережжённой глины, тоже, вероятно, очаг» (Там же. Л. 45). Исследования этого археологического контекста, к сожалению, не были произведены. Наконец, стоит отметить, что к юго-западу от раскопа 1931 года А.А. Иессен зафиксировал «признаки гончарной печи плохой сохранности» (Там же. Л. 3), но и этот объект остался неизученным.

В 1950 году на Суворовском поселении были проведены раскопки Синдской экспедиции под руководством В.Д. Блаватского (Блаватский 1952, с. 71–80)¹. На памятнике были заложены два раскопа; в обоих обнаружены находки, относящиеся к широкому временному диапазону – от VI в. до н.э. до средневековья. В первом раскопе были зафиксированы три культурных слоя, мощность которых в общей сложности достигала 2,2–3 м. Нижний слой, лежащий на материке, относился к III–II вв. до н.э., а верхний сформировался в эпоху средневековья. Любопытно, что развалы каменных фундаментов были обнаружены только в самых поздних напластованиях (Блаватский 1952, с. 76). В нижнем слое ничего подобного найдено не было. Непосредственно на материке был обнаружен лишь глинобитный очаг, который, по мнению исследователя, служил для выпечки лепёшек (Блаватский 1952, с. 73).

Во втором раскопе 1950 г. средневековый слой отсутствовал, и вообще находки этого времени встречались там очень редко. Археологи обнаружили немалое количество фрагментов керамики, относящейся к VI–II вв. до н.э. Подводя итог исследованиям на этом участке, В.Д. Блаватский написал: «На раскопе не было обнаружено остатков каких-либо древних построек и даже сколько-нибудь существенных строительных материалов» (Блаватский 1952, с. 78).

Этот вывод представляется несколько странным, но он ни в чём не противоречит наблюдениям, сделанным во время раскопок 1930–1931 гг. Отмечу, что оба исследователя (А.А. Иессен и В.Д. Блаватский) не выявили

¹ В 1953 г. В.Д. Блаватский предпринял раскопки некрополя, расположенного к югу от Суворовского поселения (Блаватский 1957, с. 118–119).

на памятнике ни стен, ни ям, относящихся к античному времени. Мы не имеем права сомневаться в квалификации этих исследователей как полевых археологов, а это означает, что на раскопанных ими площадях таких объектов просто не было. Стоит обратить внимание и на то, что в обоих случаях в Суворовском поселении были обнаружены глинобитные очаги.

Так что же из себя представляет этот археологический памятник? Ещё один боспорский зольник, при этом первый на азиатской стороне? Но зачем в его основании были устроены очаги? Может быть, не случайно А.А. Иссен отметил наличие здесь остатков горна для обжигания керамики? Но почему он не провёл исследования столь важного объекта? В общем, вопросов, связанных с раскопками Суворовского поселения, возникает слишком много. Ответы на них могут дать лишь его новые систематические исследования на современном уровне полевой методики.

Литература

Абрамов, Паромов 1993. – Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. – М., 1993.

Блаватский 1952 – Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952.

Блаватский 1957 – Блаватский В.Д. Четвёртый год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 70. 1957.

Виноградов 2012. – Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917) // Боспорские исследования. Вып. XXVII. – Симферополь–Керчь. 2012.

Миллер 1925 – Миллер А.А. Краткий отчёт о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Известия РАИМК. Т. IV. 1925.

Миллер 1932 – Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. [ч. 2] // СГАИМК. № 7/8. 1932.

Соколов 1919 – Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56. 1919.

Горончаровский В.А.¹, Терещенко А.Е.²
О культе Феба Аполлона в Лабрисе³

Из посвяtitельной надписи Левкона I, случайно найденной близ западной окраины Лабриса (Семибратнего городища), стало известно, что он находился под божественным покровительством Феба Аполлона. Этот бог именуется «владыкой города лабритян» (Тохтасьев 2004, с. 156). Возможно, первые колонисты учредили здесь его культ, как основателя и покровителя городов. С другой стороны, поскольку название Лабрис, скорее всего, является адаптацией местного топонима (Тохтасьев 2004, с. 148), Феб Аполлон мог быть отождествлен с почитавшимся синдами верховным божеством, имевшим солнечную природу. Такого рода процесс религиозной аккультурации мог иметь успех в варварской среде благодаря тому, что помимо прочих своих функций Аполлон – это стрелок из лука, обладатель различных богатств, умножающий стада лошадей и прочего скота (Callim. Hymn. III. 6. 35–54).

Со стремительным развитием Лабриса, занимавшего выгодное положение в отношении выхода к морю и возможности ведения речной торговли по Гипанису (Кубани), связаны расширение около середины V в. до н.э. его территории и, судя по всему, приток новых поселенцев. Тем не менее, если исходить из текста вотива Левкона I, город находился под контролем синдов и здесь размещалась резиденция их царей. Рядом, всего в 3 км от Лабриса, начинает формироваться курганный некрополь представителей правящей династии. Их власть в известной мере была ограничена, поскольку на монетах, которые, судя по всему, в последней трети V в. до н.э. стали чеканить в Лабрисе для нужд розничной торговли, появляется надпись ΣΙΝΔΩΝ, т.е. они выпускались греческими мастерами от имени всего племени.

Естественно предположить, что выбор сюжета для первой серии монет (около 430–425 гг. до н.э.) должен быть связан с образом, близким и понятным, прежде всего, синдам. Ведь, если на монете присутствует какое-то

¹ *Горончаровский Владимир Анатольевич* – доктор исторических наук, зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

² *Терещенко Андрей Евгеньевич* – кандидат исторических наук, зав. Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург, Россия).

³ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

изображение, то оно должно соответствовать религиозным воззрениям и традициям общества, с которым оно связано, и, очевидно, играть определенную роль в его политической жизни. Таковым, безусловно, является изображение на аверсе триоболов и диоболов первой серии обнаженного безбородого мужчины, который, опустившись на колени, проверяет качество стрелы (Рис. 1: 1-2). При этом лук у него висит на запястье левой руки. Долгое время считалось, что тут представлен коленопреклоненный Геракл (см., напр.: Зограф 1951, с. 168; Фролова 2002, с. 75), для создания образа которого были использованы монетные типы кизикских статеров 500–400 гг. до н.э. (Шелов 1949, с. 214; Коваленко 2020, с. 276–277; Горончаровский, Терещенко 2020, с. 119; См. табл. I, 3,4). Тем не менее, отсутствие соответствующих атрибутов однозначно указывает на то, что данный персонаж не имеет никакого отношения к Гераклу. Скорее можно предположить, что здесь в виде Феба Аполлона¹ изображен божественный прародитель династии синдских вождей со стрелой, рассматривавшейся в качестве царской инсигнии. Эту версию подкрепляет то обстоятельство, что на некоторых экземплярах первой синдской серии у головы персонажа заметны детали, которые можно трактовать как части лучистого венца (Рис. 1: 2), а стрела всегда считалась близкой символике солнечного луча. В таком случае, помещенную на реверсе сову можно рассматривать как одну из персонификаций синдской хтонической богини (Ср.: Раевский 2006, с. 66). Образ появившегося в результате этого союза первочеловека, по-видимому, представлен на аверсе триоболов и более мелких номиналов следующей серии монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ (около 425–400 гг. до н.э.). В греческой трактовке, как и в скифском варианте, с учетом изображения львиного скальпа он близок Гераклу (Рис. 1: 3). Голова лошади на реверсе, возможно, намек на сюжет, отчасти аналогичный пересказанному Геродотом (Herod. IV, 8–10), где герой в поисках пропавших коней оказывается в пещере, и вступает в связь со змееной девой (Шауб 2007, с. 337). В варианте генеалогической легенды, возможно, бытовавшей у синдов, таким образом могло повествоваться о происхождении этого народа.

Видимо, на Азиатском Боспоре именно змееное женское божество стали достаточно рано сопоставлять с Афродитой, почитавшейся в святилище с негреческим названием Апатур. Это название объясняет рассказанный Страбоном эпизод, связанный с истреблением Гераклом гигантов в подзем-

¹ Ранее авторы лишь отметили близость прародителя синдских царей образу скифского Колаксия, которому, согласно скифской генеалогической легенде, достались упавшие с неба золотые предметы (Горончаровский, Терещенко 2020, с. 123).

ной пещере, куда их заманивала богиня (Strab. XI. 2, 10), то есть синдский герой, как и греческий, мог выступать в роли защитника от различного рода чудовищ (Шауб 2007, с. 114). Также не исключено, что в повествовании о его потомках могла фигурировать упавшая с неба стрела, как символ связи с божественным прародителем. По крайней мере, у саков по сообщению Курция Руфа она присутствует среди даров, посланных им богами (Curt. VII. 8, 17). По-видимому, у синдов священная золотая стрела стала главным атрибутом царской власти, которую мог взять в руки только избранный богами правитель, посредством совершения соответствующего ритуала. В этой связи привлекает внимание золотой перстень, найденный А.Е. Люценко в 1854 г. в каменной гробнице с женским погребением под курганной насыпью высотой около 3,2 м на северном склоне горы Митридат. На этом великолепном образце торевтики работы мастера Афинада вырезан сидящий на складном стуле (дифросе) бородатый мужчина в богатых персидских одеждах, занятый проверкой прямизны древка стрелы (Калашник 2014, с. 76–77). Следовательно, нельзя исключать вероятность того, что здесь была захоронена представительница синдского правящего рода.

Существовавшая у иранцев связь сюжета проверки стрелы с солнцем достаточно наглядно подчеркнута на серебряном статере из Тарса, где над стрелой в руках сидящего перса здесь парит крылатый солнечный диск – символ божественного покровительства и защиты царя (см. Рис. 1: 4).

Подводя итог, отметим, что включение варварских в своей основе божеств в боспорский пантеон под привычными для греков именами вполне естественно, так как они считались покровителями осваиваемых колонистами земель. Таким образом, вряд ли стоит сомневаться в том, что, несмотря на внешне чисто греческую трактовку, отбор сюжетов для монет, выпускавшихся от имени синдов, был весьма тщательным. Запечатлённые в них образы, несомненно, имели глубочайший сакральный смысл и были полностью востребованы в сфере местных религиозных представлений, очевидно иранских в своей основе.

Литература

Горнчаровский, Терещенко 2020 – Горнчаровский В.А., Терещенко А.Е. К вопросу об идентификации раннего типа синдских монет // Археологические вести. Вып. 30. – СПб., 2020. С. 116–124.

Зограф 1951 – Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. № 16, – М.–Л., 1951. С. 13–264.

Калашник 2014 – Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. – СПб., 2014.

Коваленко 2020 – Коваленко С.А. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // Петербургский археологический весник *omnium horarum*: сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова – М., 2020. С. 291–315.

Раевский 2006 – Раевский Д.С. Мир скифской культуры. – М., 2006.

Тохтасьев 2004 – Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. № 3, 2004. С. 144–180.

Фролова 2002 – Фролова Н.А. Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. № 3, 2002. С. 71–84.

Шауб 2007 – Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. – СПб., 2007.

Шелов 1949 – Шелов Д.Б. Монеты синдов // КСИИМК. Вып. XXX, 1949. С. 111–118.

Рис. 1. 1, 2 – чеканка синдов: диоболы, серебро. 427–424/23 гг. до н.э. и увеличенный фрагмент изображения на аверсе; 3 – чеканка синдов: трибол, серебро. 423–400 гг. до н.э.; 4 – Тарс (Киликия). Статер, серебро. Ок. 370 г. до н.э.

Григорьева О.В.¹, Медведева М.В.²

Новые архивные документы по изучению генуэзских колоний Крыма в 1920-х гг. из собрания ИИМК РАН³

Изучение итальянской колонизации Северного Причерноморья имеет богатые историографические традиции. В отечественной науке наибольшее внимание уделялось истории Генуэзской республики, создавшей в X–XIII вв. сильное государственное образование в Крыму. «Генуэзская Газария» состояла из четырех укрепленных городов: Каффы (Феодосия), Солдайи (Судак), Чембало (Балаклава), Воспоро (Керчь), их сельских округ, а также отдельных селений и замков южного берега Крыма (Мыц 2009, с. 8–9; Бочаров 2016, с. 263–268; 2018, с. 35–48). Значительный вклад в изучение этой территории в 1920-е гг. внесли сотрудники Академии истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. – ГАИМК), организованной в 1919 г. в Петрограде на базе Императорской Археологической Комиссии.

Новое учреждение не только продолжило лучшие традиции дореволюционной археологии, но и значительно расширило сферу научных исследований. Одной из первостепенных задач Академия ставила «собрание и регистрацию первоисточников» в экспедициях и поездках (Фармаковский 1926, с. 7). Полученные материалы анализировались, составлялись своды, в дальнейшем предполагалось издать фундаментальные труды, однако многие из этих планов не состоялись, а добытые сведения, выполненные иллюстрации, чертежи легли на архивные полки. Такая тенденция характерна для всех направлений работ Академии 1920-х гг., в том числе и для исследований генуэзских памятников Крыма.

Изучение историко-культурного наследия Северного Причерноморья, как и во времена ИАК, стало важным направлением в научных изысканиях сотрудников Академии. Средневековыми памятниками Крыма с 1919 по

¹ *Григорьева Ольга Владимировна* – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

² *Медведева Мария Владимировна* – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И.В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

1929 гг. занимался Разряд археологии и искусства раннехристианского и византийского II Археологического отделения под руководством востоковеда и византиниста А.А. Васильева. В подразделении трудились вместе как признанные ученые, так и молодые талантливые специалисты: Н.П. Лихачев, Ф.И. Успенский, Ф.И. Шмит, Н.В. Малицкий, Е.Ч. Скржинская, А.П. Смирнов, Н.В. Измайлова, М.А. Тиханова-Клименко (Фармаковский 1926, с. 26), Л.А. Мацулевич¹. Разряд успешно работал в составе Академии до рубежа 1920–1930-х гг., когда структуру учреждения преобразовали в соответствии с новыми идеологическими установками. Разряд расформировали, а большинство специалистов оказались не нужны и даже чужды новой «марксистской» науке². В результате плодотворной научной деятельности Разряда в 1920-х гг. сложилось существенное документальное наследие, до сих пор остающееся во многом неизвестным современным исследователям.

Наибольший вклад в разработку истории генуэзских колоний Крыма внесла историк-медиевист и филолог Елена Чеславовна Скржинская (Медведев 1983; Мажуга 1978, 1997; Васильев, Климанов 2004), состоявшая в Разряде на протяжении всего его существования, с 1919 до 1929 г. Еще в студенческие годы ее научные интересы были связаны со средневековыми древностями Южной Италии. В Академии одновременно с основной порученной ей плановой темой по истории крымских готов исследовательница сразу занялась изучением и разбором источников об итальянских колониях в Крыму и церковной архитектуре южной Италии в X–XIII вв. Со временем генуэзские колонии Крыма, их история и памятники, стали главной темой исследований Е.Ч. Скржинской в РАИМК/ГАИМК.

В период 1920-х гг. она, главным образом, изучала средневековую историю Судака (Солдайи) и Феодосии (Каффы). Изыскания Е.Ч. Скржинской по этой теме подробно рассматривались на материалах ее личного архива из хранения Санкт-Петербургского Института истории РАН (Васильев, Климанов 2004, с. 490–500; Климанов 2006). На основе этого же документального комплекса в 2006 г. был подготовлен сборник неизданных рукописей

¹ Заседания Разряда часто проходили совместно с Разрядом археологии и искусства средневекового Запада. В них принимали участие Д.В. Айналов, С.А. Жебелев, О.А. Добиаш-Рождественская и другие сотрудники Академии.

² К этому моменту эмигрировал заведующий разрядом А.А. Васильев; Ф.И. Успенский скончался; Н.В. Измайлова в 1929 г. «снята со штата Академии» по распоряжению РАИОН; в результате чистки 1930 г. уволены Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова-Клименко. В 1929–1933 гг. репрессированы А.П. Смирнов, Н.П. Лихачев, Н.В. Малицкий, Ф.И. Шмит.

Е.Ч. Скржинской и архивные документы к ее биографии, в том числе по деятельности в Академии истории материальной культуры (Скржинская 2006). Некоторые из этих документов дублируются в фонде РАИМК/ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1), однако важно отметить, что в личном архиве Е.Ч. Скржинской оказались лишь выборочные материалы, тогда как официальный фонд учреждения содержит весь спектр документации, полученной в результате деятельности сотрудников Разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского РАИМК/ГАИМК.

С приходом в РАИМК Е.Ч. Скржинская в первую очередь занялась сбором и накоплением информации из литературных и эпиграфических источников, чтобы выявить вспомогательные данные для сравнения с вещественными остатками материальной культуры генуэзских колоний на местах в процессе будущих археологических экспедиций. Тогда же Е.Ч. Скржинская составила археологическую карту средневековых памятников Крыма¹ и указатель к ней; подготовила по письменным источникам географический обзор южного берега Крыма от Феодосии до Херсонеса и прилегающей к нему горной части полуострова; сделала обзор всех находящихся на этой территории укреплений, поселений и отдельных развалин. Попутно с этой работой она подготовила словарь латинских и итальянских слов, употреблявшихся в генуэзских колониях. О результатах своих исследований Е.Ч. Скржинская постоянно докладывала на заседаниях Разряда и на открытых собраниях РАИМК.

От сбора литературных источников и анализа вещественных находок Е.Ч. Скржинская перешла к практическим работам, как только это стало возможным. Уже в 1921 г. она разработала и доложила план большой поездки в Крым (Симферополь, Севастополь с заездом в Мангуп и Херсонес, монастырь Св. Георгия в Балаклаве, мыс Гурзуф, Алушта, Судак, Феодосия, Керчь, 535 верст на 60 дней). Первую поездку удалось осуществить только в 1923 г., когда Е.Ч. Скржинская обследовала «все доступные археологические остатки на протяжении 60 верст между Симеизом и Алуштой». В 1924 г. она отправилась в Феодосию и Судак, где осмотрела генуэзские укрепления Каффы и Солдайи. В 1925 г. Е.Ч. Скржинская изучала генуэзские надписи из собрания Феодосийского археологического музея, а в Судаке исследовала архитектурные конструкции средневековой крепости. В 1926 г. она посетила Балаклаву, Алушту, Чобан-Куле, Судак, Феодосию и приняла участие в юби-

¹ Оригинал карты выявлен в фондах НА ИИМК РАН.

лейной керченской конференции с двумя докладами «Латинские надписи из Генуэзских памятников в Крыму» и «Судак – памятник западного Средневековья в Крыму» (Мацулевич 1926, с. 281–282). В 1927 г. Е.Ч. Скржинская провела экскурсию для студентов Педагогического института им. Герцена (40 чел.) по маршруту Феодосия, Судак, Ялта, Балаклава, Херсонес, Севастополь с прочтением ряда лекций в процессе осмотра памятников генуэзского владычества в Крыму. В 1928–1929 гг. исследовательница уделила много времени работе в Судакской археологической экспедиции и обработке полученных результатов (Рис. 1). Одновременно Е.Ч. Скржинская продолжала изучать письменные источники и эпиграфические памятники; прорабатывала вопросы византийского быта в Южной Италии; изучала частно-юридические акты и южно-итальянские монеты в нумизматическом отделении Эрмитажа. Главным итогом ее работ в Разряде археологии и искусства раннехристианского и византийского стала публикация монографии «Собрание латинских надписей Генуэзских колоний в Крыму», вышедшая в Италии (Skrzinska 1928).

Все основные этапы работ Е.Ч. Скржинской над темой генуэзских колоний в Крыму в рамках ее деятельности в РАИМК/ГАИМК прекрасно задокументированы в Научном архиве ИИМК РАН. Материалы содержат уже известные факты, но вместе с тем открывают и неизвестные аспекты изучения генуэзских памятников в Крыму в деятельности Е.Ч. Скржинской и ее коллег в 1920-х гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1919. Д. 16, 23; 1920. Д. 17; 1921. Д. 17; 1922. Д. 14; 1923. Д. 16; 1924. Д. 17; 1925. Д. 21; 1926. Д. 21, 22; 1927. Д. 20, 21; 1928. Д. 23; 1929. Д. 21).

В ежегодных отчетах Разряда имеется общая характеристика научной деятельности подразделения, а также индивидуальные отчеты, содержащие более подробное изложение работы каждого сотрудника. По отчетам Е.Ч. Скржинской можно проследить, как в ее научном творчестве развивалась тема по истории генуэзских «пришельцев» в Крыму; какие методики она использовала; с какими источниками работала; в какие командировки ездила; какие доклады и публикации готовила. В отчетах приводятся ее размышления о внутренней жизни и культуре генуэзских колоний Крыма.

В Протоколах заседаний Разряда кратко отражены не только все темы выступлений, но и задокументированы вопросы и обсуждения, дающие представление о научной коммуникации ученых в 1920-е гг. Важно отметить, что в ряде случаев сохранились краткие тексты докладов Е.Ч. Скржинской, информации о которых больше нет нигде. Например, сообщение

о генуэзском статуте Каффы-Феодосии 1449 г. (1921); доклады об издании источников, посвященных уставам генуэзских колоний в Крыму 1316 и 1449 г., о содержании и отдельных статьях уставов Генуэзской республики 1363 и 1403 г.; об уставе Каффы 1316 г. (1922); «Маленькие церкви-базилики в Крыму» (1926). Анализируя протоколы заседаний Разряда с 1919 по 1929 г., можно установить, какое место занимало изучение генуэзских колоний Крыма в общем контексте работы отдела и увидеть динамику исследований в этом направлении.

Большую научную ценность для объективной оценки исследований генуэзских памятников Крыма в 1920-х гг. составляют материалы из экспедиций и поездок, связанные с работами уже не только Е.Ч. Скржинской, но и других сотрудников Академии. В архиве ИИМК РАН хранятся дела с перепиской и отчетами о командировании Е.Ч. Скржинской в 1924–1925 гг. в Феодосию и Судак, где она кратко описывает методы и результаты своих работ по изучению генуэзских надписей и укреплений (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1924. Д. 62; 1925. Д. 63).

В 1927 г. начала свою деятельность Судакская археологическая экспедиция ГАИМК (1927–1929 гг.) под руководством Ю.В. Готье, в задачи которой входило обследование Судакской крепости и связанных с ней сооружений (Археологические экспедиции 1962, с. 52–53, № 134). Полевые отчеты экспедиции проанализированы и хорошо известны (Майко 2017), но чертежи и богатейший фотографический комплекс документов до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Бесспорно, альбом точных обмеров с чертежами крупного формата (40 листов) и более 400 снимков, фиксирующих процесс работ, общие виды и детали крепостных сооружений Судака и Балаклавы (Рис. 2), могут дать новую информацию для современных ученых, также, как и значительная коллекция эстампажей генуэзских надписей и декоративных элементов (более 100 шт.), выполненных в 1925–1928 гг. Е.Ч. Скржинской, М.А. Тихановой-Клименко и др.

Кроме того, осенью 1928 г. в ГАИМК на объединенных заседаниях Разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского и Разряда археологии и искусства средневекового Запада была сделана серия докладов о работах экспедиции, хорошо задокументированных в архиве ИИМК РАН. Первым прозвучал доклад Е.Ч. Скржинской «Итоги и выводы относительно Судакской крепости». Произведенные зондажи позволили членам экспедиции предположить, что происхождение крепости было полностью генуэзским, а предшествующие ей конструкции деревянными.

Одновременно они попытались установить способ установки крепостных сооружений на скале. Е.Ч. Скржинской удалось прочитать две генуэзские надписи и осуществить специальное обследование системы водостоков. В протоколе заседания сохранились краткие тезисы с описанием методики работ Судакской экспедиции и полученных результатов, а также запись обсуждения итогов.

На следующем заседании архитектор Н.Б. Бакланов сделал доклад об архитектурных работах 1928 года, вызвавший заинтересованный отклик среди слушателей и живой обмен мнениями. Затем были заслушаны доклады Н.Д. Протасова¹ о его раскопках в Судаке и М.А. Тихановой-Клименко с анализом керамики, обнаруженной в процессе археологических исследований. В дискуссиях по поводу судакских отчетов приняли участие Д.В. Айналов, К.К. Романов, Г.И. Котов, О.А. Добиаш-Рождественская и др.

Без сомнения, что все эти документы из хранения Научного архива ИИМК РАН необходимо как можно быстрее ввести в научный оборот. Их публикация позволит значительно расширить наши знания об изучении генуэзских памятников Крыма в 1920-е гг.

Литература

Археологические экспедиции 1962 – Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института Археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель – М., 1962. 263 с.

Бочаров 2016 – Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / под ред.: С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. – Казань–Ялта–Киев: Stratum Plus, 2016. С. 263–268.

Бочаров 2018 – Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2018. Том 45, № 1. С. 35–48.

Васильев, Климанов 2004 – Васильев А.Н., Климанов Л.Г. Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. – СПб., 2004. С. 458–521.

¹ Н.Д. Протасов являлся сотрудником московского отделения ГАИМК, но регулярно принимал участие в заседаниях в Ленинграде.

Климанов 2006 – Климанов Л.Г. Е.Ч. Скржинская и история изучения генуэзских поселений и их памятников в Крыму // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – Киев–Судак–СПб., 2006. С. 6–23.

Медведев 1983 – Медведев И.П. Елена Чеславовна Скржинская. Некролог // Византийский временник. Т. 44(69), 1983. С. 267–268.

Мажуга 1987 – Мажуга В.И. Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е.Ч. Скржинской) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. – Л., 1987. С. 1–24.

Мажуга 1997 – Мажуга В.И. Е.Ч. Скржинская – исследователь и публикатор исторических источников // Иордан. О происхождении и деянии гетов. 2-е изд. – СПб., 1997. С. 490–505.

Майко 2017 – Майко В.В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – СПб., 2017. С. 232–271.

Мацулевич 1926 – Мацулевич А.Л. Конференция археологов СССР в Крыму // Сообщения ГАИМК Т. I. – Л., 1926. С. 271–287.

Мыц 2009 – Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009. 528 с.

Скржинская 2006 – Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – Киев–Судак–СПб., 2006. 380 с.

Фармаковский 1926 – Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 гг. с приложениями // Сообщения ГАИМК Т. I. – Л., 1926. С. 1–36.

Фармаковский 1929 – Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 гг. // Сообщения ГАИМК Т. II. – Л., 1929. С. 1–26.

Skrzinska 1928 – Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP. Vol. LVI. – Genova, 1928. P. 1–140.

Рис. 1. М.А. Тиханова-Клименко, Ю.В. Готье, Е.Ч. Скржинская в Судакской экспедиции в 1928 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.160/19

Рис. 2. Судак. Вид на верхнюю часть крепостной горы и Георгиевскую башню. 1928 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.160/61

К типологии лепных горшков Елизаветовского городища

Начало изучению лепной керамики скифского времени в археологической науке было положено Т.Н. Книпович. Исследовательница, рассматривая указанные остатки материальной культуры, обнаруженные в результате исследования Елизаветовского городища, продолжила и расширила вопрос, поставленный ещё А.А. Миллером, о возможности рассмотрения лепной керамики местного догреческого, греческого и раннеэллинистического периодов «...как продолжающие друг друга, как три периода существования одной общей группы или различия таковы, что следует усматривать здесь три самостоятельные группы, производителями которых были разные народности?» (Книпович 1934, с. 166). Археолог, не имея в своем распоряжении целых экземпляров сосудов, предложила типологизацию лепной керамики, основанную на анализе фрагментов. Преобладающей формой оказался горшок, типов которого было выделено три – в зависимости от профиля шейки сосуда.

Спустя более чем треть столетия вернулся к изучению этой категории остатков материальной культуры именно К.К. Марченко. В своей работе 1972 года исследователь предпринял попытку типологизации лепной керамики Елизаветовского городища, основываясь и развивая подход, предложенный Т.Н. Книпович. В итоге весь массив был разделён на 4 группы керамики и X типов. К горшкам исследователь относил сосуды I и II типа I группы (Марченко 1972, с. 125-130).

В дальнейшем В.П. Копыловым совместно с К.К. Марченко была проанализирована лепная посуда, происходящая из Елизаветовского могильника, и проведена её сравнительная характеристика с городищенским материалом. Горшки были выделены в единственный I тип (Копылов, Марченко 1980, с. 156–157).

На этом исследование лепных горшков Елизаветовского археологического комплекса прекратилось. Стоит отметить, что накопление остатков материальной культуры усилиями Южно-Донской археологической экспедиции продолжается до сих пор. За последние 30 лет на территории городища

¹ *Губарев Иван Викторович* – научный сотрудник Южно-Донской археологической экспедиции (г. Ростов-на-Дону, Россия).

было обнаружено 25 археологически целых лепных сосудов, а из раскопок могильника происходит 19 экземпляров. Полученные материалы вкупе с ранее известными нуждаются в более подробном рассмотрении и систематизации.

Обилие форм сосудов, отсутствие единых принципов организации материала, а также разнообразие в выборе типологизирующих критериев для лепной керамики конкретного памятника обусловили существующее разнообразие классификаций. Также необходимо констатировать, что в современной археологической науке, как и в русской культуре в целом, отсутствует общепринятое определение термину «горшок». Так, например, В.И. Даль относил к горшкам «округлый, облый сосуд различного вида, выжженный на огне» (Даль...), а, по мнению С.И. Ожегова, под горшком следует понимать «округлый глиняный сосуд для приготовления и хранения пищи» (Ожегов, Шведова 2003, с. 140). В археологической науке Ю.Ф. Кирюшиным и Н.Ф. Степановой было дано собственное определение для исследуемой категории лепной керамики: «Горшок – это сосуд с невысокой шейкой, прямым или отогнутым венчиком, приземистый, с сильно раздутым туловом. Диаметр тулова больше высоты сосуда, иногда равен ей или немного меньше» (Кирюшин, Степанова 2004, с. 26).

По нашему мнению, горшком необходимо считать плоскодонный сосуд с округлым туловом, прямым или отогнутым наружу горлом, устьем, меньшим по своему диаметру, чем диаметр наибольшего расширения тулова, узкой шейкой практически равной диаметру дна. На основании описанных критериев из лепной керамики, обнаруженной в ходе исследования городища, нами было выделено 14 экземпляров (Рис.1). Семь из них происходят из раскопок последних трех десятилетий, другая половина известна по публикациям прошлых лет.

Для классификации лепных горшков нами был использован метод, впервые использованный Х.И. Крис (Крис 1981, с. 20), который рассматривает сосуд как систему и, в отличие от метода, предложенного Т.Н. Книпович, где типобразующим признаком выступала форма шейки сосуда (Книпович 1934, с. 161), в качестве такого признака использует форму тулова сосуда. В попытке уйти от субъективности в её оценке, нами была использована математическая модель – круг, вписанный в место наибольшего расширения тулова. На этом основании нам удалось выделить 7 типов лепных горшков (Рис. 2).

I тип горшков объединил сосуды, в абрис которых возможно вписать круг, с горлом в виде раструба и плоскосрезанным или отогнутым венчиком, узкой шейкой, шаровидной формой тулова, крутыми плечиками, сужающимися к низу и переходящими в плоское дно. Место наибольшего расширения находится в верхней трети и равно высоте сосуда. Стоит отметить, что описанный тип горшка имеет широкий ареал бытования как в географическом, так и в историческом контексте (Гаврилюк, Соколова 2007, с. 270). Тип распадается на 3 варианта, в зависимости от характерных особенностей исполнения венчика и придонной части.

Выделенный тип соотносится со 2 типом по классификации Т.Н. Книпович и I типом по К.К. Марченко. Стоит отметить, что все последующие типы лепных горшков, выделенные нами, отвечают критериям 1 типа по Т.Н. Книпович и I типа по К.К. Марченко.

Аналогии выделенному I типу известны в Нижнедонских комплексах – I тип по С.И. Лукьяшко (Лукьяшко 2010, с. 159–161), в Поднепровье – I тип по Б.Н. Гракову (Граков 1954, с. 71), в поселениях Березани – VII тип по К.К. Марченко (Марченко 1976, с. 119), в погребальных комплексах Южного Приуралья – III отдел плоскодонной керамики по К.Ф. Смирнову (Смирнов 1964, с. 112); среди материалов кизил-кобинской культуры – вторая разновидность 2 варианта III типа горшков (Крис 1981, с. 21). Также аналогичные горшки известны в степных скифских погребениях IV–III вв. до н.э. – первый вариант II типа по Н.А. Гаврилюк (Гаврилюк 1980, с. 20–21) и в поселении Панское I в северо-западном Крыму – вариант А I типа по В.Ф. Столбе (Hannestad, Stolba, Scegllov 2002, с. 183–184).

Ко II типу горшков нами отнесены сосуды с дугообразным в разрезе горлом, узкой шейкой и яйцевидным туловом, сужающимся к донной части. Наибольшее расширение расположено по центру сосуда, и его диаметр меньше высоты: круг, вписанный в диаметр, не касается устья и дна.

Среди нижнедонских лепных горшков выделенный нами II тип соотносится со 2 вариантом II типа по С.И. Лукьяшко; в Поднепровье – с 1 типом по Б.Н. Гракову, в поселениях Березани – с VIII типом по К.К. Марченко. Кроме того, II тип находит аналогии среди IV отдела савроматских плоскодонных горшков по К.Ф. Смирнову, II типа лепных горшков степной Скифии IV–III вв. до н.э. по Н.А. Гаврилюк, и варианта А I типа лепной керамики поселения Панское I.

В III тип горшков вошли сосуды яйцевидной формы с невысоким горлом, выраженными плечиками, расположенными в верхней трети, сужаю-

щимися к низу и оканчивающиеся выделенной донной частью. Вписанный в место наибольшего расширения круг касается внутренней части дна, но не касается устья. Выделяется два варианта, отличающиеся исполнением горла и дна. Аналогии выделенному типу были обнаружены на памятниках Нижнего Дона – 1 вариант I типа по С.И. Лукьяшко, Поднепровья – 1 тип по Б.Н. Гракову, Средневожского Левобережья – II и III отделы по К.Ф. Смирнову, а также в материалах городецкой культуры – II тип по классификации Т.В. Сарапулькиной (Сарапулькина 2010, с. 64).

IV тип представлен горшками с дугообразным в разрезе горлом, содержащим носик-слив, узкой шейкой, бочковидной формой тулова, удлиненной донной частью и выделенным дном. Круг, вписанный в наибольшее расширение, расположенное в центре сосуда, не касается ни устья, ни дна.

IV тип елизаветовских горшков находит аналогии в 4 варианте II типа Нижнедонских горшков, II отделе савроматских лепных горшков Дона и Поволжья по К.Ф. Смирнову, 1 типе лепной керамики Каменского городища и II типе горшков, происходящих из степных скифских погребений IV–III вв. до н.э.

К V типу нами были отнесены небольшие сосуды с округлым, слегка раздутым туловом, переходящим в выделенное дно. Высота сосуда немногим больше наибольшего расширения тулова, расположенного в середине. Круг касается устья и внутренней части дна. Выделено 4 варианта в зависимости от степени расширения тулова и исполнения горла.

Сосуды, отвечающие критериям V типа, аналогичны горшкам II типа по классификации С.И. Лукьяшко, I типу лепной керамики Мирмекия (Кастанаян 1981, с. 138), 4 типу лепных сосудов Каменского городища, III отделу савроматской плоскодонной посуды, а также В варианту I типа сосудов поселения Панское I по В.Ф. Столбе.

В тип VI нами были включены сосуды с сильно зауженным горлом, сферической формой тулова, отогнутым наружу горлом и плоско срезанным венчиком и массивным дном. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть сосуда. Круг касается дна и шейки горшка. Тип распадается на два варианта.

Рассматриваемый тип возможно соотнести с III отделом по К.Ф. Смирнову, 2 типом лепной керамики Каменского городища по Б.Н. Гракову и III типом сосудов степных скифов IV–III вв. до н.э. по Н.А. Гаврилюк.

К VII типу елизаветовских горшков нами отнесены сосуды с ромбовидной формой тулова с узкой дуговидной в разрезе шейкой. Наибольшее

расширение тулова приходится на нижнюю треть, резко сужается и переходит в дно. Круг касается шейки и выходит далеко за пределы дна. Форма горшка восходит к сосудам синдо-меотского населения Северо-Восточного Причерноморья VII в. до н.э. (Крушкол 1963, с. 101–102).

Как можно отметить, 1 тип лепной керамики, предложенный Т.Н. Книпович, включает шесть типов выделенных нами горшков и не способен описать все многообразие их форм.

Схожая ситуация и с типологией, разработанной К.К. Марченко: I тип его классификации включает все семь типов елизаветовских горшков, выделенных нами. В этом ключе необходимо отметить, что исследователь связывал сосуды этого типа преимущественно со степной зоной Северного Причерноморья – с Каменским городищем (Марченко 1972, с. 133). В результате проведенного сопоставления форм елизаветовских горшков, мы можем согласиться с указанным выводом.

Аналогии форм елизаветовских горшков имеют широкое распространение как во времени, так и в пространстве. В связи с чем стоит отметить, что рассмотрение лепной керамики обособленно от остальных остатков материальной культуры памятников может привести к ложным умозаключениям. Так, некоторые аналогии лишь подтверждают общие для народов скифского времени тенденции в развитии форм сосудов, и никак не могут быть маркером наличия контактов между ними.

Исходя из этого возможно отметить, что елизаветовские горшки имеют сходство в форме с сосудами населения Нижнего Подонья, Нижнего Поднепровья, Среднего Поволжья, Южного Приуралья, Северо-Западного Крыма, а также Северо-Восточного Причерноморья.

Литература

Гаврилюк 1980 – Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н.е. // Археологія. № 34. 1980. С. 17–30.

Гаврилюк, Соколова 2007 – Гаврилюк Н.А., Соколова О.Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. – М.–Киев–Запорожье, 2007. С. 258–342.

Граков 1954 – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36. 1954. 240 с.

Даль...: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // [Электронный ресурс.] URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения 20.12.2022).

Книпович 1934 – Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам Гос. Академии материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1934. Вып. 34. – Л., 1934. С. 11–201.

Копылов, Марченко 1980 – Копылов В.П., Марченко К.К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. № 2. 1980. С. 155–160.

Марченко 1972 – Марченко К.К. Лепная керамика V–III вв. до н.э. с городища у ст. Елизаветинской // СА. № 1. 1972. С. 122–134.

Кирюшин, Степанова 2004 – Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – Барнаул, 2004. 292 с.

Крис 1980 – Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7. 1980. 130 с.

Крушкол 1963 – Крушкол Ю.С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями МОПИ им. Н.К. Крупской // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. СХV. Всеобщая история. Вып. 4. – М., 1963. С. 47–109.

Лукьяшко 2010 – Лукьяшко С.И. Лепные горшки скифского времени Нижнего Дона // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. № 13. 2010. С. 151–161.

Ожегов, Шведова 2003 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М. 2003. 944 с.

Сарапулькина 2010 – Сарапулькина Т.В., Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.06 Археология. – Воронеж, 2010. 255 с.

Смирнов 1964 – Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история сарматов. – М., 1964. 381 с.

Hannestad, Stolba, Scegllov 2002 – Hannestad, V. Stolba, A. Scegllov (eds), Panskoje I. Vol. 1. The Monumental Building U6. Aarhus. 2002. 573 p.

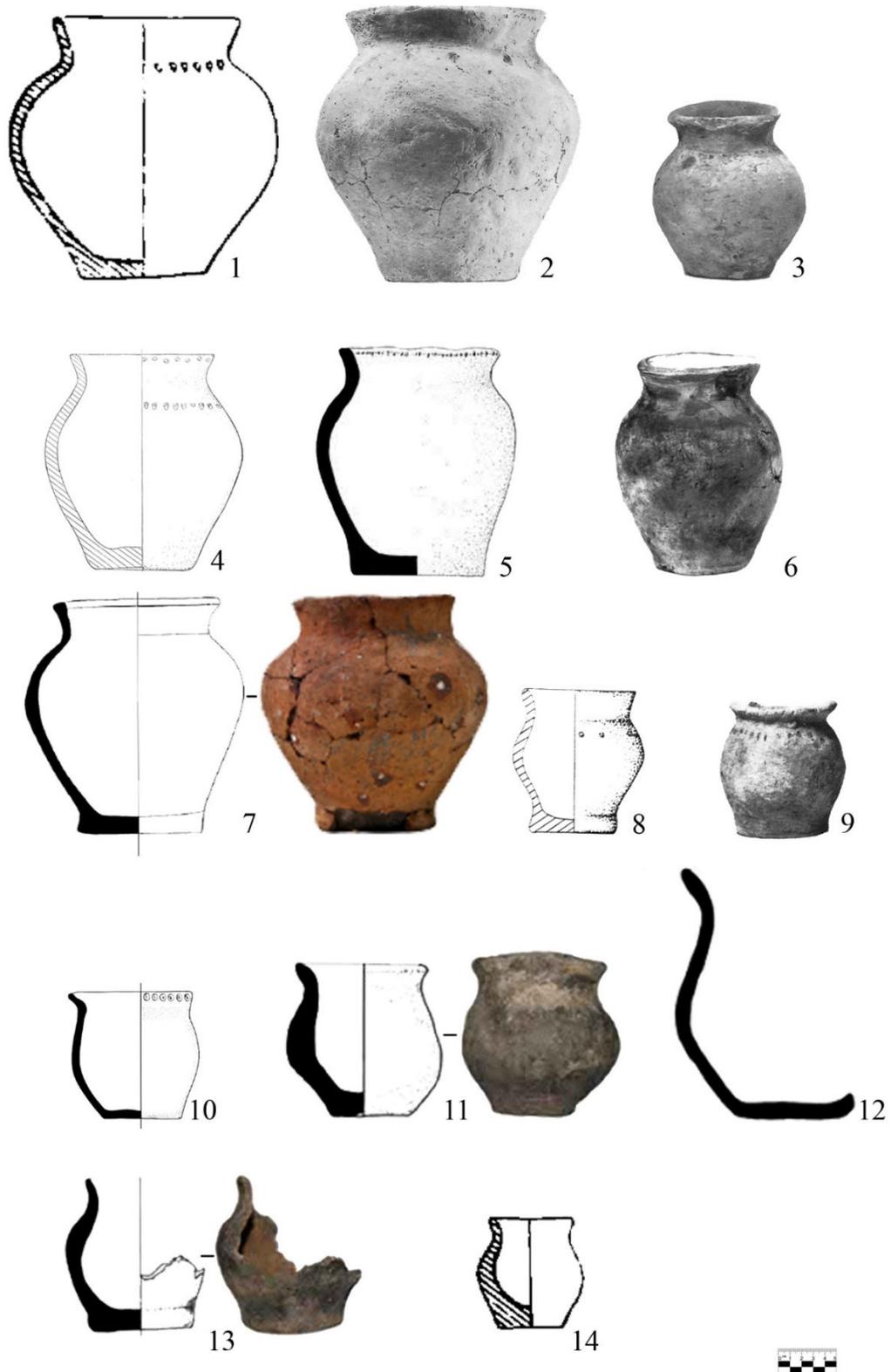

Рис. 1. Лепные горшки Елизаветовского городища

вариант тип	A	B	C	D
I				
II				
III				
IV				
V				
VI				
VII				

Рис. 2. Типология горшков Елизаветовского городища

Дедюлькин А.В.¹

К вопросу об участке для погребения стратегов на некрополе Пантикапея

Предположение о существовании на пантикапейском некрополе особого участка для погребения стратегов впервые высказал В.В. Латышев в публикации плиты с надписью *στρατηγών* (Рис. 1), найденной 12 октября 1901 года при раскопках гробниц на 1-й Аджимушкайской ул. в Керчи (Латышев 1902, с. 34–34). Эта гипотеза была основана и на находке в 1896 году на близко расположенном участке, на даче Л.П. Войкова, надгробия стратега тикандитов (Латышев 1899, с. 61–62). С.А. Жебелев согласился с мнением В.В. Латышева (Жебелев 1934, с. 13), отметив, что нет ясности, были ли эти стратеги предводителями гражданского или наемного ополчения. К.М. Колобова отметила, что в римский период военные силы боспорских городов не могли быть созданы заново, следовательно, стратеги должны были существовать ещё в эпоху эллинизма, но должность эта была полисной, и не относилась к царской администрации. Численность боспорских городских ополчений по мнению исследовательницы не была большой, они представляли собой «полицейскую² силу для внутреннего контроля как города, так и городской *χώρα*» (Колобова 1953, с. 68). Г.А. Цветаева признала гипотезу В.В. Латышева вполне правдоподобной, упомянув найденные в этой же части некрополя раннеэллинистические воинские погребения – известное надгробие павшего в битве со скифами Гекатея, «пахнущего Ленэем», и богатую гробницу с оружием и статером Лисимаха, исследованную А.Б. Ашиком в 1834 г. (Цветаева 1951, с. 72). Ю.А. Виноградов предположил, что погребенный со шлемом и махайрой воин был наемником³ (Виноградов 1997, с. 76–77).

¹ *Дедюлькин Антон Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

² Страбон упоминает *ὑκτερινὸς στρατηγός* в Александрии (Str.17.1.12). О значениях термина стратег см. (Liddell, Scott 1996, *στρατηγός*). О стратегах в эллинистическую эпоху см. (Bengtson 1952).

³ Это предположение было детализировано в статье А.И. Козака и А.В. Федорука, которые по инвентарю погребения без эпитафии «реконструировали» биографию воина. Он был италийским греком-наёмником, мог принимать участие в различных кампаниях Клеонима, Агафокла и Пирра, а потом потеряв «место постоянной воинской службы» приехал из Тарента в Пантикапей (Козак, Федорук 2019, с. 417–419). Подробно

Д.П. Алексинский в прекрасной публикации, посвященной роскошному шлему из этого воинского погребения, осторожно предположил, что примерно там же, где были найдены эпиграфические памятники I в. н.э., связанные со стратегами, в более раннее время был престижный участок некрополя для высокопоставленных граждан, занимавших видные посты в воинской иерархии (Алексинский 2008, с. 48–49). Безусловно, на Глинище и к востоку от него, вдоль древних дорог на Мирмекий и к Царскому кургану, размещались престижные участки с погребениями аристократии и состоятельных пантикапейцев (Цветаева 1951, с. 71). Возле Карантинного шоссе были исследованы погребения боспорской элиты второй половины III в. до н.э., «элиты не самого высокого ранга, но игравшей существенную роль в истории Боспорского государства» (Виноградов 2017, с. 94). Плита с надписью *στρατηγῶν* была найдена на 1-й Аджимушкайской улице, напротив дачи Л.П. Войкова, где было обнаружено надгробие стратега тикандитов. Участки на Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицах, на которых В.В. Шкорпил вёл раскопки 10–12 октября 1901 года были расположены недалеко от Братской церкви (Шкорпил 1903, с. 87). Братская Покровская церковь отмечена на «Плане Керченского порта по изысканиям 1893–96 гг.» (Рис. 4), поэтому район находки обеих плит I в. н.э. может быть локализован довольно точно. Гораздо сложнее определить место находки воинского погребения 1834 г. Ориентиры, указанные А.Б. Ашиком и П. Дюбрюксом, очень приблизительные. В рапорте А.Б. Ашика от 15 декабря 1834 года просто говорится о «курганах близ шоссе» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1831. Д. 19. Л. 250). Косвенную информацию о локализации можно получить из указаний П. Дюбрюкса и Д.В. Карейши. Относительно кургана Аморетти, раскопанного Д.В. Карейшей, указано, что он находился «слева¹ от шоссе, в версте отсюда» (Поль Дюбрюкс 2010, с. 370, 372). Очевидно, что направление указано в сторону Нового карантина, расстояние – от Керчи. Тогдашние границы города можно наглядно представить по «Топографической карте окрестностей Керчи и

комментировать этот приключенческий роман здесь нет смысла. Можно лишь отметить, что бронзовый предмет с акварели А.М. Стефанского, в прошлом – церемониальный кельтский фирей (Виноградов 1997, с. 74, 76), в дальнейшем ставший оковкой гоплитского щита (Алексинский 2008, с. 49; Дедюлькин 2017, с. 9; Козак, Федорук 2019, с. 414–415), вполне возможно щитом не является. Полное отсутствие металлических деталей внутренней части и фурнитуры рукояти, странное для щита, позволяет интерпретировать его как бронзовый таз (похожий по размерам и профилю «щит» из Гробницы II Большого кургана в Вергине см. Φάκλαρης 1994; Kottaridi 2013, p. 241).

¹ Т.е. к северу-северо-востоку.

курганов...», составленной в 1835 году (Рис. 3). Ещё один курган Д.В. Карейша исследовал в ста саженях (210,3 м) от кургана Аморетти (Тункина 2010, с. 554). Гробница со шлемом и махайрой, исследованная А.Б. Ашиком в кургане, «соседствующем с последним раскопом¹» (Поль Дюбрюкс 2010, с. 379, 381), вероятно, находилась на том же участке некрополя, что и курган Аморетти и другие курганы, раскопанные Д.В. Карейшей (Тункина 2010, с. 576), не очень далеко от них, примерно в полутора – двух верстах на восток-северо-восток от Керчи. Таким образом, мы можем очень приблизительно локализовать погребение со шлемом и махайрой где-то среди множества небрежно изображенных на карте 1835 г. курганов, между будущим местом строительства Братской Покровской церкви (Рис. 4) и поворотом шоссе, за которым начинается Карантинная слобода и сад Гирса (отмечен красной стрелкой, Рис. 3, 4). Если указания П. Дюбрюкса точны, погребение находилось не в районе Нового карантин (Тункина 2010, с. 576) – ближайшей округе Мирмекия, а примерно на равном удалении от Мирмекия и Пантикапея. Относительно статуса боспорских стратегов в первые века нашей эры нет единства мнений. По мнению В.А. Астахова, характер деятельности боспорских стратегов не был военным (Астахов 2004). В.А. Горончаровский полагает, что это начальники воинских соединений, но не исключает и возможность того, что титул стратега могли носить также и крупные чиновники, занятые в гражданской сфере (Виноградов, Горончаровский 2008, с. 154). Должность стратега зафиксирована во всех значимых эллинистических монархиях, но в каждом отдельном государстве наблюдаются свои особенности сочетания военных и гражданских функций стратегов (Грушевой 2011, с. 161).

Все исследователи справедливо отмечали, что плита с надписью στρατηγῶν была частью ограды перибола (очевидно, с грунтовыми могилами). Однако погребение со шлемом и махайрой было совершено в каменном ящике под небольшим курганом. Каких-то данных, позволяющих предполагать существование подобного перибола в III–II вв. до н.э., нет. Ещё М.И. Ростовцев отметил, что гробница, исследованная А.Б. Ашиком, входит в серию богатых женских и мужских погребений (Ростовцев 1925, с. 208). Большинство из них не являются воинскими и не образуют компактного участка. Сам характер погребений под небольшими курганными насыпями свидетельствует против такой версии. Престижные погребения греческих

¹ Раскопом Д.В. Карейши.

некрополей классической эпохи обычно группируются по признаку родства, а не по роду занятий. Исключением являются либо могилы павших в битвах воинов, с почестями похороненных за государственный счёт, либо чужеземцев – союзников, наёмников, послов, проксенов, феоров. Павсаний описывает воинские захоронения на некрополе Афин (Paus. I, 29, перевод С.П. Кондратьева): «У афинян и за городом, и в поселках, и по дорогам есть храмы богов, могилы героев и прославленных мужей... Есть тут надгробные памятники всем афинянам, которым выпало на долю умереть в морских сражениях и в битвах на суше... Есть там и могила фессалийских всадников... рядом с ними могила критских стрелков». На некрополе Александрии известны гробницы наёмников и феоров (Rouveret 1998, p. 179). На Родосе известны компактные погребения членов религиозных союзов, тоже зачастую чужеземцев (Врошта 2022). Очевидно, что боспорские стратеги римского времени не были чужестранцами. Можно предположить, что сама идея перибола для грунтовых могил должностных лиц на некрополе Пантикапея является инновацией эпохи позднего эллинизма – раннего римского времени, слово στρατηγῶν на плите размещено в *tabula ansata* (Рис. 1). Применительно к эпохе раннего эллинизма сложно говорить, как о наличии в Пантикапее коллегии стратегов (безотносительно их функций), так и о существовании специального перибола для их погребений.

Таким образом, предположение В.В. Латышева относительно существования перибола для стратегов на некрополе Пантикапея в первые века нашей эры сохраняет свою актуальность. Экстраполировать эти данные на некрополь эллинистического периода пока преждевременно.

Литература

Алексинский 2008 – Алексинский Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 41. – СПб., 2008.

Астахов 2004 – Астахов В.А. Проблема полисных элементов в структуре позднеантичного Боспора (по эпиграфическим данным) // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 13 – Брянск, 2004.

Виноградов 1997 – Виноградов Ю.А. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum Plus*. Стратум + ПАВ. – СПб.–Кишинев, 1997.

Виноградов 2017 – Виноградов Ю.А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноуэцев. – СПб., 2017.

Виноградов, Горончаровский 2008 – Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). – СПб., 2008.

Грушевой 2011 – Грушевой А.Г. Провинциальная администрация эллинистических монархий: стратеги Олимпих, Фрасея, Корраг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. – СПб, 2011.

Дедюлькин 2017 – Дедюлькин А.В. Шлемы группы Мелос // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. – Симферополь, 2017

Жебелев 1934 – Жебелев С.А. Боспорские этюды // ИГАИМК. Вып. 104. – М.–Л., 1934.

Козак, Федорук 2019 – Козак А.И., Федорук А.В. Иностранцы на службе в Боспорском царстве (конец IV – середина III вв. до н.э.) // *Stratum plus*. 2019. № 3.

Колобова 1953 – Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // Вестник древней истории, 1953, № 4.

Латышев 1899 – Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах. МАР. Выпуск 23. Древности Южной России. – СПб, 1899.

Латышев 1902 – Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году // ИАК. Вып. 3. – СПб., 1902.

Поль Дюбрюкс 2010 – Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений: в 2 т. Т. I. Тексты. Т. II. Иллюстрации. Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. – СПб, 2010.

Ростовцев 1925 – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л., 1925.

Руммель 1900 – Руммель В.Ю. (сост.) Материалы для описания русских портов и истории их сооружения. Выпуск 30. Керчь – глубокий порт. Результаты изысканий, произведенных в 1896–1897 гг. – СПб., 1900.

Тункина 2010 – Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений: в 2 т. Т. I. – СПб, 2010.

Цветаева 1951 – Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Том I. – М., 1951.

Шкорпил 1903 – Шкорпил В.В. Отчет о раскопках гробниц в городе Керчи и его окрестностях в 1901 году // ИАК. Вып. 7. – СПб., 1903.

Bengtson 1952 – Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Dritter Band. – München, 1952.

Brouma 2022 – Brouma V. The Economics of Death in Hellenistic Rhodes – the Case of the Koina // Wealthy and Healthy? Methodological Approaches to Non-Élite Burials: Panel 1.2. Band 1. – Heidelberg, 2022.

Kottaridi 2013 – Kottaridi A. Aigai, the Royal Metropolis of the Macedonians. – Athens, 2013.

Liddell, Scott 1996 – Liddell H.G., Scott R.A Greek-English Lexicon. – Oxford, 1996.

Rouveret 1998 – Rouveret A. Un exemple de diffusion des techniques de la peinture hellénistique: les stèles alexandrines du Musée du Louvre // L'Italie méridionale et les premières expériences de la peinture hellénistique. – Rome, 1998.

Φάκλαρης 1994 – Φάκλαρης, Π.В. Κάλυμμα ασπίδος ή ασπίς // Φηγός. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Σωτήρη Δάκαρη. Ιωάννινα, 1994.

Рис. 1. Плита с надписью στρατηγών (Латышев 1902, с. 34)

Рис. 2. План плитового каменного ящика в кургане близ Карантинного шоссе. Акварель А.М. Стефанского, 1834 г. (Поль Дюбрюкс 2010, рис. 722)

Рис. 3. Фрагмент «Топографической карты окрестностей Керчи и курганов», составленной в 1835 г. (Поль Дюбрюкс 2010, рис. 46)

Рис. 4. Фрагмент «Плана Керченского порта по изысканиям 1893–96 гг.» (Руммель 1900)

**Остаточные материалы из могильника Заюково 3
(к вопросу о внешних связях населения кобанской КИО)**

В 2011 г. известный нальчикский издатель и краевед В.Н. Котляров представил в наше распоряжение фотографии целого ряда предметов кобанской культурно-исторической общности (КИО), обнаруженных им на могильнике, который ныне получил наименование Заюково 3. Артефакты оказались на поверхности в связи с масштабной грабительской деятельностью «черных копателей». Некоторые из заюковских находок, сведения о которых поступили от В.Н. Котлярова, были опубликованы нами еще в начале 2010-х гг. (Дударев 2011, с. 9–20; Дударев 2012, с. 183–185) и в некоторых других изданиях (Дударев 2012а, с. 25–33). В последующее время на данном могильнике развернулись научные полевые изыскания, организованные Государственным Историческим музеем, результаты которых представлены в научной печати (Кадиева, Биркина 2017; Кадиева, Демиденко 2018), а также в сети Интернет (Кадиева 2021). В связи с этим, представляется целесообразным представить научной общественности все доступные для изучения материалы могильника Заюково 3. Предметы из указанного могильника, представляемые ныне к публикации, представляют собой следующее:

1. Железный наконечник копья с пером лавролистной формы с выраженной срединной гранью, и втулкой, конически сужающейся к основанию пера, длиной 28 см. Диаметр основания втулки примерно 2,8 см. Длина втулки – 12,5 см. Предмет дошел до нас в поврежденном состоянии: перо и втулка частично повреждены (Рис. 1: 1).

2. Железный наконечник несколько меньших размеров, длиной 26,5 см, с вытянутым пером удлинненно-ромбической формы, с обломанным острием и конической втулкой. Ее диаметр в основании – 3,0 см. Длина втулки – 11,9 см (Рис. 1: 2).

3. Сильно поврежденный железный наконечник копья с формой пера близкой лавролистной, но с более закругленными гранями лопастей. Втулка обломана, но создается впечатление, что она была небольшой и неширокой (1,6 см в диаметре). По середине пера проходит грань (Рис. 1: 3).

¹ *Дударев Сергей Леонидович* – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь (г. Армавир, Россия).

4. Втулка достаточно крупного железного наконечника копья, имеющая в длину 14 см. Диаметр втулки – 3,0 см. В отличие от описанных выше экземпляров наконечников копий втулка имеет бока, несколько закругляющиеся к основанию пера (Рис. 1: 4).

5. Фрагмент основания пера железного наконечника копья длиной 8,7 см (Рис. 1: 5).

6. Крупный фрагмент составной рукояти железного кинжала с покато опускающимися книзу плечиками-лопастями перекрестия (его ширина достигала примерно 4 см), длиной 8,8 см с тремя гвоздями-заклепками, одна из которых находится непосредственно на рукояти, а две других – на лопастях. Они служили для закрепления накладок из дерева или кости (?) (Рис. 1: 6).

Железные наконечники копий, подобные представленным выше, известны в памятниках кобанской КИО. Если образцы с лавролистным и подромбическим пером, близкие образцам 1 и 2 из Заюково 3, относятся к скифскому времени (Каррас, Кисловодский, Нестеровский могильники) и датируются VI–V в. до н.э. (Крупнов 1960, рис. 482, табл. XLII, 6, 7; Козенкова 1995, с. 35, 140, табл. V, 4), то подобные образцу 3 встречаются еще ранее, в предскифский период (Мебельная фабрика, Клинь-яр III) (Козенкова 1995, с. 36, 140, табл. V, 6; Белинский, Дударев 2015, с. 323, рис. 224, 3), к которому можно условно отнести и втулку от наконечника копья, сходные с которой известны у образцов типа погр. 311 могильника Клинь-яр III (Белинский, Дударев 2015, с. 195, рис. 171, 2).

Наиболее интересной находкой является фрагмент рукояти железного кинжала (Рис. 1: 6). Оружие с составными рукоятями до недавнего времени было малоизвестно в древностях западной группы кобанской КИО, к которой относится могильник Заюково 3, исследуемый специалистами из ГИМа (Кадиева, Демиденко 2016; 2018; Кадиева, Биркина 2017). Весьма любопытно, что к такому оружию относится кинжал-акинак с кольцевым навершием из каменного ящика на Крестовой горке в г. Кисловодске (1932 г.), который В.И. Козенкова отнесла к своему четвертому отделу подгруппы А (кинжалы и мечи с перекрестием скифо-савроматского облика) и датировала V в. до н.э. (Козенкова 1995, с. 63, 151, табл. XVI, 4). При этом исследователь отметил, что вопрос о генезисе остается открытым. Это замечание было небезосновательно. В самом деле, на кинжалах подобного типа прежде не фиксировалось аналогичного крепления, предусматривающего гвозди-заклепки для крепления деревянных или роговых обкладок. Оно характерно

для кавказско-переднеазиатского оружия, что мы увидим ниже. Еще один экземпляр кинжала с составной рукоятью был выявлен раскопками А.Б. Белинского на поселении Клинь-яр. Мы в соавторстве с этим археологом установили южный, закавказский генезис данного образца (Белинский, Дударев 2009, с. 249–256), который органично вписывается в контекст связей кобанских племен Центрального Предкавказья с районами южнее Главного Кавказского хребта в эпоху киммерийско-скифских походов. Население, оставившее могильник Заюково 3, явно не стояло от них в стороне. Об этом говорят находки шлемов ассирийского типа из Заюково, один из которых был обнаружен нами в начале 2010-х гг., а другой представлен в упомянутой лекции А.А. Кадиевой, а также в блоге ГИМ, как переданный В.Н. Котляровым (Дударев 2012; Дударев 2012а; Кадиева 2021).

Образец из Заюково 3, на наш взгляд, является дериватом мечей и кинжалов «урартского типа» (по М.Н. Погребовой). Для него характерно присущее для таковых крепление с помощью гвоздей-заклепок накладок на рукоять, которая, и это, пожалуй, самое главное, имеет форму, близкую заюковской, т.е. округло-покатые плечики-лопасти нижней части рукояти. Это «родовой» признак данного вида оружия, встреченный на целом ряде форм, обнаруженных в памятниках Закавказья (Абрамишвили 1961, табл. VII, 2; XI, 2; XII, 2, 2; XIV, 1–4; Погребова 1984, с. 49, табл. I; Picchelaury 1997, taf. 61, 944–947; Каландадзе 1982. № 759, 762, 791), в том числе, на южном склоне гор Центрального Кавказа (Тлийский могильник, погр. 366, VIII в. до н.э.) (Техов 2002, с. 24, 322, табл. 42, 1). Идеи оружейного формотворчества, вероятно, заимствовались представителями Центрального Предкавказья (и других районов Северного Кавказа) во время их участия в закавказско-переднеазиатских походах ранних кочевников, о чем уже неоднократно писалось исследователями (Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, В.Б. Ковалевская, В.И. Козенкова, Ю.Н. Воронов, С.Л. Дударев, С.В. Махортых, А.Б. Белинский, и др.). Нам, как и другим специалистам, приходилось прежде обращаться к исследованию деталей паноплии южного генезиса, встречающейся в памятниках кобанской КИО (шлемы, чешуйчатые панцири) (Дударев 1999, с. 373, рис. 145, 13; с. 376, рис. 148, 5,7; Дударев 2003, с. 73–94). Ныне же приходится говорить о том, что могло заимствоваться и оружие ближнего боя (в нашем случае, принцип крепления накладок и наиболее характерные детали формы оружия (рельеф рукояти). К числу импорта такового из Малой Азии В.И. Козенкова отнесла не так давно и биметаллические топоры-клевцы типа образца из Перкальского

могильника (Козенкова 2013, с. 104), что не совпадает не только с нашим мнением, но и позицией других исследователей (Дударев 1994; Алексеев 2003, с. 51–52; Раевский, Кулланда, Погребова 2016, с. 137).

Публикуемые находки снова возвращают нас к интереснейшей теме внешних связей кобанской КИО, которая является поистине неисчерпаемой.

Литература

Абрамишвили 1961 – Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // Вестник Государственного музея Грузии. Т. XXII-В. – Тбилиси, 1961.

Алексеев 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб., 2003. 416 с.

Белинский, Дударев 2009 – Белинский А.Б., Дударев С.Л. Находки предметов эпохи раннего железа на поселении Клин-яр // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение. – Ставрополь, 2009. С. 249–256.

Белинский, Дударев 2015 – Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа – Ставрополь, 2015. 446 с.

Дударев 1994 – Дударев С.Л. О происхождении биметаллических чеканов из Малой Азии // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Тезисы докладов международной конференции. – Кисловодск, 1994. С. 13–15.

Дударев 1999 – Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху – Армавир, 1999. 402 с.

Дударев 2003 – Дударев С.Л. К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. С. 73–94.

Дударев 2011 – Дударев С.Л. Блеск и горечь древней бронзы // XVI-е чтения по археологии Средней Кубани. Краткое содержание докладов. – Армавир, 2011. С. 9–20.

Дударев 2012 – Дударев С.Л. Новые данные о шлемах ассирийского типа на Северном Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Мате-

риалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2012. С. 183–185.

Дударев 2012a – Дударев С.Л. О новых находках шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // *Исторія зброї. Альманах № 5-6/2012.* – Запорожье, 2012. С. 25–33.

Кадиева 2021 – Лекция А.А. Кадиевой в You Tube «Кладбище нартов. Археологические исследования в Заюково» (лекторий «Хронограф», организованный историческим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова) [URL://https://www.youtube.com/watch?v=eSNPXsXbczc](https://www.youtube.com/watch?v=eSNPXsXbczc) (Дата обращения: 23.10.21).

Кадиева, Биркина 2017 – Кадиева А.А., Биркина Н.А. Женский погребальный убор западной кобанской археологической культуры (по материалам могильника Заюково-3 в Кабардино-Балкарской Республике) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул, 2017.

Кадиева, Демиденко 2016 – Кадиева А.А., Демиденко С.В. Могильник Заюково-3 (Гунделен) по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Грозный, 2016. С. 79–81.

Кадиева, Демиденко 2018 – Кадиева А.А., Демиденко С.В. Вытянутые погребения предскифского времени из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2015–2016 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции. – Карачаевск, 2018. С. 192–195.

Каландадзе 1982 – Каландадзе А.Н. Археологические памятники доантичной эпохи Самтавро // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т. VI. – Тбилиси, 1982. 234 с., ил.

Козенкова 1995 – Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М., 1995. 166 с.

Козенкова 2013 – Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М., 2013. 252 с.

Крупнов 1960 – Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. 519 с.

Погребова 1984 – Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М., 1984. 248 с.

Раевский, Кулланда, Погребова 2016 – Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. Изд. 2-е, испр. – М., 2016. 192 с.

Техов 2002 – Техов Б.В. Тайны древних погребений. – Владикавказ, 2002. 512 с.

Picchelaury 1997 – Picchelaury K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Band 4. – Berlin. 1997. 87 s., taf.

Рис. 1. Находки 2011 года из могильника Заюково 3

**Расписная и чернолаковая керамика из трех комплексов кургана 1
Юго-Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2012 года)**

В 2012 году отрядом Фанагорийской экспедиции под руководством В.Д. Кузнецова³ был исследован участок Юго-Восточного некрополя Фанагории с общей датировкой от второй четверти V в. до н.э. до эпохи Великого переселения народов. На некрополе встречены как ингумации, так и кремации. Следует отметить, что кремации довольно редки в некрополях Азиатского Боспора и в основном появляются с IV в. до н.э., преимущественно, в курганных некрополях (Сударев 2004, с. 208–219). На данном участке встречено 7 кремаций, из которых 4 относятся к IV в. до н.э. и 3 ко II в. до н.э. Все они совершены на курганах.

В числе прочих был раскопан курган № 1, в юго-восточном секторе которого зафиксировано три комплекса. Подробное рассмотрение материалов из них представляет особый интерес в связи с вопросом о времени и причинах появления кремаций в курганном некрополе Фанагории.

Комплексы А-В являлись погребениями по обряду кремации. Захоронения были совершены в неглубоких прямоугольных ямах, стенки которых были обложены сырцовыми плитками. На дне ям Б и В устроены вымостки из обожженных сырцовых плиток. В ямы были уложены остатки погребального костра: фрагменты пережженных костей и остатки погребального ложа (носилки или деревянный саркофаг), от которых сохранились гвозди, обугленная доска и фрагменты древесных углей.

После совершения погребения в ямы, поверх остатков кремации, были уложены остатки тризны, включавшие в себя сильно фрагментированные краснофигурные и чернолаковые сосуды.

В *комплексе А* входили пять краснофигурных и тринадцать чернолаковых сосудов аттического производства.

¹ *Егорова Татьяна Валерьевна* – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии Исторического ф-та МГУ им. М.В.Ломоносова (г. Москва, Россия).

² *Сударев Николай Игоревич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН (г. Москва, Россия).

³ Благодарим Владимира Дмитриевича за возможность опубликовать данные этих работ.

Расписная керамика представлена кубковидным скифосом, рыбным блюдом и тремя контейнерами для масла: аском уплощенного типа и двумя арибаллическими лекифами.

От кубковидного скифоса сохранился лишь небольшой фрагмент с частью пальметты на тулове, не позволяющий анализировать детали росписи. Такие пальметты обычно ограничивали поле рисунка, располагаясь у нижних креплений ручек. Типологически близкие сосуды встречаются во множестве погребальных комплексов, датированных в пределах первой половины IV в. до н.э. Находки в некрополе Аполлонии Понтийской позволили сузить дату чаш с аналогичной профилировкой венчика до 360–350 гг. до н.э. (Hermay et. Al. 2010, p. 180. Pl. 83d).

Самым интересным экземпляром является краснофигурное рыбное блюдо, на плоскости которого изображено пять крупных и две мелких рыбы, а в центральном углублении – краб, край украшен овами. По стилю рисунка его можно было бы отнести к группе «мастера из Упсалы», наиболее распространенной в Северном Причерноморье (Циммерман 1979, с. 88; McPhee, Trendall 1987, p. 34; Чистов 1999, с. 168; Вдовиченко 2008, с. 233, 251 и др.). Однако соответствие не полное. Главное отличие от известных образцов состоит в том, что здесь представлены рыбы только одного вида (предположительно, *Diplodus annularis*). По форме поддона блюдо датируется Б. Спарксом и Л. Талькотт концом первой четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 148), но позже подобные блюда встречались и в комплексах второй четверти столетия (например, Чистов 1999, с. 168).

На щитке фрагментированного аска сохранилась фигура бегущего зайца и нижняя часть преследующего его Эрота. Несмотря на то, что верх фигуры с крыльями утрачен, положение ног свидетельствует о том, что тело было изображено в полете. Сцены преследования зайца Эротом зафиксированы на сосудах разных форм (амфоры, пелики, лекифы) с начала V до середины IV в. до н.э. Аналогичные аски датируются концом первой – второй четвертью IV столетия (Sparkes, Talcott 1970, p. 158, 159).

Один из лекифов – стандартный вариант с крупной пальметтой, традиционно датирующийся, преимущественно, второй четвертью IV в. до н.э. (Вдовиченко 2008, с. 220, 277, 296, 308). Второй, имеющий прямую аналогию в материалах кургана Госпитальный (Егорова 2022, с. 204, № 91) относится к сетчатым лекифам группы Булас того же времени.

Наиболее многочисленная группа среди чернолаковой керамики – одно-ручные чаши. Их девять, пять имеют прямые параллели в тризновых комп-

лексах некрополя Пантикапея, в частности, в кургане Госпитальный и кургане 2 группы «Цементная слободка 1». Общая хронология – конец первой – вторая четверть IV в. до н.э.

Две миски с отогнутым наружу краем на высоком кольцевом поддоне были чрезвычайно популярны в тот же период. Причем одна из них, украшенная штампованным орнаментом, судя по сходству штампа, могла происходить из той же мастерской или близкой, что и сосуды, найденные в некрополе Аполлонии (Hermay et al. 2010, p. 214, 215. Pl. 98, 99). На протяжении всего IV столетия были распространены солонки с вогнутыми стенками, одна из которых имеет не самый характерный для них высокий тонкий поддон, аналогичный аттическому экземпляру из Фасоса из слоев второй–третьей четвертей IV в. до н.э. (Blondé 2007, p. 56–57).

Из чернолаковой керамики отдельно стоит отметить находку небольшого сосуда, типологически близкого аттическим кружкам, напоминающим миниатюрные кувшины с одной вертикальной ручкой (например, Егорова 2022, с. 50. рис. 9). Если классический вариант производили на протяжении V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 70), то кружки, отличавшиеся от него расширяющимся книзу туловом и массивным венчиком, происходят из более поздних слоев – 360–350 гг. до н.э. (Hermay et al. 2010, p. 196. Pl. 93). Центр их производства точно не определен. Один из возможных вариантов – Восточное Средиземноморье (Veritus XII 1959, p. 7).

Несколько отличается по составу материалов комплекс Б. Он включает в себя, в частности, краснофигурную ойнохою со сценой преследования. Несмотря на значительные утраты, хорошо читается всадник на лошади и женщина, бегущая вправо с факелом и подносом. По форме такую ойнохою можно отнести к первой четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 245. Pl. 7, 125). В более широкий хронологический диапазон – от первой до третьей четверти столетия включительно помещают исследователи аски уплощенной формы с язычковым орнаментом (подробнее: Егорова 2022, с. 169). Фрагмент такого аска, аналогичного сосудам из двух тризновых комплексов кургана Госпитальный (Егорова 2022, с. 208), найден вместе с ойнохоей. Тем же временем датируются и все обнаруженные здесь солонки, как с вогнутыми стенками, так и стандартная на кольцевом поддоне (Sparkes, Talcott 1970, p. 302. Pl. 34. Fig. 9, 936 949), и единственная одноручная чаша (Sparkes, Talcott 1970, p. 290. Pl. 31, 760, 761). Чуть более ранним периодом – 380-ми гг. до н.э., миниатюрные миски, так называемые «*later and light*» (Sparkes, Talcott 1970, p. 298. Fig. 9, 876), хотя в последние годы их все чаще

находят с более поздними материалами. Все чернолаковые сосуды имеют прямые параллели в материалах Госпитального кургана.

Из комплекса В происходит лишь рыбное блюдо на высоком, слегка отогнутом наружу кольцевом поддоне, декорированное по краю соусницы аккуратными овами. Подобного рода основания блюд характерны для начального этапа их производства – от рубежа V/IV до конца первой четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 148), что делает этот фрагмент самым ранним в нашей коллекции.

Самые поздние экземпляры с наиболее обоснованной датировкой из комплекса А относятся к 60-м – 50-м гг. IV в. до н.э., что дает нам *terminus post quem* для времени их формирования. Не ранее, чем к 80-м гг. IV в. до н.э. можно отнести комплексы Б и В. Ближайшие аналогии такому набору посуды мы видим в тризнах кургана Госпитальный и кургана 2 группы «Цементная слободка 1» на Керченском полуострове.

Литература

Вдовиченко 2008 – Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. – Симферополь, 2008.

Егорова 2022 – Егорова Т.В. Краснофигурная и чернолаковая керамика. Каталог-приложение // Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф. Курган Госпитальный (Материалы спасательных археологических исследований. Том 28) – М., 2022.

Сударев 2004 – Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI–II в. до н.э. Типы и хронология // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004.

Циммерман 1979 – Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху – Л., 1979.

Чистов 1999 – Чистов Д.Е. Строительный комплекс второй четверти IV в. до н.э. из Мирмекия // Археология и история Боспора. Т. III. – Керчь, 1999.

Beritus XII 1959 – Beritus. Archeological studies. Vol. XII. – Copenhagen, 1959.

Blondé 2007 – Blondé F. Les céramiques d'usage quotidien à Thasos au IVe siècle avant J.C. // Études Thasiennes XX. – Athens, 2007.

Hermay et al. 2010 – Hermay A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.-C.). Fouilles franco-bulgares (2002–2004). BIAMA. 2010. V.5.

McPhee 1987 – McPhee I., Trendall A.D. Greek Red-Figured Fish-plates // *Antike Kunst*. 1987. Beiheft 14.

Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B., Talcott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. // *The Athenian Agora*. Vol. XII. – Princeton; New Jersey, 1970.

Ефремов Н.В.¹, Колесников А.Б.², Болонкина Е.В.³

Керамические клейма Аканфа из Северного Причерноморья

Древний Аканф (вблизи от современного Иериссоса) – полис на восточном побережье полуострова Халкидика, северо-западнее Афона (*Strab.*, VIIa. 31, 15a; 33, 15b (Radt)), был основан в VII в. до н.э. выходцами из Андроса (*Thuk.*, IV. 84, 1; Lauffer 1989: 89). Член аттическо-делосского морского союза, от которого он отпал в 424 г. (*Thuk.* IV. 84–88) и, номинально отстаивая свою самостоятельность, смог затем противостоять политическим амбициям Халкидской лиги (Syll.³, Nr. 136; Zahrtnt 1971, s. 146–150). Город был захвачен Филиппом II в 349/48 г. до н.э. и находился затем под властью Македонии и эллинистических царей. В период 2-ой Македонской войны в 199 г. до н.э. был захвачен и разграблен римлянами (*Liv.* XXXI. 45, 16).

Находясь на перекрёстке торговых путей и, контролируя богатые природные ресурсы – корабельный лес и драгоценные металлы, идущие из внутренней Македонии (Filis 2021, p. 451), полис уже с архаического периода играл важную роль в экономике античного мира. Достаточно указать, что чеканившиеся с 570 г. до н.э. серебряные монеты Аканфа (Franke, Hirmer 1966, p. 21, Nr. 129), обнаруживаются от Сицилии до Персии (Zahrtnt 1971, s. 147; Lauffer 1989: 89). В период 530 (?) – 480 гг. до н.э. они эмитировали монеты по аттическо-эвбейскому, а затем после 424 и по 380(?) гг. до н.э. по финикийскому стандарту (Desneux 1949, p. 24, 46 ff., 92 ff.), распространённому в царстве Ахеменидов.

Наряду с целым рядом центров Северной Эгеиды (Менды, Фасоса, Эгиона, Амфиполя) Аканф уже с классического периода включился в торговлю товарами, перевозимыми в амфорной таре, экспортируя вино (Filis 2021, p. 452). В настоящее время есть все основания утверждать, что производство тарной керамики в этом центре осуществлялось на протяжении примерно 200 лет, с позднеархаического (конец VI в. до н.э.) по раннеэллинистическое (конец IV в. до н.э.) время (Filis 2021, p. 454). Типология амфор

¹ *Ефремов Николай Васильевич* – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Штральзунд, Германия).

² *Колесников Андрей Борисович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва, Россия).

³ *Болонкина Елена Владимировна* – старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (г. Керчь, Россия).

Аканфа разработана в целом ряде работ С.Ю. Монахова (Монахов 2013, с. 296–298; 2013а, с. 259–262; 2015, с. 107–117; 2021, с. 211–213) и К. Филиса (Filis 2021 466 f., fig. 8–10).

Отнесение ряда керамических клейм к продукции этого производственного центра в настоящее время не вызывает сомнений. Прежде всего раскопки на территории самого полиса подтвердили верность такой атрибуции (Rhomioroulou 1986, p. 479–483; Filis 2013, p. 72–75, 79–81, fig. 6–10: 87, fig. 16; 2017, p. 52, 56, 65, fig. 2: 67, fig. 3: 70, fig. 9–10; 2021, p. 452 f., fig. 4–5: 464 f., fig. 4–6; Амперёр, Гарлан 1992, с. 19; Гарлан 2010, с. 382, прим. 1). В собрании Керченского музея нами было учтено 350 оттисков Аканфа, что составляет значительную часть всех клейм данного центра, обнаруженных в Северном Причерноморье. Коллекция в своей совокупности до сих пор не изучалась и не публиковалась. Большую часть в ней образуют так называемые «колесовидные» клейма. Однако, это не все клейма данного производственного центра. Общими объединительными признаками являются профильные части амфор и состав глиняного теста. В последнем случае – это грубая тёмно- или светлокоричневая глина с мелкими вкраплениями извести и более крупными – слюды, песка, иногда с серой сердцевиной, как результат обжига (Garlan 2006, p. 265; Filis 2021, 454 f.). Клейма представлены трапециевидными, овальными, круглыми, прямоугольными, треугольными формами.

Совершенно очевидно, что небольшая масса аканфских клейм не является гомогенной, но может быть на основании внешних признаков разделена по меньшей мере на 8 групп: **1.** отдельные буквы; **2.** сокращения имён до двух букв; **3.** сокращение имён до корневой основы; **4.** этникон в сокращении; **5.** лигатуры; **6.** сокращения имён в сопровождении эмблемы; **7.** только эмблема; **8.** колесовидные и псевдо-колесовидные оттиски в которых также следует различать отдельные подтипы. Нами учтены следующие примеры указанных типов клейм:

1. Отдельные буквы:

А (в круге). (Рис. 1: 5) Клеймо оттиснуто на ранней амфоре т.н. «пифоидного типа», датируемой концом VI – началом V в. до н.э. (Rhomioroulou 1986, 479 f., fig. 1; Filis 2013, p. 86, fig. 15a; Panagou 2010, 5. εικ. 27). Возможно, здесь следует видеть сокращение названия полиса.

2. Сокращения (имён) до максимально двух букв: а. ΕΜ (Рис. 1: 7); б. ΜΕ (Рис. 1: 10) (Garlan 2006, p. 287, fig. 2). Тип амфор I-B (Монахов 2021, 211 сл., 216, Рис. 1, б) с датировкой второй – третьей четвертью IV в. до н.э.

3. Сокращение имён до корневой основы: а. Ἀσκλη(πιω--) (Рис. 1: 6а-б); б. Κλε(---) (Рис. 1: 9) (Garlan 2006, p. 265; Filis 2021, p. 457); в. ΡΟΤΡ (Рис. 1: 11а-б) (Garlan 2006, p. 265, fig. 1n).

4. Этникон в сокращении; а. Α/Κ/Α/Ν (Рис. 1: 2.); б. Α/Κ (Рис. 1: 3) (Garlan 2006, 286 f., fig. 1 f.; Filis 2021, p. 456). Возможно, (ἀγγεῖον) Ἀκάν(θιον). Данный тип клейм оттиснут на типе I-A (Монахов 2021, с. 211, 216, Рис. 1, 2) амфор, с датировкой первой половиной IV в. до н.э. Интересно сравнить упоминание этникона в монетах и клеймах. Монетные легенды в форме ΑΚΑΝ или ΑΚΑ/ΝΘΙ/ΟΝ присутствуют в чеканах 524–480 гг. до н.э.) (Desneux 1949, p. 36, Fig. 6, Pl. XXVIII D 89: 84, Nr. 93–94), причём легенды клейм явно подражают монетным прототипам (Panagou 2010, 5, εικ. 2α–3γ). Имена на монетах редки (Desneux 1949: 94) и совпадения с сокращениями в клеймах, кроме того, при большой хронологической разнице, могут быть случайными.

5. Лигатуры; а) ΑΛ или ΑΝ (Рис. 1: 4) (Bon, Bon 1957, Nr. 2256; Garlan 2006, p. 267). В последнем случае Ν – ретроградна; б) лигатура ΑΤΚ.. (?) (Рис. 1: 12); в) ΝΕΙ (Рис. 1: 16) (Garlan 2006, p. 267); г) ΑΤ (Рис. 1: 14); д) ΔΙ (Рис. 1: 13); ΑΤ Φ (?) (Рис. 1: 15).

6. Сокращения имён в сопровождении эмблемы: а. Εὐα /νθε (--) палица между строк (Рис. 1: 8а-б); б. ΔΗ факел ΜΑ (Рис. 1: 1) (Garlan 2006, p. 267, 287; Filis 2021, p. 456, 469, fig. 12B), с датировкой концом IV до н.э. Сокращение ΔΗ (Desneux 1949, p. 28, 90 f., Nr. 112–115) известно на тетрадрахмах ок. 450 г. до н.э., хотя едва ли стоит говорить о повышении датировки клейм до середины V в. до н.э. Под сокращением может скрываться личное имя типа Δημάγορης, Δημαίνητος, Δημάρατος итд. (LGPN IV: 90), либо два имени, начинающиеся на Δη(--), и Μα(--).

7. Только эмблема; горгонейон (Рис. 1: 17). Отметим, что это же клеймо опубликовано И. Гарланом в качестве фасосского (Garlan 1999, p. 102, № 42) и это еще одно свидетельство того, что визуальный анализ глины далеко не 100-процентный критерий при определении тех или иных центров производства. В качестве монетного типа известен в различных полисах, от Италии до Малой Азии и Причерноморья (Plant 2004, p. 54, Nr. 748–760). Кроме того известна эмблема «дельфин» в сочетании с сокращениями ΚΑ или ΦΙ, или кратер с волютами и сокращением Α/Ρ (Garlan 2006, p. 267; Filis 2021, p. 456, no. 40: 469, fig. 12C, D) и датировкой прим. вторая четверть – середина IV в. до н.э.

8. Колесовидные и псевдо-колесовидные оттиски, в которых также следует различать отдельные подтипы (Рис. 1: 18, 19). Только из Причерноморья происходит более половины известных оттисков (Garlan 2006, p. 265). По мнению И. Гарлана наряду с сокращениями имён фабрикантов (до двух букв) (Garlan 2014, p. 185–200; Filis 2021, p. 456) они содержат указания на ёмкость сосуда, расположенными в отдельных сегментах поля (Garlan 2000, p. 46–48, Fig. 23; 2006, p. 269–275; 2011, p. 17–19; Гарлан 2010, с. 382–385).

Колесовидные клейма соответствуют по мнению С.Ю. Монахова двум типам амфор II III-A и B и датируются соответственно первой половиной – третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов 2021, 212 сл., 218, Рис. 3.11–14), охватывая примерно четверть столетия. Ивон Гарлан помещает их в последнюю треть IV в. до н.э. (Garlan 2004; 2006; Гарлан 2010, с. 382), а М.В. Иващенко (Иващенко 2015, с. 159) – в 40е – 10е гг. IV в. до н.э.

Стоит, однако, отметить, что, например, сокращение РОТР известно также в полном написании в овальном клейме (№ 3). Набор клейм отличается многообразием и едва ли одновременен. Также проблемы с определением ёмкостей (Garlan 2006, p. 276–280), «зашифрованных» в легендах клейм, вызывает целый ряд вопросов.

Литература

Амперёр, Гарлан 1992 – Амперёр Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. – Саратов, 1992. С. 8–31.

Гарлан 2010 – Гарлан И. Последние достижения греческой керамической эпиграфики на Западе // Античный мир и археология. Вып. 14. – Саратов, 2010. С. 371–395.

Иващенко 2015 – Иващенко М.В. К вопросу о хронологии аканфских амфорных клейм // *Antiquitas Inventae*. Вып. 10 – Саратов, 2015. С. 153–160.

Монахов 1999 – Монахов 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. – Саратов. 678 с.

Монахов 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров–экспортёров товаров в керамической таре. Каталог–определитель. – М.–Саратов. 2003, 352 с., 106 табл.

Монахов 2013 – Монахов С.Ю. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2013. С. 294–301.

Μοναхов 2013a – Μοναхов С.Ю. Ещё одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства // Древности Боспора. 17 – М., 2013. С. 258–268.

Μοναхов 2015 – Μοναхов С.Ю. Новые находки аканфских амфор и корректуры к их хронологии // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. 3. 2015. С. 105–109.

Μοναхов 2021 – Μοναхов С.Ю. Новые материалы к хронологии и типологии амфор Аканфа // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции. – Севастополь, 2021. С. 210–218.

Bon, Bon 1957 – Bon A.-M., Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos (Études thasiennes IV). – Paris: École française d'Athènes, 1957. 517 p.

Desneux 1949 – Desneux J. Les tétradrachmes d'Akanthos // RBN. Т. 95, 1949. 122 p., XXXVIII pl.

Filis 2013 – Filis K. Transport Amphorae from Akanthos // Buzoianu, Dupont P., Lungu V. (eds.). Patabs III. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Constanța, 6-10 octobre 2009. – Constanța, 2013. p. 67–87

Filis 2017 – Filis K. Σκέψεις και προβληματισμοί για τη διαχείριση και την ανάδειξη των εμπορικών αμφορέων: η περίπτωση της Ακάνθου // Protection and Enhancement of cultural Heritage. The Case of Transport Amphorae. Proceedings of the Scientific Conference. Rhodes, 30 September 2017, – Rhodes, 2017. p. 51–73.

Filis 2021 – Filis K. The Akanthian Workshops and the production of transport Amphoras // Hadiman G., Perreault J., Pope S. (eds.). Argilos. 25 années de recherches. Organisation de la ville et de la champagne dans les colonies du Nord de l'Égée, VIIIe–IIIe siècle av. N.è. (Orminion 3) – Athens: The Canadian Institute in Greece, 2021. p. 451–469.

Franke, Hirmer 1966 – Franke P., Hirmer M. La Monnaie grecque. Traduit de l'allemand par Jean Babelon. – Paris: Flammarion. 1966. 154 p., 220 pl.

Garlan 2000 – Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques crecs. Entre èrudition et idéologie (*Institut de France. Mémoires de l'académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série. T. XXI*). – Paris: De Boccard, II, 2000. 210 p.

Garlan 2004 – Garlan Y. Η ανάγνωση των σφαγίσματων αμφορέων «με τρόπο» απο την Άκανθο // Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και τη Θράκη. Vol. 18, 2004. p. 181–190

Garlan 2006 – Garlan Y. Interpretation des timbres amphoriques “à la rou” d’Akanthos // BCH. T. 130, 2006. p. 263–291.

Garlan 2011 – Garlan Y. L’amphorologie grecque: une spécialité archéologique en voie de développement // Tzochev Ch., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Patabs II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredez, September 26–30, 2007 (National Archaeological Institute with Museum by the Bulgarian Academie of Sciences; St. Kliment Ohridski University of Sofia. – Sofia, 2011. p. 11–21.

Garlan 2014 – Garlan Y. Métrologie et épigraphie amphorique grecque. Le cas des timbres akanthiens “à la roue // DHA. Suppl. 12, 2014. p. 185–200.

Hirschfeld 1893 – Hirschfeld D. Akanthos // RE. Bd. I, 1893. Sp. 1147–1148.

Panagou 2010 – Panagou T.M. Η σφράγιση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων: Κέντρα παραγωγής και συνθετική αξιολόγηση. Τ. Α-Γ: Κείμενο; Κατάλογοι; Εικόνες, πίνακες, χάρτες (Diss., University of Athens). – Athena 2010, LII.–474, 394, 55, XIII, 58 p.

Plant 2004 – Plant R. Greek Coin Types and their Identification, (Reprint von 1979) – London: Spink, 2004. 344 p.

Rhomipoulou 1986 – Rhomipoulou C. Amphores de la nécropole d’Acanthe // Empereur J.-Y., Garlan Y. (eds.) Recherches sur les amphores grecques (BCH Suppl. XIII). – Paris: De Boccard, 1986. p. 479–483.

Zahrnt 1971 – Zahrnt M. Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. (*Vestigia, Bd. 14*), X, 1971. 280 S.

Zahrnt 2003 – Zahrnt M.: Akanthos (Ἄκανθος) // DNP. Bd. I, Stuttgart: J.B. Metzler’sche Verlagsbuchhandlung & C.E. Poeschel Verlag GmbH, 2003. Sp. 390.

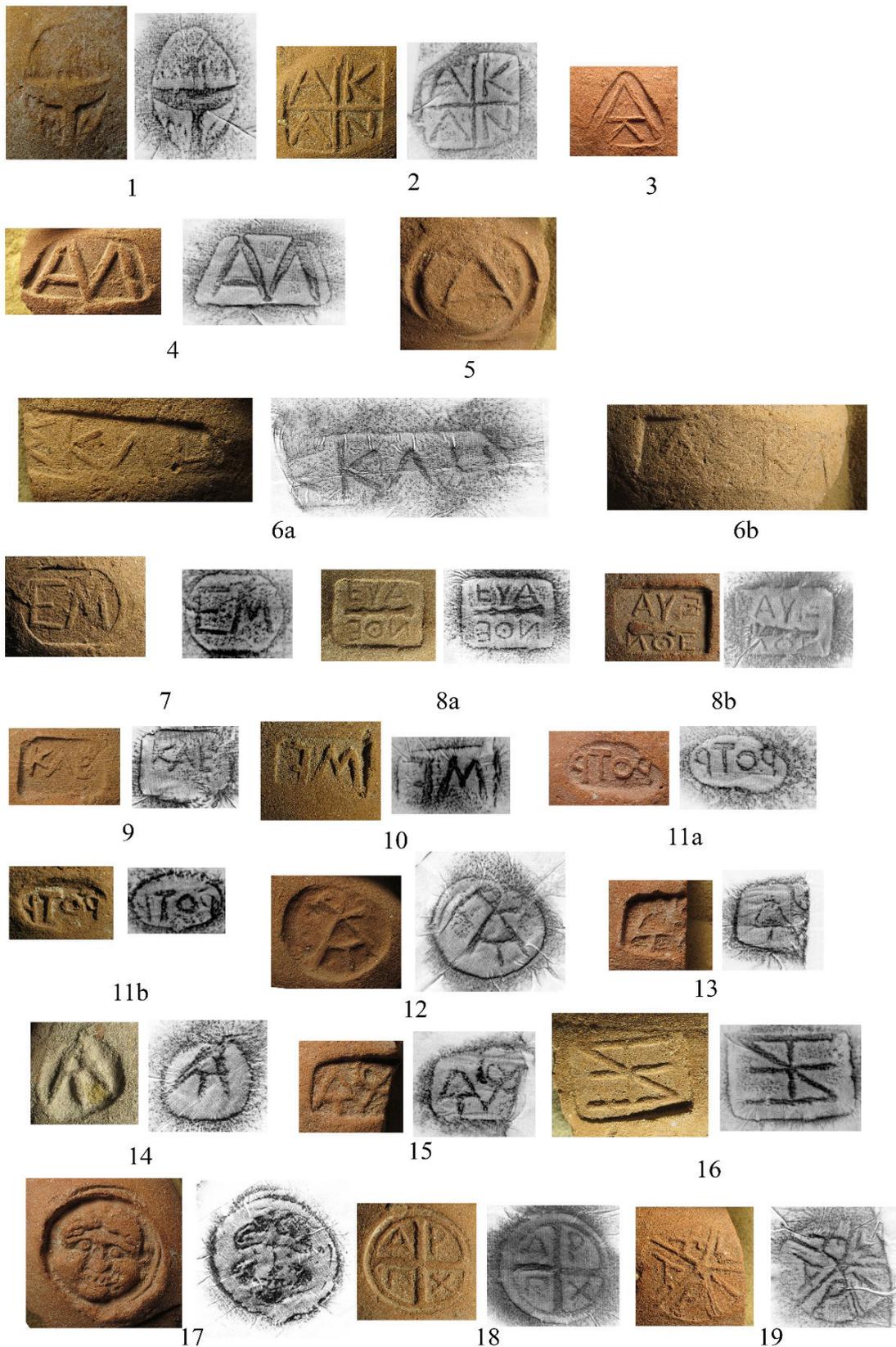

Рис. 1. Клейма Аканфа

**Актуальные проблемы ранней истории Тиритаки
в свете «международных» отношений на Боспоре Киммерийском**

Актуальность проблем в изучении международных отношений населения причерноморского региона в античное время достаточно очевидна, при всей условности применения термина «международные» к данной эпохе. Прибыв в далекий суровый регион Боспора Киммерийского, эллинские колонисты, создают на этой территории новые социально-политические образования – полисы, которые вступают в разнообразные «международные» взаимоотношения. В тоже время, процесс формирования полиса в боспоро-киммерийском регионе занимает довольно продолжительный промежуток времени (Виноградов 1995; 2000; Зинько 2004; 2009; Кузнецов 2001). Поэтому и взаимные «международные» отношения перманентно изменялись, ввиду довольно неустойчивой как внутренней, так и внешней ситуации.

Очертим главные направления «международных» отношений, с которыми эллинским колонистам необходимо было взаимодействовать в процессе освоения и на раннем этапе жизни на европейском побережье Боспора Киммерийского. Среди главных: 1. Местное (аборигенное) население; 2. Скифские вожди – «цари»; 3. Метрополия и полисы Греции; 4. Полисы Боспора; 5. Ахеменидская держава.

Очень важным является вопрос о греко-варварских контактах в период эллинской колонизации Боспора Киммерийского. Считается практически общепризнанным, что на европейском побережье пролива в это время отсутствовало какое-либо стабильное туземное население (Шелов-Коведяев 1985, с. 53), за исключением лишь редких появлений скифских номадов, в результате «сезонных перекочевок из Приднепровья на зимние пастбища в Прикубанье» (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980). В тоже время, по сообщению Стефана Византийского, скифы, как верховные распорядили боспорских земель, даровали грекам для поселения участок под Пантикапей. Однако, эта обобщенная картина вряд ли в полной мере отражает

¹ *Зинько Виктор Николаевич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия), директор Благотворительного фонда «Деметра» (г. Керчь, Россия).

конкретную демографическую ситуацию в том или ином районе европейской части Боспора в первое столетие жизни эллинов на северо-восточной окраине ойкумены. В этой связи особый интерес представляет местность, прилегающая к большому, ныне не существующему, пра-Чурубашскому морскому заливу, где на южном мысу был основан Нимфей, а на северном – Тиритака (Зинько 2011).

Так основание эллинской апойкии на месте будущего боспорского города Нимфей относится ко второй четверти VI в. до н.э. (Кузнецов 1991, с. 33). Однако, значительное количество лепной керамики, найденное М.М. Худяком в слое позднеархаического времени, позволило исследователю выдвинуть гипотезу о скифском селище конца VII – VI вв. до н.э., которое предшествовало греческому поселению (Худяк 1962, с. 13–16). Другие исследователи допускали существование на месте Нимфея поселения местных варваров, без определения культурной принадлежности. В тоже время, Н.К. Жижина, рассмотрев результаты раскопок М.М. Худяка, убедительно доказала, что землянки с «лежанками» являются остатками разновременных хозяйственных ям, а греческая керамика из их заполнения датируется не ранее середины VI – первой трети V в. до н.э. (Жижина 1978, с. 24).

Этнокультурная принадлежность лепной керамики из ранних слоев Нимфея также длительное время являлась предметом дискуссий. Одна часть исследователей поддерживали гипотезу о ее скифской принадлежности, другие – связывали с кизил-кобинской (таврской) культурой. Детальный анализ лепной керамики из позднеархаического слоя Нимфея позволил С.Н. Сенаторову выявить присутствие фрагментов посуды начиная с эпохи средней бронзы и заканчивая последней четвертью VI в. до н.э. (Сенаторов 1999, с. 65). Исследователь пришел к выводу о том, что на месте, где позднее был основан Нимфей, длительное время существовало небольшое варварское поселение. Причем количественное преобладание на участке «С» фрагментов лепной кизил-кобинской посуды VIII – первой половины VI вв. до н.э. над греческой керамикой второй–третьей четверти VI в. до н.э., может даже свидетельствовать о совместном проживании греков и варваров на территории Нимфея в первой половине VI в. до н.э. (Сенаторов 2006, с. 147). Это положение сейчас подхвачено и развито некоторыми керченскими специалистами. По их мнению, накануне греческой колонизации и затем длительное время на Нимфейском мысу существовало большое варварское поселение (до 20 га), а рядом находилось варварское торжище. Да и весь Керченский полуостров был в VIII–VI вв. до н.э. очень плотно заселен.

Сообщается о 200 варварских поселениях этого времени, но какие-либо археологические материалы до сих пор не представлены.

На основании исследований последних лет нами было установлено, что Тиритака основана около 565–560 гг. до н.э. (Зинько 2014, с. 20). Анализ археологического и палеоботанического материала из ранних слоев Тиритаки дал очень показательные данные об этнической ситуации этой апойкии (Зинько 2010; 2014). В первые десятилетия существования этой колонии нет материальных свидетельств о присутствии среди эллинов каких-либо групп варваров и лишь с последней трети VI в. до н.э. появляется лепная керамика кизил-кобинского и скифского облика, однако, в незначительном процентном соотношении.

Имеющиеся археологические материалы позволяют предположить наличие на европейском Боспоре накануне и в период колонизации очень ограниченного числа небольших аборигенных поселений кизил-кобинского облика, которые располагались в самых укромных местах Керченского холмогорья. На хоре Нимфея (поселение Южно-Чурубашское) они прослеживаются вплоть до IV в. до н.э.

Кочевья скифов-номадов могли появляться периодически и не оставили каких-либо материальных следов, за исключением кургана на Темир-горе третьей четверти VII в. до н.э. Лишь с последней трети VI в. до н.э., когда начинается строительство сырцово-каменных домов, скифы-кочевники начинают более активно взаимодействовать с населением боспорских полисов и даже какое-то время находятся в пределах Боспора. Так Ктесий Книдский сообщает о пленении здесь, во время морской экспедиции на 30 пентеконтерах каппадокийского сатрапа Ариарамна, брата скифского царя Марсагета (Ctesias Cnid., 16). В то же время нельзя и исключать и какие-то военные конфликты боспорских полисов со скифами. Слои пожаров этого времени отмечены в ряде прибрежных населенных пунктов европейского Боспора. Вслед за этим в последние десятилетия VI в. до н.э. на слое пожара строятся крепостные стены в Тиритаке, а также укрепляются небольшие акрополи в Мирмекии и Порфмии. Ранние крепостные стены Тиритаки охватывают город на площади не менее 5 га.

Бурные события 80–70 гг. V в. до н.э. нашли яркие отражения в материалах археологических исследований Тиритаки. Дестабилизация военно-политической обстановки возможно была связана с появлением новых групп номадов. Этим временем датируется возведение первой крепостной стены на акрополе Пантикапея, новое нападение и пожар в Тири-

таке. В результате все стены домов, в прилегающих к западной крепостной стене, кварталах Тиритаки были просто утыканы скифскими стрелами. С этими событиями В.П. Толстикова связывает также ритуальное жертвоприношение коня степной породы в непосредственной близости от главного храма Пантикапейского полиса и других сакральных сооружений (Толстикова 2011, с. 58).

Боспорские полисы никогда не теряли связи с полисами Греции и постоянно вели оживленную морскую торговлю. Так, при исследовании в Тиритаке были найдены многочисленные фрагменты привозных амфор и столовой посуды последней трети VI – первой половины V вв. до н.э. Среди тары для вина и оливкового масла преобладали такие центры как Хиос, Лесбос, Северная Эгеида, Клазомены, другие же: Фасос, Аттика, Милет, Коринф – представлены незначительным количеством фрагментов. Столовая посуда содержит находки расписной керамики различных южно- и североионийских центров, Аттики, а также простых сероглиняных сосудов (Буйских 2014; Петракова, Букина 2021).

Особый интерес представляют граффити на фрагментах привозных амфор и столовой посуды. Наряду с так называемыми бытовыми граффити, найдены фрагменты чернолаковой посуды с остатками посвящений, свидетельствующих по заключению А.С. Русяевой о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний – верховный покровитель Милета и милетских колонистов. Интересна и лигатура ΔΕ на обломке горла лесбосской амфоры последней четверти VI в. до н.э., которую, помимо иных значений, А.С. Русяева относит к обозначению общественной собственности, по аналогии с афинскими граффити и считает, что торговцы из Лесбоса могли привозить амфору пробного вина и для демоса Тиритаки (Русяева 2014, с. 487–488).

В последней четверти VI в. до н.э. Боспор попадает в сферу влияния Ахеменидской державы. Вероятно, пожар и разрушения в Тиритаке на рубеже последних десятилетий VI в. до н.э. следует связывать с какими-то военными событиями на побережье Боспора Киммерийского, которые были вызваны известными из письменных источников морскими экспедициями персов к северному побережью Понта против скифов (Зинько 2013, с. 198–199)¹.

Одна экспедиция была предпринята на 3 году правления Дария и дати-

¹ Подробный анализ письменных источников о влиянии Ахеменидской Персии на ранний Боспор был сделан В.П. Яйленко (Яйленко 2010, с. 7–11). Там же см. библиографию вопроса.

руется 520 или 519 гг. до н.э., после чего Боспор вошел в орбиту Персидской империи (Яйленко 2010, с. 10). Мало вероятно, что Ариарамн в завершение своего похода мог оставить в боспорских городах какие-либо воинские отряды, а скифы оставили бы без ответа вероломные действия. Не только в Тиритаке, но и во всех городах европейского Боспора отмечены следы пожаров и вооруженных столкновений конца VI в. до н.э. (Зинько 2013, с. 197–198). Все это можно обоснованно связывать с ответными враждебными действиями скифов, отношения с которыми и ранее были довольно напряженными (Зинько 2013, с. 195–196). Однако, эти пожары и столкновения не останавливают начавшийся в последней трети VI в. до н.э. процесс урбанизации этих городов, а даже в какой-то степени являются их катализатором. В Тиритаке, а также и в ряде других городов, начинается быстрое возведение крепостных стен. Как отмечалось выше, в случае с Тиритакой, эти куртины строятся непосредственно на слое пожара и включают в оборонительную систему и стены ранее возведенных построек. Происходило ли это строительство в рамках подготовки грандиозного скифского похода Дария 513–512 гг. до н.э., или тиритакцы, как и жители других боспорских полисов, обходились своими силами, утверждать затруднительно. Скифский поход Дария 513–512 гг. до н.э., согласно подробному описанию Геродота (Hdt., IV, 98), Боспора не коснулся, однако в Понт была введена эскадра из 600 кораблей под командой ионийских тиранов. Охраняла ли она только дунайский мост, или часть кораблей курсировала вдоль северного побережья и входила в Боспор Киммерийский, без письменных источников представить сложно.

В заключении следует подчеркнуть, что на протяжении VI – первой половины V вв. до н.э. эллинами на европейском Боспоре была освоена лишь узкая полоса прибрежных территорий, в глубину не более 10–15 км, на которой существовала несколько полисов (Зинько 2009). Вся остальная, степная часть полуострова, контролировалась кочевыми скифами и здесь проживало малочисленное аборигенное население. Ведущую роль в колонизации столь отдаленных и суровых северных территорий на начальном и всех последующих этапах играли прибывающие из ионийских метрополий контингенты вынужденных эмигрантов, которые постоянно взаимодействовали (вступали в «международные» отношения) с окружающими их местными племенами и другими полисами как на Боспоре, так и в Греции.

Литература

Буйских 2014 – Буйских А. В. Амфоры и столовая посуда // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. – Киев–Керчь, 2014. С. 318–445.

Вахтина, Виноградов, Рогов 1980 – Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // Вестник древней истории. 1980 № 4. С. 155–161.

Виноградов 1995 – Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // Вестник древней истории. № 3. 1995.

Виноградов 2000 – Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. – СПб., 2000. С. 227–232.

Жижина 1978 – Жижина Н.К. К вопросу о догреческом поселении на месте Нимфея. – Л., 1978 // Архив ОАМ ГЭ.

Зинько 2004 – Зинько В.Н. Поселения VI в. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. V. – Симферополь–Керчь. 2004. С. 19–26.

Зинько 2009 – Зинько В.Н. Некоторые особенности освоения эллинами земель близ Боспора Киммерийского // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. С. 167–171.

Зинько 2010 – Зинько В.Н. Основание и становление Тиритаки // Древности Боспора. Вып. 14. – М., 2010. С. 220–232.

Зинько 2011 – Зинько В.Н. Греки и варвары на берегах пра-Чурбашского залива в VI–V вв. до н.э. // Материалы XII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. С. 133–139.

Зинько 2013 – Зинько В.Н. Военно-политическая история европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) // Материалы XIV Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. С. 195–199.

Зинько 2014 – Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. – Киев–Керчь, 2014. 596 с.

Кузнецов 2001 – Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // Древности Боспора. Вып. 4. – М., 2001.

Петракова, Букина 2021 – Петракова А.Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки – Санкт-Петербург–Керчь, 2021. 312 с.

Русяева 2014 – Русяева А.С. Каталог граффити Тиритаки // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. – Симферополь–Керчь, 2014; с. 488.

Сенаторов 1999 – Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. – СПб, 1999.

Сенаторов 2006 – Сенаторов С.Н. Лепная керамика эпохи бронзы – раннего железа из Нимфея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. – СПб, 2006.

Толстикова 2011 – Толстикова В.П. К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварской культур на Боспоре в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. – СПб., 2011. С. 54–58.

Худяк 1962 – Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–II вв. до н.э. – Л., 1962.

Шелов-Коведяев 1985 – Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. – М., 1985.

Яйленко 2010 – Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. – М., 2010. 740 с.

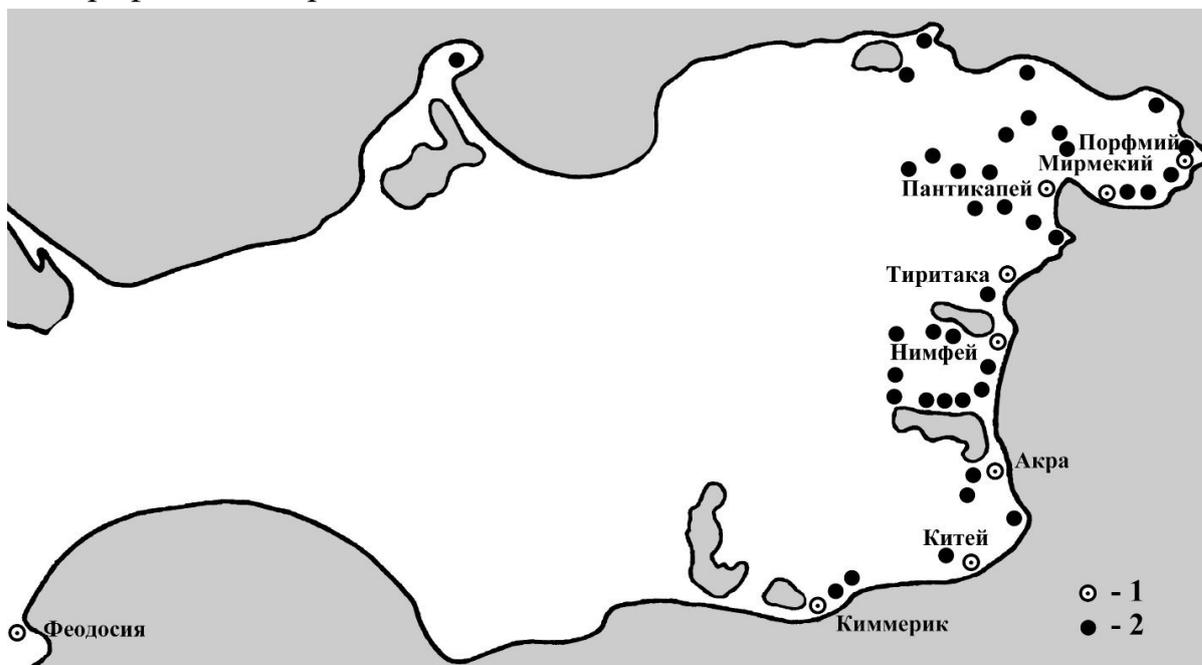

Рис. 1. Карта европейского Боспора (конец VI – первая половина V вв. до н.э.): 1 – города; 2 – сельские поселения хоры городов

Жилище эпохи эллинизма в Анапском районе

В 2021 г. экспедицией ООО «КубаньАрхСпас» под руководством автора сообщения проведены спасательные раскопки на памятнике археологии «Поселение и грунтовый могильник «Варваровка-б» в с. Варваровка г.-к. Анапа Краснодарского края. Исследования проводились тремя раскопами, на площади 3108 кв.м.

«Варваровка-б» находится на восточной стороне горного хребта, протянувшегося вдоль береговой линии Черного моря (Рис. 1: I, II). Рельеф местности здесь горный, резкий, складчатый. Культурный слой на исследованном участке памятника, оказался полностью перемешан плантажем, и, по сути, уничтожен. Массовый керамический материал относится к эпохе раннего средневековья. Единичные находки относятся к эпохе античности, однако, они являются лишь фоном основного массива средневекового материала.

Объекты, исследованные на территории раскопов, представлены в подавляющем большинстве многочисленными раннесредневековыми хозяйственными ямами и вкопанными пифосами, выявленными на уровне материка. Особняком стоят исследованные на территории раскопа два объекта античной эпохи. Они представляли собой жилище и расположенную рядом хозяйственную яму.

Жилище (Рис. 1: III, 1, 2), полуземляночного типа, в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами и ровными стенками и полом. Размеры жилища 3,60x3,10 м (площадь чуть более 11 кв.м.), длинной стороной ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, максимальная глубина жилища от прослеженного края – 1 м. В центральной части жилища находился углубленный в пол очаг, округлой формы, диаметром – 0,59 м. Поверхность очага имела серо-черный цвет и была очень плотной. Как показал разрез очага, эта плотная поверхность состояла из нескольких либо прессованных, либо залитых глинистым составом слоев, общей толщиной до 1,5 см. Мощность прокала в грунт составляла около 10 см. Западнее очага, ближе к юго-западной стенке жилища прослежена небольшая яма, округлая

¹ *Иванов Алексей Владимирович* – археолог ООО «КубаньАрхСпас» (г. Краснодар, Россия).

в плане, диаметром до 0,44 м, и глубиной 0,15 м от прослеженного края. Предположительно эта яма служила для установки столбовой опоры, поддерживавшей крышу. В южном углу жилища прослежено аморфное пятно от кострища с выбросом золы, размерами около 0,50x0,65 м. Археологический материал из жилища разнообразен и включал в себя фрагменты лепной, кружальной столовой и кухонной посуды, фрагменты синопских и родосских амфор и другие предметы, в том числе плохо сохранившуюся медную монету (Рис. 1: III, 3–14).

Совсем рядом с жилищем располагалась довольно сложно структурированная хозяйственная яма, в плане аморфной, подтрапецевидной формы (Рис. 2: I, 1, 2). На дне ямы прослежено еще пять более мелких ям, разных размеров и форм (в плане), которые располагались по периметру примерно через равные промежутки. Эти ямы на плане обозначены литерами от А до Д. Размеры ямы по устью 3,58x3,87 м, наибольшая глубина ямы от прослеженного края – 1,87 м. Находки из заполнения расположенной рядом ямы по многим позициям схожи материалам жилища и включали в себя, помимо костей животных, фрагменты лепных и кружальных столовых и кухонных сосудов, амфор, пифосов, фрагмент унгентария и «мегарской» чаши (Рис. 2: I, 3–14).

Несмотря на незначительное в целом количество находок, представляется возможным наметить хронологические рамки существования исследованного комплекса. Так для фрагментов кастрюль и кувшинов (Рис. 1: III, 10–12; Рис. 2: I, 7, 8) многочисленные аналогии представлены в комплексах III–II вв. до н.э. из Горгиппии (Алексеева 1997, табл. 56, 40, 44, 46; табл. 57, 43, 44; табл. 84, 4, 5, 8) и «Усадьбы Виноградник» (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, рис. 9, 6, 7). Фрагменты амфор (Рис. 1: III, 5, 7; Рис. 2: I, 10) соотносятся с синопским и родосским производством II в. до н.э. (Монахов 2003, с. 122, 158). К изделиям одного из ионийских центров относится фрагмент «мегарской» чаши (Рис. 2: I, 6), аналогии ему происходят из комплекса последней четверти II в. до н.э. исследованного на поселении Голубицкая 2 (Журавлев, Захаров 2016, с. 224, рис. 2, 2), а также из находок Помещения 7 «Усадьбы Виноградник» (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, рис. 12, 4).

Фрагмент унгентария (Рис. 2: I, 3), найденный среди заполнения хозяйственной ямы, является наиболее широко распространенной разновидностью сосудов – так называемые миниатюрные веретенообразные флаконы на ножке. Согласно современным данным, они в большом количестве встречаются в комплексах III–I вв. до н.э., а по материалам Афинской агоры,

подобные сосуды в подавляющем большинстве датированы в интервале от 315 до 86–50 гг. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева 2007, с. 321; Rotroff 2006, p. 153). Наш же экземпляр в той или иной степени сближен с типом 1 формы В и G по типологии В. Андерсон-Стоянович, в Македонии, например такие унгентарии бытуют с середины II до первой половины I в. до н.э. (Anderson-Stojanovic 1987, p. 118, fig. 3,b). Подобные флаконы встречаются повсеместно в античных и варварских комплексах Причерноморья (Парович-Пешикан 1974, рис. 95; Максимова 1979, табл. III; Коровина 1987, рис. 15; Божкова, Кияшкина 2013, рис. 12, 6; Медведев 2014, рис. 1; Трейстер 2021, рис. 3; Ворошилова, Ворошилов, Шавырина 2021, с. 114, рис. 1,3), в том числе они присутствуют в Горгии (Алексеева 1997, табл. 81, 5, 6), и среди материалов Усадьбы «Виноградник» (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, рис. 13, 2, 3).

Весьма любопытны и два кубка¹ с темным покрытием, один из которых имеет характерные двухпетлевидные ручки (Рис. 1: III, 4; Рис. 2, I, 4). В настоящее время такие кубки входят в группу Hellenistic Colour-Coated Ware A (по К. Домжалскому), их связывают с производством Родоса, и датируют концом III – II вв. до н.э. (Domžalski 2007, p. 166–171, 176). Помимо того, что такая посуда широко распространена в Средиземноморье, её достаточно много в Причерноморье. Она встречена в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии, Фанагории, Кепях, Танаисе, Ольвии, Тире, Неаполе Скифском, и наконец, в Горгии, а также в материалах Лобановой Щели (Domžalski 2007, p. 72, fig. 5–7).

Таким образом, по большинству позиций наиболее вероятное время существования рассматриваемых объектов – II в. до н.э. Обнаруженные на поселении «Варваровка-б» жилище и яма, по найденному в них материалу, синхронны друг другу, а их взаимное расположение позволяет уверенно связать между собой эти два объекта. Редкие находки на основной части исследованной площади памятника материалов античной эпохи, возможно, свидетельствуют о том, что комплекс представлял собой не часть крупного поселения, а некое отдельно стоящее жилище, состоящие из одного домохозяйства, существовавшее на этом месте во II в. до н.э.

Совсем недалеко от пункта наших раскопок располагается получившее довольно широкое освещение в литературе, исследованное не так давно на протяжении двух сезонов поселение «Усадьба Виноградник» (Иванов 2016;

¹ Автор выражает благодарность за помощь в определении этих сосудов Д.В. Журавлеву.

Жупанин, Иванов, Куликова 2018; Ткачева и др. 2018) (Рис. 1, II). От места обнаружения античных объектов «Варваровка-б» до поселения чуть более километра, а располагаются они в прямой видимости на соседних высотах, разделенных между собой балкой, по которой на настоящее время проходит автодорога, соединяющая пос. Варваровку и Сукко. Дата построек, раскопанных на поселении «Усадьба Виноградник», как, видимо, и датировка самого поселения в целом, исследователями была определена как III – вторая половина II вв. до н.э. (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, с. 52). Вне всякого сомнения, интересными являются строения, исследованные на поселении (Рис. 2: II). Это отдельно стоящие одно-двухсекционные, прямоугольные помещения (дома) на каменных фундаментах; почти повсеместны остатки очагов в углах помещений или в их центре; все эти постройки были, скорее всего, заглубленными в землю жилищами (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, с. 52). За исключением каменных цоколей, планировки построек «Усадьбы Виноградник» с жилищем из раскопок «Варваровка-б», очень схожи между собой, в первую очередь это касается расположения очагов на площади помещений, их формы и структура пода, который в обоих случаях специально сооружался. К этому добавим хронологическую и территориальную близость памятников.

Исследователи «Усадьбы Виноградник» отнесли его к памятникам сельских поселений земледельческой округи Горгиипии (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, с. 52). Основанием для такого заключения явились находки из материалов усадьбы, аналогичные горгийским, а также схожесть элементов интерьера жилищ с усадьбами III–I вв. до н.э., раскопанными Е.М. Алексеевой в районе пос. Джемите (Алексеева 1980, с. 24–38, рис. 6). Таким образом, предлагается отодвинуть предполагаемую границу дальней хоры Горгиипии достаточно далеко к югу в зону предгорий (Жупанин, Иванов, Куликова 2018, с. 52).

В 2014 году в результате раскопок поселения в Урочище Самойленко, расположенном в 6,5 км к ЗСЗ от станции Натухаевская, на высоте под которой можно без труда рассмотреть современную Анапу, было исследовано довольно крупное здание, площадью более 40 кв. м (Рис. 2: III). Дом имел глинобитные полы, пристроенный к стенке очаги, один из которых округлый в плане, и еще один, правда, разобранный еще в древности, в углу помещения. Основаниями очагов служили горизонтальные выкладки из керамических черепков, аналогично устройству оснований для пода печей-очагов в жилищах «Усадьбы Виноградник» (Жупанин, Иванов, Куликова

2018, с. 45, рис. 10). Дом был оставлен людьми одномоментно, в результате каких-то катастрофических событий, кухонный инвентарь остался на своих местах, как и набор из 62 керамических ткацких грузиков. Но даже довольно представительный и разнообразный инвентарь не позволяет датировать это жилище уже, чем в хронологическом диапазоне III–II вв. до н.э. Но для нашей темы это сейчас не важно. Важно другое – как дом, так и само поселение однозначно относятся к кругу варварских древностей, о чем позволяет судить не только вскрытая площадь поселения, но и его структура (Иванов, Сударев 2018; 2018a). Ко всему прочему, совсем рядом с поселением был обнаружен сопутствующий ему грунтовый некрополь. Он расположен в лесу, на вершине водораздельного хребта, огораживающего поселение с востока. Одно захоронение было доисследовано. Погребение совершено в крупном каменном ящике, сложенном из массивных высоких плит, поставленных вертикально. Среди разрушенного костяка взрослого человека были найдены железный нож, красноглиняная солонка, разноцветный мелкий пастовый бисер и бронзовый перстень. Погребение датируется IV в. до н.э. Еще одно схожее по обряду погребение было исследовано несколько позже экспедицией под руководством А.А. Малышева (Малышев, Горланов 2020, с. 77, рис. 16). Аналогичной структуры комплексы, в составе некрополей, широко распространены на этих землях, исследователи их традиционно увязывают с местным населением региона Анапы-Новороссийска.

Естественно, на протяжении всего существования поселения «Урочище Самойленко» (середина – вторая половина VI – II вв. до н.э.) в его материальной культуре происходили изменения. Однако никаких свидетельств того, что на каком-то этапе происходила смена населения, не отмечено. Что касается практики возведения на территории поселения в классическое и эллинистическое время сооружений на каменном цоколе, то она однозначно трактуется как заимствование от греческой строительной традиции. Эти конструкции пришли на смену ранним жилищам, которые в плане имели округлую форму, с очагами в центре, их облик, планировка и конструкция, видимо особо не отличались от традиционных «меотских» домов (Шевченко 1995, с. 134–137).

И вот основной вывод, сделанный после исследования «Урочище Самойленко». Памятник во всех отношениях является эталонным для понимания греко-варварских взаимоотношений, он позволяет детально проследить естественноисторический способ возникновения новой культурной общности, где уже в V–VI вв. до н.э. материальную культуру поселения

можно характеризовать как античную, греческую (Иванов, Сударев 2018а). Это заключение согласуется с мнением Н.И. Сударева, который, на опыте работы в Анапском районе, выявил парадокс, заключающийся в том, что памятники, исследованные на этих землях, по своей структуре более «эллинские», нежели сельские поселения Тамани (Сударев 2014, с. 96).

Таким образом, как бы это противоречиво не выглядело на страницах археологической литературы, материальная культура, в том числе и традиция домостроительства для эллинистических поселений региона Анапы-Новороссийска, тем более расположенных в горно-лесистой местности, не могут быть однозначно культуурообразующими. О соответствии их облика памятникам античным или варварским, скорее даже выражусь иначе – кто были поселенцы, обитавшие на этих землях в эллинизме, на этот вопрос может ответить лишь исследованный могильник, надежно увязанный с тем или иным поселением. В этом очень интересная особенность региона.

Дело в том, что согласно многочисленным письменным (Ps.-Skyl. 72–75; Strabo XI. 2, 1; Plin. NH. VI. 17) и эпиграфическим источникам (КБН 6, 6а, 8, 9, 10, 11, 39, 40, 971, 972, 1014, 1037, 1038, 1039, 1040, 1042) регион Анапы-Новороссийска был населен племенами синдвов, керкетов и торетов. Этот племенной кластер на настоящее время рассматривается исследователями в рамках единой археологической культуры (Алексеева 2000; Новичихин 2009, с. 289–291; Иванов А.В. 2016, с. 266; Малышев, Горланов 2020, с. 67, 68). Основанная на протомеотском субстрате, культура уже со второй половины VI в. до н.э. испытывает сильнейшее влияние со стороны эллинских колоний черноморского побережья (Синдская Гавань, Горгиппия, Баты, Торик), которое постепенно стирает варварское культурное своеобразие (Иванов А.В. 2016, с. 268). В IV в. до н.э., с аннексией Синдики и продвижения Боспора в южные предгорья Северо-Западного Кавказа на земли торетов и керкетов (Дмитриев, Малышев 2009, с. 66), население полуострова Абрау было окончательно вовлечено в орбиту боспорского влияния (Малышев, Горланов 2020, с. 74), которое, судя по монетным находкам, продолжилось и в эллинистическую эпоху (Малышев 2009, рис. 5, в). При этом на землях, оказавшихся под боспорским контролем, организация античной хозяйственной системы во многом копирует, в силу природно-географических и климатических особенностей полуострова Абрау, аборигенную (Малышев 2009, с. 86), а поселенческие структуры эллинистического времени существуют в рамках единого хозяйственно-культурного типа с практически идентичной материальной культурой и строительной традицией.

На этом фоне очень интересным и во многом показательным является то, что близкие по облику дома найдены сразу на нескольких памятниках, расположенных в сходных естественно-географических условиях, в горно-лесистой зоне, причем территориально тяготеющие к земледельческой округе Горгииппии (Рис. 1: II). С исследованием еще одного обиталища на «Варваровка-б» мы получаем уже серию жилищ, типологически схожих обустройством помещений, и с характерным расположением очагов, сооруженных по одному принципу с укреплением основания пода.

Литература

Алексеева 1997 – Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. – М., 1997.

Алексеева 1980 – Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгииппии // Горгииппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Т. 1 – Краснодар, 1980.

Алексеева 2000 – Алексеева Е.М. Местная среда ранней Горгииппии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. 2000.

Божкова, Кияшкина 2013 – Божкова, А., Кияшкина, П., Цистови гробове от елинистическия некропол на Месамбрия на Черно море. // В. Динчев (ред.), Известия на Националния археологически Институт ХLI. – София, 2013. С. 53-70.

Ворошилова, Ворошилов, Шавырина 2021 – Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н., Шавырина Т.Г. Каменные гробницы Фанагории из раскопок 1980 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2021. С. 141–159.

Дмитриев, Малышев 2009 – Дмитриев А.В., Малышев А.А. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. – М., 2009.

Жупанин, Иванов, Куликова 2018 – Жупанин О.Ф., Иванов А.А., Куликова О.П. Постройка эллинистического времени на поселении «Усадьба Виноградник» // Древности Боспора. Том. 22. – М., 2018.

Журавлёв, Захаров 2016 – Журавлёв Д.В., Захаров Е.В. Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора. Том. 20. – М., 2016.

Зайцев, Мордвинцева 2007 – Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. – Симферополь. 2007. С. 319–358.

Иванов 2016 – Иванов А.А. Охранно-спасательные исследования поселения эллинистического времени «Усадьба Виноградник» в 2014 г. // Древности Боспора. Том. 20. – М. 2016.

Иванов А.В. 2016 – Иванов А.В. Племена региона Анапы – Новороссийска и меоты. Сопоставление // Древности Боспора. Том. 20. – М., 2016. С. 260–268.

Иванов, Сударев 2018 – Иванов А.В., Сударев Н.И. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // XIX Боспорские чтения. Традиции и инновации. – Керчь. 2018. С. 179–184.

Иванов, Сударев 2018a – Иванов А.В., Сударев Н.И. «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. – СПб. 2018. С. 257–262.

Коровина 1987 – Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.). // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина 8. – М., 1987. С. 71–109.

Максимова 1979 – Максимова М.И. Артюховский курган. – Л., 1979.

Малышев 2009 – Малышев А.А. Юго-восточная периферия Боспорского царства // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. – М., 2009.

Малышев, Горланов 2020 – Малышев А.А., Горланов С.С. О погребальных сооружениях населения полуострова Абрау в эпоху раннего железа // Теория и практика археологических исследований. № 4 (32). – Барнаул, 2020.

Медведев 2014 – Медведев А.П. Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.) // Российская археология. № 3. 2014. С. 123–139.

Монахов 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. – Москва; Саратов, 2003.

Новичихин 2009 – Новичихин А.М. Могильник у хутора Рассвет: вопросы культурной принадлежности и этнической атрибуции // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009.

Парович-Пешикан 1974 – Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – Киев, 1974

Сударев 2014 – Сударев Н.И. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию М.М. Кубланова. – СПб., 2014.

Ткачева и др. 2018 – Ткачева Н.Н., Дмитриев А.В., Иванов А.А., Куликова О.П., Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., Соков П.В., Тищенко И.Б. Хроника проведения охранно-спасательных археологических исследований НАО (ОАО) «Наследие Кубани» в 2017 г. // МИАСК. Вып. 16. – Армавир–Краснодар, 2018. С. 209–252.

Трейстер 2021 – Трейстер М.Ю. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. – Симферополь, 2021. С. 157–194.

Шевченко 1995 – Шевченко Н.Ф. Строительные традиции у меотов // Историко-Археологический Альманах. Вып. 1. – Армавир; М., 1995.

Anderson-Stojanovic 1987 – Anderson-Stojanovic V.R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // American Journal of Archaeology. Vol. 91, No. 1 (Jan., 1987). Published By: The University of Chicago Press. 1987. P. 105–122.

Domzalski 2007 – Domzalski K. Changes in Late Classical and Hellenistic Fine Pottery Production in the Eastern Mediterranean as Reflected by Imports in the Pontic Area // The Black Sea in Antiquity. Aarhus university press. 2007. P. 161–182.

Rotroff 2006 – Rotroff S.I., Hellenistic Pottery: The Plain Ware. The Athenian Agora. Vol. 33. Princeton, 2006. 444 p.

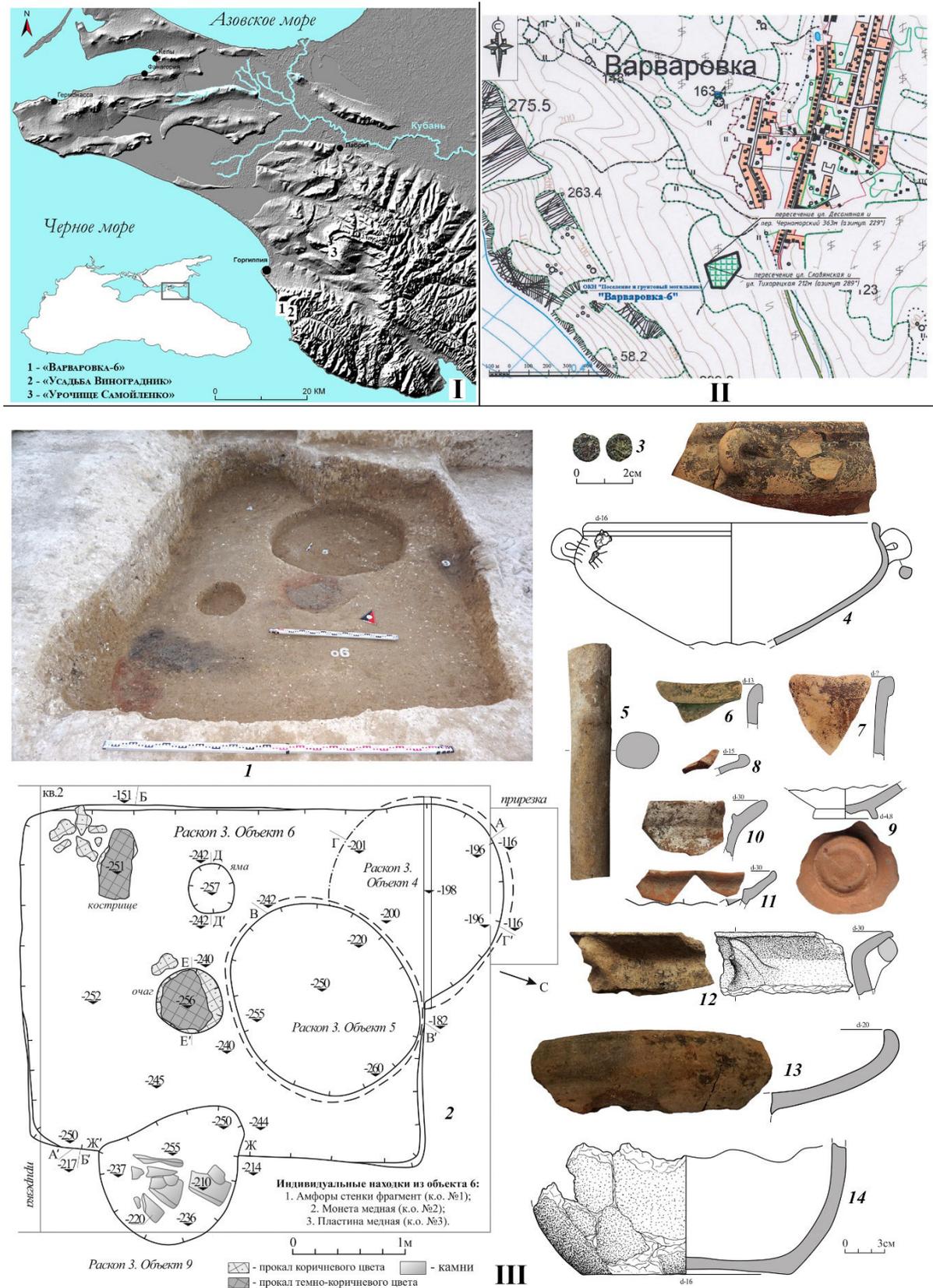

Рис. 1. I – поселения «Варваровка-б», «Усадьба Виноградник» и «Урочище Самойленко» на карте; II – местоположение «Варваровка-б» на географической карте; III – жилище, исследованное на поселении «Варваровка-б» и его материал

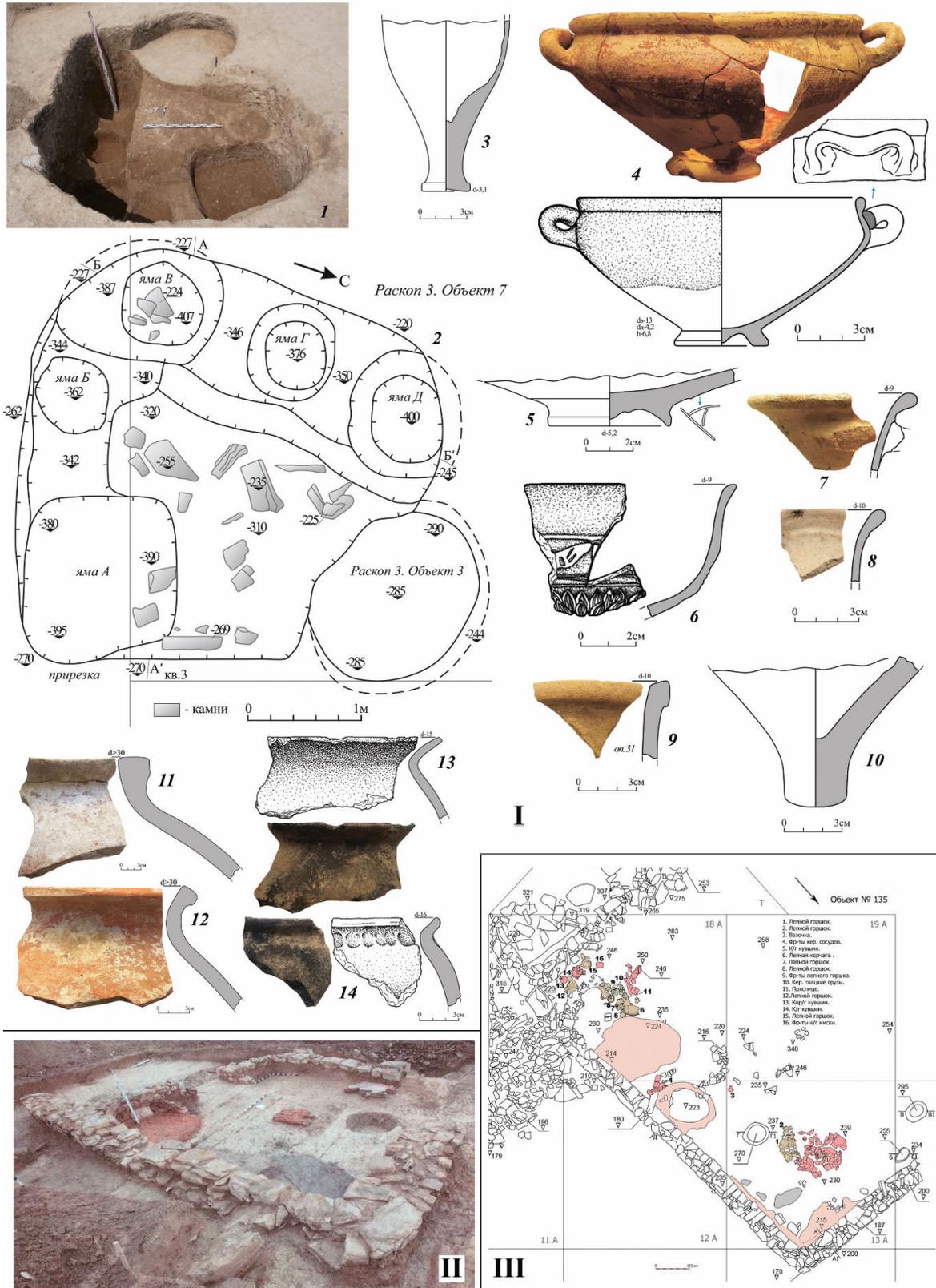

Рис. 2. I – поселение «Варваровка-б», хозяйственная яма, исследованная рядом с жилищем и её материал; II – один из домов «Усадьбы Виноградник», изображение дано по Ткачева и др. 2018, рис. 3; III – жилище, исследованное на поселении «Урочище Самойленко»

**Модель формирования хоры боспорского города и её реализация
на примере Нимфея и Гермонассы в VI–III вв. до н.э.**

В современной исторической науке европейский и азиатский Боспор принято связывать с разными моделями расселения на полисной хоре, однако консенсус о различиях и сходствах этих моделей на данный момент не достигнут.

Разницу в характере заселения этих территорий отмечали Я.М. Паромов и А.П. Абрамов, указывая на бóльшую скорость развития и быстрое освоение сильно удаленных от моря территорий на Таманском полуострове как на отличительные особенности этого региона (Абрамов, Паромов 1993, с. 79). Другой аспект этой проблемы был освещен Ю.А. Виноградовым, который предположил, что заселение хоры на азиатском Боспоре проходило кустами деревень, а в Восточном Крыму преобладала иная форма – освоение территории крупными приморскими пунктами, «аграрными городками», что он связывал со скифской угрозой (Виноградов 1995, с. 154; 2005, с. 223–224). Проблеме выделения конкретных особенностей расселения в разных частях Боспора посвящены исследования С.Н. Прокопенко, которым описаны две модели заселения хоры. В VI–V вв. до н.э. в полисах европейского Боспора, по его мнению, преобладало медленное освоение и постепенное расширение сельской округи, заселявшейся от прибрежных районов к материковым. В полисах азиатского Боспора часть сельских поселений изначально была вынесена на границы сферы влияния полиса, в том числе и в удаленную от берега зону, ограничивая крупную хору по периметру, после чего начиналось активное заселение контролируемых земель (Прокопенко 2007, с. 68–69). Кроме того, исследователь предположил, что на рубеже IV–III вв. до н.э. эти модели видоизменились: в полисах европейского Боспора ярче проявилось экстенсивное расширение хоры, тогда как хозяйственные структуры азиатского Боспора тяготели к интенсивному развитию (Прокопенко 2008, с. 17–19).

С основными положениями этой теории сложно не согласиться. Однако, признавая региональные особенности расселения греков на Боспоре, возни-

¹ *Камышанов Антон Михайлович* – аспирант кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

кает следующий вопрос: греческие переселенцы изначально придерживались разных стратегий заселения сельских территорий (и тогда важным становится вопрос о том, почему их стратегии с самого начала были разными) или же они были вынуждены скорректировать один и тот же общий план под влиянием внешних факторов?

Для окончательного ответа на этот вопрос необходимо подробно восстановить историю сельских поселений Боспора, что на данный момент не представляется возможным, так как о большинстве памятников информация представлена только результатами разведок, которые, к тому же, не всегда пересекаются у разных исследователей (Батасова 2020, с. 136–146). В то же время количество и качество накопленного археологического материала дают возможность получить наиболее общие представления об основных вехах этой истории и с высокой степенью достоверности дать предварительный ответ на обозначенный вопрос. Для этого необходимо использование статистических и пространственных методов, который позволяют датировать памятники и оценить их размеры в каждый конкретный хронологический период (Батасова 2016, с. 94–95). Адекватность этих методов может быть проверена с привлечением материалов масштабных раскопок сельских поселений.

Нами был проведен подобный анализ систем расселения на хорах двух полисов, Нимфея и Гермонассы, расположенных по обе стороны Керченского пролива, результаты которого могут быть только в самых общих чертах экстраполированы на весь Боспор в период наиболее активного его заселения греками в VI – начале III вв. до н.э. Это исследование предваряет более подробный анализ всех сельских поселений Боспора и призвано наметить пути решения проблемы греческого расселения на данной территории.

В качестве основного источника данных о хоре Нимфея были использованы результаты исследований В.Н. Зинько, а для работы с хорой Гермонассы приоритетными стали материалы разведок Я.М. Паромова. При этом были привлечены отчеты и публикации о раскопках отдельных памятников, которые позволили проверить и уточнить результаты статистического анализа. Опираясь на эти результаты, сельские поселения на обеих территориях были ранжированы по своей значимости в системе расселения, то есть по размеру и активности хозяйственной деятельности, в двух основных хронологических периодах: VI–V вв. до н.э. и IV–III вв. до н.э. Это позволило проследить развитие каждого сельского памятника и выявить основные этапы становления системы сельского расселения обоих полисов.

Хору Нимфея отличают умеренное расширение и развитие в VI–V вв. до н.э. и взрывной рост в IV в. до н.э. Представляется, что наличие естественной водной границы на севере и отсутствие конкуренции за земли в западном и южном направлениях в VI – первой половине V вв. до н.э. позволяли полису осваивать хору последовательно, создавая отдельные поселения в прибрежной зоне без необходимости серьезно адаптировать стратегию расселения под требования внешней политики (Соловьев 2000, с. 165). Во второй половине V в. до н.э. нормальное развитие структуры расселения, по всей видимости, оказалось замедлено рядом военных конфликтов (Шелов-Коведяев 1985, с. 91–99, 112), после чего на рубеже V–IV вв. до н.э. часть поселений, в том числе и сам город, были разрушены. Однако уже со второй четверти IV в. до н.э. Нимфей, включенный в состав Боспорского царства и получивший новые административные границы, начал активно заселять округу небольшими поселениями, сначала формируя систему плотного расселения в прибрежной зоне, а затем осваивая материковую зону к западу от города.

Реконструкция формирования хоры Гермонассы показывает несколько иной путь развития системы расселения. Территория, окружающая полис, в разы больше хоры Нимфея, имеет сложную форму и значительно более, чем в Нимфее, выраженный рельеф. Кроме того, Гермонасса изначально находилась в сложной политической ситуации и была вынуждена конкурировать за зоны контроля с соседними полисами – Фанагорией и, вероятно, Корокондамой, – что сказалось на характере расселения. В VI–V вв. до н.э. удаленные пограничные поселения выносились по необходимости, обусловленной военно-политическими соображениями, поэтому ресурсов для равномерного заселения округи не было. Её освоение, в силу огромных размеров, носило полицентричный характер: основанные на окраинах хоры узловые поселения формировали вокруг себя кластеры расселения, которые не сразу встраивались в единую систему. Включение Гермонассы в состав Боспорского царства в IV в. до н.э. и смена приоритета с расширения и контроля границ полиса на интенсивное освоение территории привели к формированию новой, более оптимальной для земледелия структуры: так, крупные пограничные поселения потеряли свою значимость, а центр тяжести всей системы сместился в сторону полиса.

Сравнение систем расселения на хорах Нимфея и Гермонассы позволяет прийти к выводу о том, что эти полисы развивались по схожей модели. Оба города появились во второй четверти VI в. до н.э. на разных берегах Боспора

Киммерийского рядом с крупными массивами плодородных земель (Гарбузов 2009, с. 124. рис. 1; Гарбузов 2018, с. 32, рис. 3). На раннем этапе формирования хоры полисы выносили, по возможности на побережье, отдельные поселения в наиболее спорные зоны. Часть их должна была контролировать границу с соседними полисами, часть – наблюдать за варварским населением. Кроме того, такие центры имели сельскохозяйственные и, вероятно, торговые функции, особенно в зоне контактов с варварами. Между полисом и пограничными поселениями существовали дороги, вдоль которых постепенно возникали отдельные усадьбы или небольшие деревни, призванные повысить интенсивность сельскохозяйственного использования земли. В то же время развитие системы расселения за счет удаленных пограничных центров, связанных с другими узлами дорогами, предопределяло ее форму, которая на ранних этапах следовала преимущественно за границами хоры, оставляя центральные территории незаселенными.

К середине V в. до н.э. полисы вдвое расширили размеры хоры, приближаясь к ее естественным пределам, зависящим от географических и политических условий. Достижение предела экстенсивного увеличения хоры при продолжающемся росте населения стимулировало интенсивное развитие системы расселения: ее уплотнение, освоение центральных, до сих пор пустующих территорий, и появление новых структур, прежде всего кустов поселений. Этот потенциал сдерживался военными конфликтами второй половины V – первой четверти IV вв. до н.э. вплоть до закрепления границ полисов внутри Боспорского царства в начале IV в. до н.э. Затем, избавившись от необходимости надежно маркировать границы хоры, система полисного расселения продолжила свое развитие с целью наиболее эффективного экономического освоения этих территорий в новых, спокойных политических условиях.

Проведенный анализ позволяет предположить наличие единой стратегии расселения греков на обоих берегах Боспора Киммерийского, которая адаптировалась под конкретные географические и внешнеполитические условия. В силу этих факторов конкретные варианты реализации данной стратегии серьезно различались, что могло носить систематический характер в разных регионах. Однако для подтверждения этой гипотезы требуются дальнейшие исследования систем расселения на хорах других боспорских полисов.

Литература

Абрамов, Паромов 1993 – Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. – М., 1993. С. 25–98.

Батасова 2016 – Батасова А.В. Анализ системы греческого расселения на Таманском полуострове в VI – первой четверти V вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2016. 293 с.

Батасова 2020 – Батасова А.В. Сельские поселения Азиатского Боспора: проблемы выявления и интерпретации по данным археологических разведок // Археологические вести. 2020. № 29. С. 136–146.

Виноградов 1995 – Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // Вестник древней истории, № 3. 1995. С. 152–160.

Виноградов 2005 – Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб., 2005. С. 211–296.

Гарбузов 2009 – Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 13. – М., 2009. С. 123–140.

Гарбузов 2018 – Гарбузов Г.П. Земельные ресурсы Боспора: теоретические оценки и реальная практика // Древности Боспора. Т. 22. – М., 2018. С. 24–39.

Прокопенко 2008 – Прокопенко С.Н. Развитие хоры городов Боспора в VI – 1-й четверти III вв. до н.э. (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук). – Иваново, 2008. 22 с.

Прокопенко 2007 – Прокопенко С.Н. Становление хоры боспорских городов VI – начала V вв. до н.э. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы Международной научной конференции. – СПб., 2007. С. 68–69.

Соловьев 2000 – Соловьев С.Л. Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительный анализ // Таманская старина. Вып. 3. – СПб., 2000. С. 163–166.

Шелов-Коведяев 1985 – Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984. – М., 1985. С. 5–187.

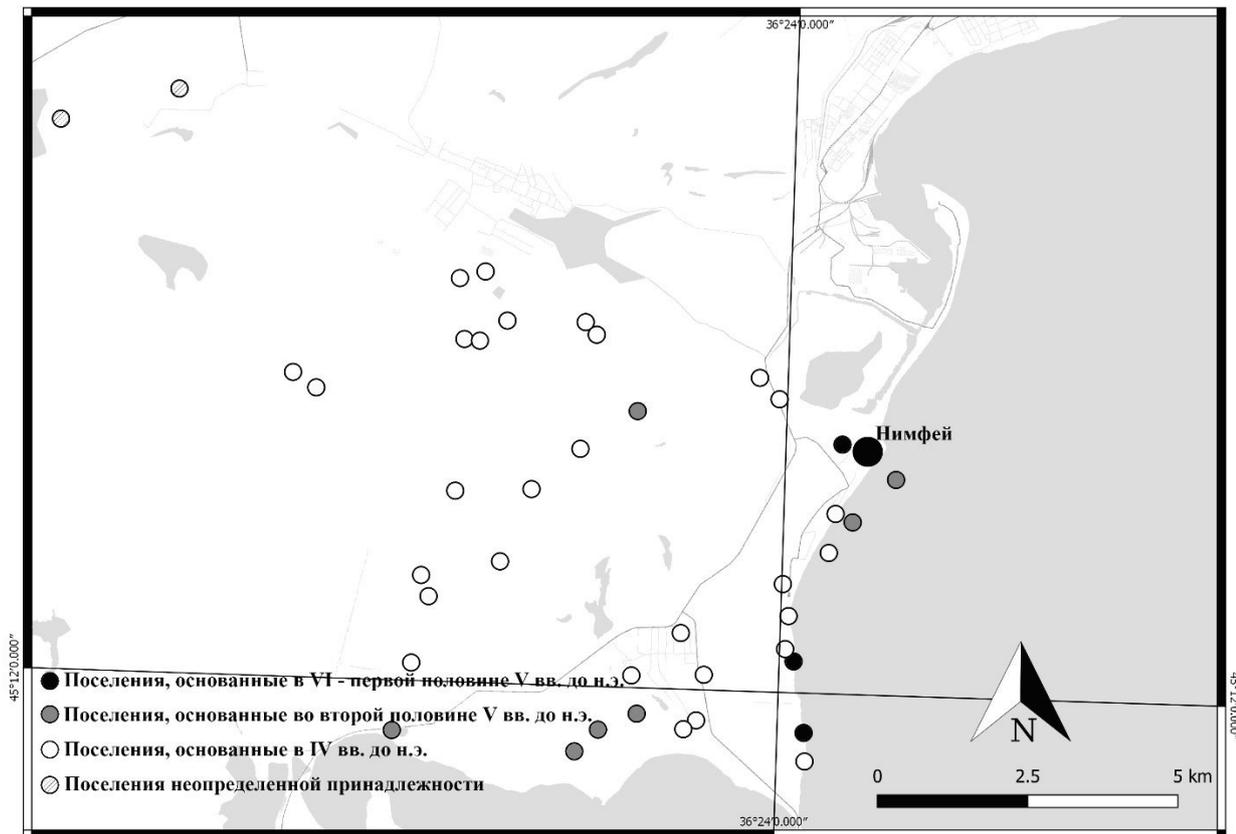

Рис. 1. Сельские поселения на хоре Нимфей

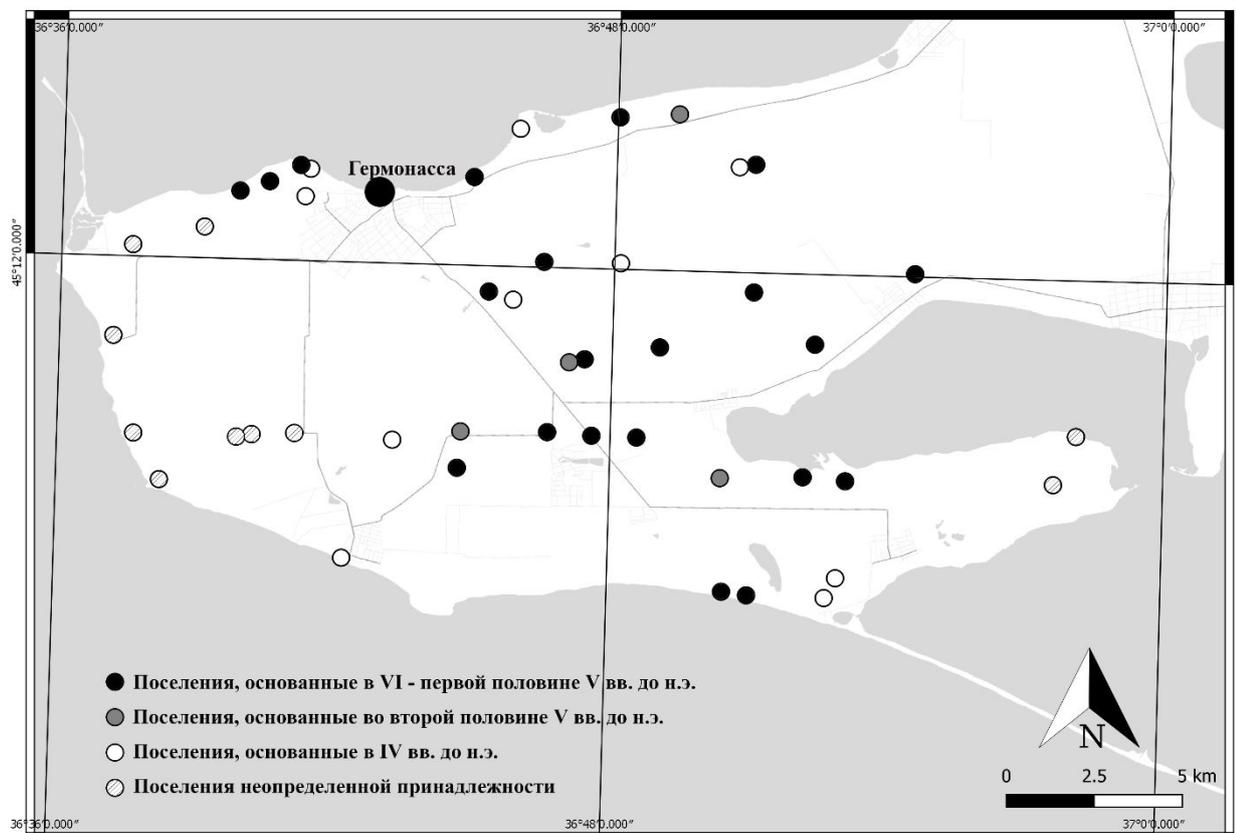

Рис. 2. Сельские поселения на хоре Гермонассы

**Ногайцы во взаимоотношениях Русского государства
с Турцией и Крымом (конец XIV – первая четверть XVI в.)**

Как известно, связи ногайцев с Русским государством носили жизненно-важные истоки и историческую преемственность. Тем не менее, поступательное движение было зависимо от мировых проблем.

С Русью ногаи установили непосредственные контакты в исходе XIV столетия, более того, в годы беклербекства князя Эдиге. Сначала эти отношения были непостоянными, а впоследствии к окончанию 80-х гг. становятся непрерывными, поскольку в них была вовлечена каждая сторона.

Выдающийся Эдиге, сокрушитель литовского короля Витовта, поддерживал тесные связи с великим князем Руси Василием (Карамзин 1989, с. 193–194). Ногайский правитель приготовил огромную «рать» для начала войны с Литвой, для защиты рубежей Руси. Эдиге возглавив военную кампанию, обнадеживал русского государя в своем уважительном отношении к нему (Кидирниязов 2000, с. 199). Одним из оснований для вооруженной битвы Эдиге против правителя Литвы оказалась готовность расправиться с ним за «содеянное им зло России». Практически все сведения летописей оставили сообщения о катастрофе литовского короля около реки Ворскле в 1399 году (Полное собрание 1965, Т. 8, с. 73).

Следует отметить, что впервые ногайская делегация появилась в русской столице в 1489 году (Продолжение 1793, ч. 9, с. 66, 68, 71).

Главная задача Ивана III в последней четверти XV столетия состояла в том, чтобы фрондировать наследников Большой Орды с коалицией Ногайской Орды и Крымского ханства и посредством использования этого объединения усилить защиту границы на юге страны (Базилевич 1952, с. 199).

Между тем, летом 1490 г. в российскую столицу была отправлена очередная делегация от ногайского владетеля Муса, а через 14 лет, в 1504 г. от владетеля Ямгурчи с обещанием братской помощи в борьбе с наследниками Большой Орды (Сборник 1884, с. 89, 238). Таким образом,

¹ *Кидирниязов Даниял Сайдахмедович* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала, Россия).

взаимодействие Ногайской Орды с Русью не прерывались и в дальнейшем после кончины Эдиге.

Противостояние между крымским правителем Менгли-Гираем и наследниками Большой Орды продолжалось с 1486 по 1499 гг. и завершилось триумфом крымского хана. Разгром наследников Большой Орды благодаря этому имел своим следствием победу политического курса Москвы, найти возможность умиротворить и объединить в своих целях ногайцев и крымских татар.

Следует отметить, что конец XV столетия отличается углублением противостояния за власть в правящих кругах Казанского ханства. По нашему мнению, надо учитывать политический конфликт местной элиты в какой-то мере, как демонстрацию внутренней борьбы за захват верховной власти в Среднем Поволжье. К тому же этот спор обострялся положением – что межгосударственные альянсы формировались с сопредельными странами – Русью, Крымским ханством и др., для смятения претворения в жизнь, для реализации своего политического курса в Казанском ханстве.

Небывалое противостояние за власть в Казанском ханстве разгорается в 1496 году. Эти трагические действия позволяют четко наблюдать формы и приемы захвата верховной власти в Казани. Схватку супротив казанского правителя Мухаммед-Эмина, отпрыска ханши Крыма Нур-Салтан, последняя являлась наследницей ногайского бия Темира. Военная экспедиция в Казанское ханство сибирского правителя Мамука вынудила Казанского хана прибегнуть к помощи Москвы.

Так, в 1509 г. ногайские мурзы Агыш и Шейдяк предпринимают вместе с Абдул-Керимом, правителем Астраханского ханства наступление на крымское ханство, однако потерпели неудачу. О чем правитель Крыма с радостью извещает русскую столицу (Сборник 1895, с. 70). Между тем, спустя некоторое время ногайские владельцы теперь появляются в компании с крымскими татарами. Возможно, эти ногайские мурзы уже состояли в подчинении крымского хана.

Приблизительно перед 20-ми гг. XVI столетия центральное направление в международном взаимодействии Русского государства интересовали взаимоотношения с Литвой и Крымом. Но, что касается проблемы Казани, Москва не придавала достаточной наступательности, ограничиваясь декларативными договоренностями с позиции Бахчисарая о «прочном мире» с Русью (Полное собрание 1965, Т. 13, с. 14–15).

Новый промежуток времени во взаимоотношениях Москвы с Казанью раскрывают факты, связанные с болезнью и смертью Мухаммед-Эмина. Его заболевание и бездетность подняла проблему о наследнике (Сборник 1895, с. 487). Кончина Абдул-Латыфа осенью 1517 года отменила проблему как о кандидате в правители Казанского ханства (Полное собрание 1965, Т. 13, с. 28).

Между тем, в 1521 г. к власти в Казани пришел Сагиб-Гирай, родной брат правителя Крыма Мухаммед-Гирая, подвластного османского повелителя. Через некоторое время произошла объединенная интервенция братьев на территорию Русского государства и наступление на г. Москву. Крымскому хану удалось занять главный город Астраханского ханства. В период военной кампании в команде совместной воинской рати находились ногайцы, черкесы, а также наемники из Литвы (Каргалов 1974, с. 59). Через 3 года, в 1524 году, казанский правитель Сагиб-Гирай по установленной форме провозгласил себя подданным Стамбула и признал свое государство «владением» султанской Порты (Дунаев 1916, с. 74).

Между тем, в марте 1523 года Мухаммед-Гирай, правитель Крыма, полагаясь на активное содействие многочисленной группировки ногайских владетелей в авангарде бия Ших-Мамаю, овладели столицей Астраханского ханства, прогнав оттуда местного правителя, союзника Русского государства (Смирнов 1887, с. 392). В итоге все это явилось серьезным и значительным внешнеполитическим и военным доминированием, поскольку с избранием в Казанском ханстве правителем крымского царевича Сагиб-Гирая и овладением столицы Астраханского ханства, по сути почти все тюркские страны оказались связанными общим владычеством Гираев из Бахчисарая, державшихся в то же время, османской Порты (Полное собрание, 1965, Т. 13, с. 43).

Тем не менее, победа правителя Крыма, как известно, являлась шаткой. Разногласия внутри ногайских владетелей и Бахчисарая в значительной степени являлись огромными, и расширение зоны полномочий власти Крыма на правителей Астраханского ханства, не уменьшалась, а наоборот еще сильнее усугублялась.

Присутствие крымского правителя в Астраханском ханстве обеспечивала оптимальные условия для агрессивных действий на Крымский полуостров. Эти обстоятельства были задействованы ногайскими владетелями. Таким образом, в ходе неожиданного захвата Мухаммед-Гирай был поражен, кроме того, было ликвидировано большое количество его воинских форми-

рований, располагавшихся вместе с ним в Нижнем Поволжье (Малиновский 1863, с. 235).

Гибель войск крымского хана в Нижнем Поволжье имело также следствием военной экспедиции ногайских отрядов на Крымский полуостров. Именно об этом извещал в своем послании в Москву правитель Азова Василия III, указав, что «бог пособил нагаям» (Малиновский 1863, с. 236).

Конец политической стратегии крымского правителя вызвал, помимо опустошения Крымского ханства ногайскими отрядами, также продолжительную междоусобицу, применяемую султанской Турцией для усиления своего внешнеполитического могущества в Крыму (Дунаев 1916, с. 57).

Таким образом, ситуация в Крыму в середине 20-х гг. XVI в. отмечается, в первую очередь, глубокими внутренними противоречиями среди местной правящей элиты. Восшествие на престол в 1524 г. нового крымского правителя Сеалет-Гирея, усаженного при помощи вооруженных сил османов. Султан направил боевые воинские отряды, в том числе пехотинцев. Все это влекло серьезные пагубные результаты для крымцев и вызвало сильный протест местной правящей верхушки, непосредственно новым правителем Крыма. В данной ситуации бесспорно увеличивалась опасность наступления извне, в первую очередь, с позиции ногайских отрядов. Реляции русских посланников ярко иллюстрируют положение ситуации в Крыму: А ногайцы, как рассказывает крымский хан, «добре боятся (ногаев – *Авт.*) и сторожи у них на поле великие» (Дунаев 1916, с. 61, 62).

В целом, 2-я половина 20-х гг. XVI столетия в непростых и сложных взаимоотношениях Москвы и Бахчисарая отмечается некоторым снижением военного противостояния Русского государства и Крымского ханства, несмотря на то, что крымские татары и ногайцы прилагают усилия в отдельных случаях организовывать рейды на пределы Юга России (Полное собрание 1965, Т. 13, с. 46).

Литература

Базилевич 1952 – Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. – М., 1952.

Дунаев 1916 – Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. – М., 1916.

Карамзин 1989 – Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3 кн. – М., 1989. Кн. 2. Т. 5.

Каргалов 1974 – Каргалов В.В. На степной границе. – М., 1974.

Кидирниязов 2000 – Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). – Махачкала, 2000.

Малиновский 1863 – Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1513 // Записки Одесского общества истории древностей России. – Одесса, 1863. Т. 5. С. 178–419.

Полное собрание 1965 – Полное собрание русских летописей. Т. 8, 13. – М., 1965.

Продолжение 1793 – Продолжение Древней российской вивлиофики. – СПб., 1793. Ч. 9.

Сборник 1895 – Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1895. Т. 95.

Смирнов 1887 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII столетия. – СПб., 1887.

**О времени утверждения Боспора в дельте Дона
в свете новых археологических данных**

Проблема изучения взаимоотношений населения дельты Дона с Боспором не нова, однако, она стала особенно актуальной с открытием в 1982 году на территории Елизаветовского городища остатков Большой греческой колонии и так называемого «греческого квартала». Значительное внимание этой тематике было уделено в работах К.К. Марченко (Марченко 1990, с. 129–138; 1991, с. 53–62; 1992, с. 174–186; 1994, с. 59–61 и др.) и, особенно, В.П. Копылова (Копылов, Васильев 1991, с. 27–36; Копылов 2002, с. 39–40; 2008, с. 60–64 и др.). Систематические исследования Южно-Донской археологической экспедиции, проводимые в дельте Дона на памятниках скифо-античного времени, и открытия, сделанные в последние годы, значительно расширили источниковую базу, что позволяет существенно дополнить наши представления о характере и особенностях взаимоотношений населения дельты Дона с Боспорским государством в IV – первой трети III в. до н.э. До недавнего времени считалось, что утверждение Боспора в дельте Дона произошло в конце IV или на рубеже IV–III вв. до н.э. с выведением на место Елизаветовского городища боспорской колонии, погибшей в конце первой трети III в. до н.э., после чего роль основного центра в регионе переходит к, также основанному Боспором, Недвиговскому городищу – Танаису. Появление на месте Елизаветовского городища в дельте Дона Большой греческой колонии совпадает по времени с полным прекращением функционирования курганного Елизаветовского могильника. Впервые вопрос о том, когда и почему ушли варвары с Елизаветовского городища поставил В.П. Копылов, который в качестве гипотезы связал этот уход с состоянием боспоро-скифских отношений в период династической борьбы за престол наследников царя Перисада (Копылов 1987, с. 14; Копылов, Васильев 1991, с. 31–32). Большая греческая колония по всем характеристикам представляет собой памятник урбанистического типа (Копылов, Коваленко 2012а, с. 208) и с его появлением утверждение Боспора в дельте Дона представляется

¹ *Коваленко Александр Николаевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, заведующий учебным музеем археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

несомненным. В то же время, имеющиеся на сегодняшний день данные, позволяют предполагать, что установление полного контроля над основным торгово-ремесленным центром региона, которым в IV в. до н.э. являлось Елизаветовское городище, произошло несколько ранее появления на его территории Большой греческой колонии, а ее возникновение, как поселения урбанистического типа, очевидно, не было спонтанным и было подготовлено несколькими десятилетиями предшествующего периода.

Следует отметить, что первые надежные свидетельства долговременного присутствия греков в составе населения Елизаветовского городища могут быть отнесены еще к первой половине IV в. до н.э., когда на его территории появляются первые зафиксированные строительные комплексы полуземляночного типа, часть которых может быть соотнесена с лавками торговцев (Копылов, Коваленко 2011, с. 211–212; 2020, с. 194). В это время городище развивается динамично и поступательно. Его экономическое благополучие растет, а торговые связи весьма обширны. Рядом с городищем функционирует скифский курганный могильник, материалы которого свидетельствуют о благополучии и достатке у, оставившего его, населения, а также о стабильной ситуации мирного времени в регионе. Дельта Дона в ближайшей округе Елизаветовского городища достаточно густо заселена и именно к этому времени относится большое число расположенных здесь небольших поселений. Эти поселения со слабо выраженным культурным слоем располагаются в основном в западной части дельты на песчаных дюнных холмах и не содержат остатков долговременных жилищ. Большинство из них, очевидно, носили сезонный характер. В то же время к востоку от городища, вне зоны песчаных дюн, в районе х. Колузаево, известны поселения, где открыты остатки большого количества хозяйственных ям и жилищ полуземляночного типа (Рогудеев 2001, с. 169–175), что свидетельствует о долговременности их функционирования. Все поселения IV в. до н.э. округи Елизаветовского городища не были укреплены, за исключением, расположенного к западу от него, городища Лагутник, которое, несомненно, имеет горизонт скифского времени и содержит материалы IV в. до н.э. (Каменецкий 2013, с. 266–268). Территория Нижнего Дона, контролируемая скифами дельты Дона в первой половине IV в. до н.э. существенно расширяется, а погребальные комплексы елизаветовского типа появляются и за ее пределами (Брашинский 1968, с. 88; Житников 2022, с. 164–179; Коваленко 2014, с. 70–77; Максименко 1983, с. 36 и др.). Можно уверенно говорить, что с конца первой четверти V и до третьей четверти IV в. до н.э.

устьевая область Дона полностью контролировалась, пришедшей сюда, гомогенной группой скифского населения (Копылов 2000, с. 161), оставившего обширный Елизаветовский могильник и ряд других памятников.

Ситуация резко меняется в третьей четверти IV в. до н.э., что, очевидно, связано с событиями военного характера. Ход поступательного развития Елизаветовского городища был нарушен, а само оно, очевидно, подверглось военному удару (Копылов, Коваленко 2016, с. 34–35). Именно в это время на городище одновременно прекращает существование целый ряд строительных комплексов (№ 7, 17 и 18) и засыпается колодец с каменной облицовкой стен (Копылов, Коваленко 2011, с. 211–212). С этими же событиями, очевидно, связаны находки человеческих костей и целых скелетов, обнаруживаемых при исследовании оборонительных сооружений памятника (Копылов, Коваленко 2018, с. 88; Антипина, Магомедов 2006, с. 324–325). Очевидно, именно с третьей четверти IV в. до н.э. прекращают функционирование многочисленные поселения дельты Дона, а на территории курганного Елизаветовского могильника резко сокращается как общее число захоронений, в это время в основном принадлежащих женщинам и детям, так и количество погребений с оружием (Коваленко 2009, с. 18–19). Очевидно, с сокращением варварского населения в устье Дона связано и существенное снижение поступления на Елизаветовское городище товаров в амфорах, поскольку именно это население ранее было основным потребителем вина, поступавшего сюда большими партиями. Как показали исследования В.И. Каца, поставки этих товаров в последней четверти IV в. до н.э. резко сократились (Кац 2007, с. 382–383), что может свидетельствовать о сильном падении спроса на эту продукцию. В то же время можно с уверенностью говорить, что период дестабилизации в дельте Дона был очень непродолжительным и закончился стабилизацией обстановки в регионе. Елизаветовское городище быстро восстанавливается и со второй половины IV в. до н.э. роль греческого компонента в культуре Елизаветовского городища резко возрастает. На месте старых засыпанных полуземлянок, возводятся новые сооружения часто с иной, чем прежде, ориентировкой (Копылов, Коваленко 2016, с. 34–35), и увеличивается количество строений, при возведении которых применяются приемы греческого домостроения (Коваленко 2018, с. 347–363). Сейчас представляется очевидным, что в третьей четверти IV в. до н.э. на Елизаветовском городище имели место весьма масштабные строительные работы. Эти работы, проведенные в достаточно сжатые сроки, несомненно, требовали существенных экономических затрат. Серьезные ресурсы нужны

были для получения и транспортировки отсутствующих в дельте Дона строительных материалов таких, как камень и глина для изготовления сырцового кирпича. Необходимо было и появление на городище квалифицированных специалистов, владеющих технологиями возведения сырцово-каменных конструкций, применяемых в домостроении. Очевидно, именно в связи с этими строительными работами была произведена и закупка на Боспоре партий кровельной черепицы, хронология изготовления которой укладывается в рамки третьей четверти IV в. до н.э. (Коваленко 2022б, с. 217). Как представляется, проведение таких масштабных и экономически затратных строительных работ, выполненных с применением технологий античного домостроения, не могло произойти без существенного увеличения на городище численности греческого населения и усиления его роли. О значительном количестве греческого населения в составе жителей Елизаветовского городища этого времени могут свидетельствовать и остатки открытого в ходе недавних исследований строительного комплекса 36, очевидно, являвшегося эллинским святилищем (Копылов, Коваленко 2012б, с. 96–100; Копылов 2015, с. 121–134; Копылов В.П., Копылов А.В. 2017, с. 140–143; Коваленко 2022в, с. 322–323), которое было расположено в северной, наиболее возвышенной и престижной части городища. Комплекс функционировал в течение длительного времени во второй половине IV в. до н.э. и, очевидно, был разрушен в начале III в. до н.э. Он имел значительные размеры (его площадь составляла около 100 кв. м). При возведении его стен использовались сырцово-каменные конструкции, и есть основания полагать, что комплекс имел черепичную крышу. Функционирование во второй половине IV в. до н.э. культового эллинского комплекса такого масштаба в наиболее престижной части поселения, должно предполагать и наличие здесь весьма представительной греческой общины.

Общий анализ археологических материалов второй половины IV в. до н.э. из раскопок Елизаветовского городища и его окружи показывает, что в целом в этот период наблюдается изменение баланса между варварским и эллинским населением в пользу последнего. Очевидно, с увеличением греческого населения связано и более широкое развитие на Елизаветовском городище товарно-денежных отношений, о чем свидетельствует появление в его слоях наиболее ранних для этого памятника боспорских монет, относящихся ко времени правления Перисада I. Также для второй половины IV в. до н.э. мы впервые фиксируем на городище находки фрагментов мерных сосудов, обнаруженных в 2015–2016 гг. в заполнении одного из строитель-

ных комплексов этого времени (Коваленко 2022а, с. 174–182). Подобного рода находки, а также, обнаруженные ранее, свинцовые гирьки (Брашинский, Марченко 1972, с. 138–139; Брашинский 1976, с. 68–70), указывают на применение уже в IV в. до н.э. на территории Елизаветовского городища стандартизированной системы мер и весов, и свидетельствуют о развитии здесь не только крупной оптовой, но и мелкой розничной торговли. Все это, несомненно, связано с греческим присутствием на городище в этот период.

Отметим также, что именно ко второй половине IV в. до н.э. К.К. Марченко относил функционирование в структуре Елизаветовского городища так называемого «греческого квартала», – исследованного в 1986–1988 гг. участка наземной застройки, расположенного на предварительно сnivelированном западном крепостном валу «акрополя». По мнению этого исследователя, данный квартал был инкорпорирован в структуру скифского городища и представлял собой наиболее раннюю боспорскую колонию на месте Елизаветовского городища (Марченко 1992, с. 176). В.П. Копылов считал, что существование греческого квартала в структуре варварского поселения является прямым доказательством стремления Боспора утвердиться в дельте Дона (Копылов, Васильев 1991, с. 31), и может свидетельствовать об утрате скифами своей политической самостоятельности в Нижне-Донском культурно-историческом районе (Копылов 2007, с. 16). Имеющиеся же на сегодняшний день данные, в том числе и полученные за последние годы, позволяют предположить, что уже после событий третьей четверти IV в. до н.э. Боспор утвердил свое присутствие в дельте Дона и поставил основной центр региона – Елизаветовское городище под полный контроль. Количество греческого населения на памятнике в этот период существенно возросло и, возможно, оно в этот период даже стало доминирующим. Можно полагать, что уже в это время функционировал грунтовый некрополь, принадлежавший колонистам, погребения которого были исследованы к востоку от городища в 2009–2010 гг. (Копылов и др, 2012, с. 123–128) и в 2021 году.

Литература

Антипина, Магомедов 2006 – Антипина Е.Е., Магомедов Ш.Р. Собачьи погрызы на археологических костях: комментарий к находкам на Елизаветовском городище // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Вып. 22. – Азов, 2006.

Брашинский 1976 – Брашинский И.Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. Вып. 145. 1976.

Брашинский, Марченко 1972 – Брашинский И.Б., Марченко К.К. Раскопки и разведки в дельте Дона // Археологические открытия 1971 года. – М., 1972.

Житников 2022 – Житников В.Г. Курган IV в. до н.э. Ливенцовского могильника // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник науч. трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова. – Саратов, 2022.

Каменецкий 2013 – Каменецкий И.С. Лагутник // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник науч. трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова – Ростов-на-Дону, 2013.

Кац 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. – Симферополь; Керчь, 2007.

Коваленко 2009 – Коваленко А.Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV – первой трети III в. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

Коваленко 2014 – Коваленко А.Н. Новые погребения скифского времени на правом берегу р. Дон // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. Вып. 28. – Азов, 2014.

Коваленко 2018 – Коваленко А.Н. Эллинские и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник науч. трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова – Ростов-на-Дону, 2018.

Коваленко 2022a – Коваленко А.Н. Клейма на тонкостенных сосудах из материалов Елизаветовского городища на Дону // КСИА. Вып. 268. 2022.

Коваленко 2022б – Коваленко А.Н. Кровельная черепица из материалов Елизаветовского городища на Дону // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник науч. трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова. – Саратов, 2022.

Коваленко 2022в – Коваленко А.Н. Новые данные о религиозной жизни населения Елизаветовского городища в дельте Дона // *Stratum plus*, № 3. 2022.

Копылов 1987 – Копылов В.П. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспоро-скифских отношений конца IV – начала III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир Подонья – Приазовья. – Новочеркасск, 1987.

Копылов 2000 – Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000.

Копылов 2002 – Копылов В.П. Греческая колония в дельте Дона – памятник урбанистического типа // *Urbanism in the Black Sea Area in the Archaic and Classical Periods: Polis Hellenis and Polis Barbaron*. – Tbilisi, 2002.

Копылов 2007 – Копылов В.П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник материалов XII Международной научной конференции – Ростов-на-Дону, 2007.

Копылов 2008 – Копылов В.П. Большая греческая колония на месте Елизаветинского городища (к проблеме двух Танаисов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 6. 2008.

Копылов 2015 – Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Вып. XXXI – Симферополь–Керчь, 2015.

Копылов и др. 2012 – Копылов В.П., Андрианова Н.В., Коваленко А.Н., Меньшикова В.А., Сердюкова О.В. Раскопки грунтового некрополя Елизаветовского могильника в 2010 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 году. Вып. 26 – Азов, 2012.

Копылов, Васильев 1991 – Копылов В.П., Васильев А.Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж–Белгород, 1991.

Копылов, Коваленко 2011 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье. Вып. IX. – Одесса, 2011.

Копылов, Коваленко 2012a – Копылов В.П., Коваленко А.Н. К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в Нижнедонском культурно-историческом районе (первая половина VI – первая половина III в. до н.э.) // Боспорские чтения. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012.

Копылов, Коваленко 2012б – Копылов В.П., Коваленко А.Н. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012.

Копылов, Коваленко 2016 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н.э. // *Stratum plus*, № 3. 2016.

Копылов, Коваленко 2018 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. Фортификация Елизаветовского городища и военные конфликты в дельте реки Танаис // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов. – М., 2018.

Копылов, Коваленко 2020 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии // *Археологические вести*. Вып. 29. – СПб., 2020.

Копылов В.П., Копылов А.В. 2017 – Копылов В.П., Копылов А.В. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону // Крым и северное побережье Чёрного моря в археологических исследованиях 1956–2013. – Варшава, 2017.

Максименко 1983 – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. – Ростов-на-Дону, 1983.

Марченко 1990 – Марченко К.К. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // *Вестник древней истории*, 1990. № 1.

Марченко 1991 – Марченко К.К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // *Вопросы истории и археологии Боспора*. – Воронеж–Белгород. 1991.

Марченко 1992 – Марченко К.К. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // *Очерки археологии и истории Боспора* – М., 1992.

Марченко 1994 – Марченко К.К. Алопекия, Псоя, или ...? // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Тезисы VII Международной научной конференции – Ростов-на-Дону, 1994.

Рогудеев 2001 – Рогудеев В.В. Исследование поселения Колузаево I в дельте реки Дон // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг.* Вып. 17. – Азов, 2001.

Женские погребения с оружием из Елизаветовского могильника

Исследование женских погребений с оружием из Елизаветовского могильника имеет свою предысторию. В 1979 году на IV Донской археологической конференции в Азове Э.В. Яковенко был прочитан доклад, посвящённый женским погребениям из Елизаветовского могильника, который, к сожалению, не был опубликован. Рассматривая материалы раскопок могильника, Элеонора Викторовна сделала ряд важных наблюдений, касающихся женских погребений с оружием, которые в дальнейшем нами с Виктором Павловичем были учтены (Копылов, Яковенко, Янгулов 2004, с. 53–57). Несколько лет назад Виктор Павлович предложил вернуться к этой теме, и мы начали готовить более подробную публикацию, но завершить её при жизни Виктора Павловича не успели. Основные положения, предлагаемые в этом тексте, являются результатом нашей совместной работы.

Место женщин-воительниц в скифском обществе остаётся полностью невыясненным, и анализ довольно представительной серии женских погребений с оружием из Елизаветовского могильника, на наш взгляд, позволяет существенно уточнить и дополнить сложившиеся представления.

В подавляющем большинстве погребений Елизаветовского могильника инвентарь мужских и женских захоронений строго дифференцирован. Если в погребениях мужчин получили преобладание предметы военного снаряжения, то в женских могилах, помимо украшений и предметов женского туалета, встречаются орудия прядения и шитья, которые являются исключительно предметами женского погребального инвентаря.

Несмотря на то, что антропологическое определение костных остатков большинства погребенных крайне затруднительно ввиду их плохой сохранности, мы располагаем серией из 29 захоронений, где антропологический анализ, проведённый в разные годы, позволил определить половозрастной состав погребённых.

¹ **Копылов Виктор Павлович** – профессор, начальник Южно-Донской археологической экспедиции (г. Ростов-на-Дону, Россия).

² **Янгулов Сергей Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и культуры Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Анализ материалов из этих погребений, в свое время, дал нам возможность выделить предметы погребального инвентаря, которые встречаются исключительно в женских захоронениях. К ним относятся: пряслица, веретена, иголки или проколки, сосудики для благовоний, зеркала, серьги или височные подвески, ожерелья из бус, раковины каури. Находки одиночных бус и браслетов в отдельных мужских погребениях не позволяют рассматривать эти предметы в качестве критерия при выделении женских погребений, их следует учитывать только при наличии в таких комплексах других предметов, характерных исключительно для женского похоронного инвентаря (Копылов, Яковенко, Янгулов 2004, с. 54–55).

Руководствуясь этими критериями, с большой долей уверенности 30 погребений с предметами вооружения из Елизаветовского могильника можно определить, как женские. Из них 18 комплексов датируются предметами греческой импортной керамики: шесть относятся к V в. до н.э., 12 – к IV в. до н.э., остальные датируются временем существования могильника – V–IV вв. до н.э.

В 20 из 30 выделенных комплексов обнаружены наконечники стрел, что легко объясняется тем, что лук был главным оружием скифов. Наконечники копий, либо втоки выявлены в 16 погребениях. При этом в 4-х случаях в наборе инвентаря содержалось два копия.

Мечи были найдены в шести захоронениях, в трёх из них половая принадлежность установлена на основании антропологического анализа, еще три меча находились в погребениях, которые считаются женскими на основании анализа инвентаря.

Три женских комплекса (все имеют антропологическое определение), содержат полный набор наступательного вооружения – стрелы, копьё и меч.

Материалы из Елизаветовского могильника позволяют говорить об использовании женщинами-воительницами и защитного доспеха. Его предметы были найдены в трех погребениях. В двух из них остатки панцирей, в одном боевого пояса. В кургане 5 (раск. 1911 г.) были обнаружены остатки панциря, железные наконечники стрел, два наконечника копья, пращевые камни, чернолаковые сосуд и блюдце (Миллер 1914, с. 229). Поскольку погребение из кургана 5 датируется чернолаковыми сосудом и блюдцем серединой – третьей четвертью V в. до н.э. (Брашинский 1980, с. 205), можно утверждать, что уже в это время скифские женщины-воительницы были вооружены панцирным доспехом.

В 2004 г. мы предложили считать пращевые камни атрибутом женских погребений из Елизаветовского могильника (Копылов, Яковенко, Янгулов 2004, с. 55). Это мнение было основано на том, что пращевые камни были обнаружены в восьми погребениях Елизаветовского могильника, шесть из них имели в составе инвентаря атрибуты женских. При этом ни в одном антропологически определённом мужском погребении подобные пращевые камни обнаружены не были. Поскольку это мнение у некоторых коллег вызвало обоснованные возражения, будем считать этот вопрос открытым. В указанные 30 женских погребений с оружием не включены погребения, содержащие пращевые камни и не содержащие другие признаки женских погребений (4 комплекса).

Очевидно, что женщины, погребенные в Елизаветовском могильнике с оружием, относились к разным категориям общества, оставившего этот могильник. Об этом говорит то, что женские захоронения совершались не только в грунтовых ямах II и III типов, характерных для рядовых общинников, но и в грунтовых ямах V и VI типов, в которых хоронили представителей родовой верхушки (Копылов 2000, с. 159–170. Табл. 2–6). Высокое социальное положение некоторых женщин-воительниц подтверждается и наличием в двух женских погребениях панцирей, которые очевидно сопровождали погребения «дружинников» и «дружинниц», а также представителей родовой верхушки (Копылов 2002, с. 40.).

Рассматривая социальный статус женщин с оружием, погребенных в Елизаветовском могильнике, следует иметь в виду и парное погребение в кургане 51 (п. 2). По антропологическому определению М.М. Герасимовой, останки погребенных принадлежали мужчине и женщине. Каждого из них сопровождал полный набор наступательного оружия. В наборе инвентаря женщины найдены бронзовые и железные трехлопастные наконечники стрел, железный наконечник копья остролистной формы, двулезвийный меч с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем.

Наши наблюдения, в данном случае, согласуются с мнением Е.Е. Фиалко, которая, отмечая, что археологические источники свидетельствуют о социальном расслоении среди скифских «амазонок», ссылается на «различия в размерах погребальных сооружений и в разнице погребального инвентаря» (Фиалко 2005, с. 245).

Литература

Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. – Л., 1980. 267 с.

Копылов 2000 – Копылов В.П. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII – IV в. до н.э. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – СПб., 2000. 157 с.

Копылов 2002 – Копылов В.П. Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. научн. статей. – Ставрополь, 2002. С. 39–44.

Копылов, Яковенко, Янгулов 2004 – Копылов В.П., Яковенко Э.В., Янгулов С.Ю. Погребения «амазонок» в курганах Елизаветовского могильника // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э., посвященная памяти Б.Н. Гракова. Тезисы докладов. – Азов–Ростовна-Дону, 2004. С. 53–57.

Миллер 1914 – Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // ИАК. Вып. 56. – СПб., 1914. С. 220–247.

Фиалко 2005 – Фиалко Е.Е. Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен. Материалы международной конференции. – СПб., 2005.

Археологические свидетельства практики жертвоприношений лошадей на городище Тиритака

Роль животных в религиозно-мифологических представлениях древних греков и греков-боспорян трудно переоценить. Исследователи отмечают, что древнегреческая мифология унаследовала тотемические представления, хотя культ животных не занимал в ней преобладающего места, в отличие, например, от египтян. Тем не менее, следы почитания животных в древнегреческой религии сохранялись довольно долго, при этом претерпевая определенную трансформацию (Соколова 1971, с. 151). Особенно велика была роль различных животных в обрядах, связанных с жертвоприношениями, следы которых археологически фиксируются на памятниках как погребального, так и поселенческого типа. В связи с последними есть ряд особенностей, обусловленных спецификой памятников: как в Аттике (Ленская 2017, с. 50), так и городах Северного Причерноморья археологические свидетельства жертвоприношений (особенно это относится к частным), находки подобных культовых объектов – редки, что объясняется, прежде всего, их плохой сохранностью, и, зачастую, сложностью фиксации, а также слабой функциональной выраженностью. В этой связи каждая находка следов жертвоприношения заслуживает отдельного пристального внимания (Крапивина 2012, с. 194–195) и введения в научный оборот.

Археологические исследования боспорского города Тиритака, проводимые на постоянной основе, дают интереснейший, и подчас, совершенно уникальный материал, который способен пролить свет на религиозно-обрядовые представления ее жителей. Ряд находок в том или ином виде уже был нами опубликован, однако, есть и такие, которые требуют особого внимания и осмысления. Для нас особый интерес представляют захоронения животных или их частей с целью жертвоприношения, которые, несмотря на относительную немногочисленность, могут быть свидетельствами важных элементов духовной жизни древнего общества.

Говоря о жертвоприношениях животных, зафиксированных на боспорских памятниках поселенческого типа, следует отметить, что, пожалуй,

¹ *Котина Алла Викторовна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра археологических исследований Благотворительного фонда "Деметра" (г. Керчь, Россия).

самым редким жертвенным домашним животным является лошадь (иначе выглядит ситуация на некрополях, о чем довольно много писали и пишут различные видные исследователи Боспора). Что касается Тиритаки – она не стала исключением, на данный момент зафиксировано только два случая жертвоприношения лошадей и/или их частей, однако ритуальный контекст данных находок не вызывает сомнений и потому имеет, на наш взгляд, особенную важность. Вообще, культ коня в мифоритуальной системе древних народов зародился, как известно, после одомашнивания лошади, в следствие которого это животное стало играть весьма серьезную роль в жизни общества. Лошадь, безусловно, являлась частью ценного имущества, а в духовной жизни, например, выступала проводником в другой мир (выраженный хтонический аспект), либо могла служить пищей во время церемониального поминального пира (Zinov'ev 2011, p. 83). Некоторые исследователи полагают, что греческая мифология демонстрирует очевидную связь между героями и лошадьми. Вероятно, это коренится в общей предрасположенности к антропоморфизации лошадей и сопутствующей гиппоморфизации людей и находит свое выражение среди наиболее узнаваемых фигур греческой мифологии: кентавры (Kaliff, Oestigaard 2020, с. 32). Лошадь могла выступать в качестве атрибута или образа ряда божеств и героев (Посейдон, Гелиос, Арес, Деметра, Диоскуры, Геракл и др.). В контексте жертвоприношения это животное считалось ценнейшей жертвой, к тому же, как отмечают исследователи, весьма редкой (Муратова, Толстикова 2013, с. 190). «Жертвоприношение – обрядово-духовный акт, с помощью которого жертвователю пытается воздействовать на божество, выражая покорность, благодарность, желание умиловить и ожидая ответного дара не только в виде каких-либо материальных событий и явлений, но также в духовном очищении и искуплении грехов жертвователя. Иными словами, жертвоприношение включает материальный элемент – собственно жертву – и духовный элемент – различные проявления чувств и ожиданий. Модификация соотношений этих двух элементов выражает смысловую нагрузку жертвоприношения» (Горелов, Горелова 2018, с. 87). Исследователи разделяют жертвоприношения по степени «кровавости»: согласно этой классификации, принесение в жертву животных – это вид кровавого жертвоприношения, которые отчасти заменили жертвенные убийства людей (Горелов, Горелова 2018, с. 91).

Свидетельством кровавого жертвоприношения, совершенного по каким-то экстраординарным причинам, является жертвенно-ритуальный комплекс¹, открытый на Западном теменосе Тиритаки в 2012 г. (Зинько, Зинько, Твардечки 2013). Он представлял собой округлую в плане яму (диаметр около 1,70 м), глубиной 1,46 м, заполнение которой состояло из сыпучего тёмно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин моллюсков. На глубине около 0,90 м (нивелировочная отметка 14,75 м) зафиксирован слой небольших камней, мощностью до 0,10 м. Непосредственно под ним на глубине 1,05 м (нивелировочная отметка 14,60 м) были открыты кости четырех коней, а под черепами трех особей, расположенных близ стенок ямы, были помещены перевернутые дном вверх чернолаковые аттические чаши, расположение которых образовывало в плане треугольник. Вероятно, эта деталь, как и другие, не случайна. Как известно, в различных мифологических системах треугольник символизировал наряду с тремя космическими зонами также триаду: жизнь – смерть – новая жизнь (Бессонова 1983, с. 108). Кроме того, стоит отметить слой раковин моллюсков в центре, между лошадиными костями, а также раковины моллюсков, покрытые охрой, на дне ямы². Дата этого закрытого комплекса – самое начало 2-ой четв. V в. до н.э. Единственной, близкой аналогией тиритакскому жертвоприношению (хотя и с весьма серьезными различиями) на данный момент является находка захоронения коня на акрополе Пантикапея (Толстикова, Муратова 2013). По нашему мнению, жертвенный комплекс из Тиритаки является общегородским жертвоприношением, вызванным каким-то экстраординарным, судьбоносным событием для жителей, вполне вероятно, удачным отражением вражеского нападения на город.

Строительная жертва. Еще одним случаем использования части лошади в ритуальной практике тиритакцев является находка челюсти лошади, в ходе раскопок Тиритаки в 2005 г. На раскопе № XXVI, во время исследования СК I, было открыто святилище, представляющее собой прямоугольную в плане постройку, размеры которой в направлении СВ-ЮЗ по внеш-

¹ Данная находка уже неоднократно фигурировала в публикациях, посвященных ранней истории Тиритаки (см., например, Зинько, Зинько 2020, с. 133–146; Зинько 2021, с. 22–43). Подробное описание и анализ комплекса: Зинько, Котина, Каспаров 2022, с. 45–72; Каспаров 2022, с. 193–200.

² Первичное описание комплекса было выполнено сотрудником Польской археологической миссии «Тиритака» Национального музея в Варшаве dr. Марчином Матерой (Институт Археологии Варшавского университета, Варшава, Польша).

нему обводу – не менее 14 м. При разборе вымостки у ЮВ фаса стены святилища была обнаружена верхняя челюсть лошади, имеющая следы пребывания в огне, по всей вероятности, помещенная туда в качестве строительной жертвы, практика которых была весьма распространена на Боспоре. Датировать данную находку, с учетом времени возведения и функционирования святилища, следует I в. н.э. (Зинько, Зинько, Пономарев 2005, с. 60). Строительная жертва, как известно, совершалась, чтобы обеспечить прочность постройки, ее сохранность, а также благополучие обитателей (Зеленин 1937, с. 12, 25), и в ее качестве часто фигурировали разные домашние животные, их части, либо какие-либо предметы.

Таким образом, можно констатировать, что оба случая принесения в жертву лошадей и их частей жителями Тиритаки имеет характер общественного жертвоприношения, как в случае совершения такового на Западном теменосе, так и в случае строительной жертвы, связанной со святилищем – местами, безусловно имеющими особенно важное значение для горожан. По всей вероятности, это объясняется, с одной стороны, высокой стоимостью и ценностью этого животного, а, кроме того, особым местом, которое занимала лошадь в религиозно-обрядовых представлениях боспорян. Еще раз подчеркнув редкость и уникальность жертвоприношений с использованием лошадей, отметим, что единичность подобных находок пока не дает возможностей для достоверных интерпретаций причин и целей подобных обрядов. Возможно, дальнейшие исследования позволят получить новые свидетельства, способные расширить и уточнить наши представления в этой области.

Литература

Горелов, Горелова 2018 – Горелов А.А., Горелова Т.А. Эволюция культурного смысла жертвоприношений // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 2, 2018. С. 86–99.

Зеленин 1937 – Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. – М.–Л., 1937.

Зинько 2021 – Зинько В.Н. Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLIII. – Керчь–Симферополь, 2021. С. 22–43.

Зинько, Зинько 2020 – Зинько В.Н., Зинько А.В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XLI. – Керчь–Симферополь, 2020. С. 133–146.

Зинько, Зинько, Пономарев 2005 – Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Отчет об охранно-археологических исследованиях на городище Тиритака и Южно-Чурубашском поселении в 2005 г. – Керчь, 2005.

Зинько, Зинько, Твардецки 2013 – Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецки А. Отчет о комплексных исследованиях Боспорской охранно-археологической экспедиции в 2012 г. – Керчь, 2013.

Зинько, Котина, Каспаров 2022 – Зинько В.Н., Котина А.В., Каспаров А.К. Жертвенно-сакральный комплекс с Западного теменоса Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLV. – Керчь–Симферополь, 2022. С. 45–72.

Каспаров 2022 – Каспаров А.К. Морфологические типы лошадей, обнаруженных в яме № 19 // Боспорские исследования. Вып. XLV. – Керчь–Симферополь, 2022. С. 193–200.

Крапивина 2012 – Крапивина В.В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXVI. – Симферополь–Керчь, 2012. С. 182–217.

Ленская 2017 – Ленская В.С. Частные жертвоприношения в Древней Греции // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2017. С. 47–63.

Соколова 1971 – Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М., 1972.

Толстиков, Муратова 2013 – Толстиков В.П., Муратова М.Б. К проблеме пространственного развития пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н.э. // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 176–193.

Zinov'ev 2011 – Zinov'ev Andrei V. Horse burials of Samland, Natangen and adjacent areas in context of antique and medieval symbolic culture // *Archaeologia Lituana*. 2011. T. 12. P. 25–35.

Kaliff, Oestigaard 2020 – Kaliff, A. & Oestigaard, T. The Great Indo-European Horse Sacrifice: 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid. OPIA 72. Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. – Uppsala, 2020.

Куршаков С.В.¹, Каспаров А.К.², Бутягин А.М.³

Новые данные о ихтиофауне из поселения Мирмекий

(III в. до н.э. – I в. н.э.)

Крымский полуостров имеет очень интересное с точки зрения рыболовства географическое положение. Одновременно здесь можно добывать пресноводных, морских, проходных и полупроходных рыб. Изучению ихтиофауны Керченского полуострова в античное время и ее роли в хозяйственной деятельности человека посвящено мало работ. Впервые определение видового состава рыб проводилось по материалам раскопок Пантикапея, были идентифицированы шип, стерлядь, осетр, севрюга, тарань, лещ, сазан, сом, судак и тунец (Лебедев, Лапин 1954). Таким образом, данных по рыбам из многочисленных археологических памятников с рассматриваемой территории недостаточно. Переданные нам костные остатки рыб датируются III в. до н.э. – I в. н.э., найденные при раскопках Мирмекия в 2018 году. Полученные материалы позволяют расширить наше представление о рыболовстве в Боспорском царстве. Общее соотношение костных остатков рыб представлено на Рис. 1.

Сем. Acipenseridae – осетровые. К этому семейству относится больше всего костных остатков (51% от общего числа). В основном они все фрагментированы и определяются только до рода *Acipenser*. В водах Азово-Черноморского бассейна встречалось пять видов рыб этого семейства. После 90-х годов XX в. численность всех представителей резко упала, все виды поддерживаются только за счет искусственного выращивания.

В выборке были идентифицированы до вида русский осетр, белуга, севрюга и стерлядь. Все эти рыбы, кроме стерляди, проходные. Они совершают миграции в реки (Дон и Кубань в Азовском море) для нереста два раза в год: весной (яровая форма) и осенью (озимая форма). Осетровые рыбы имеют

¹ *Куршаков Сергей Викторович* – научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Институт биологии южных морей имени А.О. Ковалевского РАН» (г. Севастополь, Россия).

² *Каспаров Алексей Каспарович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

³ *Бутягин Александр Михайлович* – кандидат исторических наук, заведующий сектором античной археологии Северного Причерноморья Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа. (г. Санкт-Петербург, Россия).

очень высокие вкусовые качества, а также являются производителями черной икры.

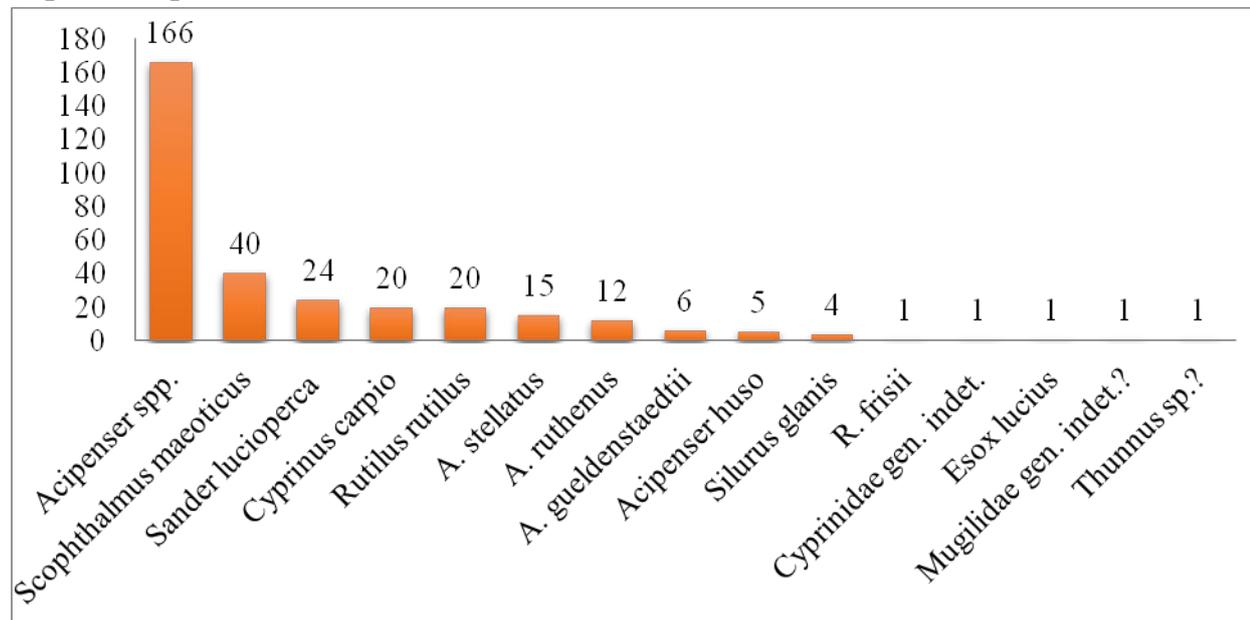

Рис. 1. Соотношение костных остатков рыб из Мирмекия

Стерлядь – это пресноводный вид, который также встречается в опресненных участках морей. В рецентной ихтиофауне Крыма не отмечался. В 2006 году была попытка выращивания в прудовых хозяйствах (Карпова, Болтачев 2012). Добывать эту рыбу могли или в крупных реках (Кубань, Дон, Днепр), а затем поставлять на полуостров или было сильное опреснение Азовского моря, и она ловилась в районе Керченского пролива. В литературе стерлядь также отмечалась, на территории Пантикапея (Лебедев, Лапин 1954)

Сем. Cyprinidae – карповые. Карповые – самое многочисленное семейство пресноводных рыб в Евразии. Среди обработанного материала были определены плотва, вырезуб, сазан.

Плотва. Удалось восстановить длины (до конца чешуйного покрова SL) плотвы, которые составили: 32,5; 33,8; 34,8; 35,1; 33,7; 35,5; 33,0; 32,6; 35,3; 34,2; 34,9; 31,1; 35,8; 35,4; 36,3; 35,2 см, в среднем 34,3 см. Плотва – это пресноводная рыба, которая также образует полупроходную форму (в Азовском море – тарань, в Каспийском море – вобла) (Васильева, Лужняк 2013). Некоторые авторы рассматривают их как самостоятельные виды или подвиды. Определить эти виды (формы, подвиды) по костям на сегодняшний день не представляется возможным, поэтому мы определяем всех как *Rutilus rutilus* подразумевая, что это может быть группа видов. Добываться эти

рыбы могли жителями Мирмекия в пресноводных водоемах полуострова или же в опресненных участках моря.

Вырезуб. Близкий родственник плотвы. Проходной вид, который образует и жилые формы (Васильева, Лужняк 2013).

Сазан. Крупная пресноводная и полупроходная рыба. Удалось восстановить одну длину SL: 56,1 см.

Сем. Siluridae – сомовые. Из представителей этого семейства в пресных водах Северного Причерноморья и Азовского бассейна обитает только один вид, который и был идентифицирован – сом обыкновенный. Это очень крупные рыбы, которые могут достигать 3 м, а возможно и 5 м длины. Фрагменты костей в коллекции принадлежат рыбам средних размеров 1–2 м. Восстановить длины не удалось.

Сем. Esocidae – щуковые. Как и сомовые в исследуемом регионе обитает только один вид – щука обыкновенная. Эти рыбы, типичные обитатели пресных водоемов Европы, редко встречаются в опресненных водах Каспийского и Азовского моря. В рецентной ихтиофауне Крымского полуострова не попадались, был завезен во второй половине XX в. (Карпова, Болтачев 2012).

Сем. Percidae – окуневые. Из представителей этого семейства был идентифицирован судак. Рыба, которая имеет очень высокие вкусовые качества мяса. Образует жилые и полупроходные формы в бассейне Азовского моря.

Сем. Mugilidae – кефалевые. Семейство прибрежно-морских видов рыб. В естественной фауне Азово-Черноморского бассейна обитает 5 видов. Наиболее крупный – лобан, имеет длину до метра (Болтачев, Карпова 2017). Определенная крышка отнесена к семейству под вопросом.

Сем. Scombridae – скумбровые. Также под вопросом был отнесен обломок крышечной кости к роду тунец. Эти крупные, очень ценные промысловые рыбы, заходили в Черное море в летний сезон в недалёком прошлом (Болтачев, Карпова 2017). Остатки тунцов были отмечены в Пантикапее (Лебедев, Лапин 1954)

Сем. Scophthalmidae – ромбовые. В Азово-Черноморском бассейне обитает два представителя этого семейства. Нами был идентифицирован один вид – камбала-калкан. Одна длина SL была восстановлена и составила 72,7 см. Возраст был подсчитан по двум позвонкам и составил ~10 лет у обоих. Возможно, они от одной особи.

Черноморский калкан – это крупная морская камбала (до 85 см и 12 кг массы), имеет очень высокие вкусовые качества. В Азовском море образует мелкую форму. В коллекции нет остатков, которые мы бы могли отнести к этой морфе. Ведет оседлый образ жизни, совершает незначительные миграции с глубины и обратно. Весной и осенью подходит на глубины 20 и меньше метров. В это время его могли ловить жители Крыма при помощи сетных и крючковых орудий лова, в редких случаях острогами возле берега. Наиболее вероятно, что лов осуществлялся со стороны Черного моря, а затем добытая рыба привозилась в город.

Поскольку среди костного материала присутствуют пресноводные, морские и полупроходные рыбы, то можно отметить, что рыболовство осуществлялось в различных акваториях, возможно часть рыбы доставлялась с Кубани. Похожий рыбный состав наблюдается в Фанагории, в которой также наблюдается смесь из морских и пресноводных рыб (Лебедев, Лапин 1954; Юрцева 2016). Очевидно, что специализации на добычи только определенных видов рыб у населения Мирмекия не было. Вероятно, высоким спросом пользовалась крупная рыба.

Литература

Болтачев, Карпова 2017 – Болтачев А.Р. Морские рыбы Крымского полуострова / А.Р. Болтачев, Е.П. Карпова. – 2-е издание уточненное и дополненное. – Симферополь, 2017. – 376 с.

Васильева, Лужняк 2013 – Васильева Е.Д., Лужняк В.А. Рыбы бассейна Азовского моря – Ростов-на-Дону, 2013. – 272 с., [16] с. ил.

Карпова, Болтачев 2012 – Карпова Е.П. Рыбы внутренних водоемов Крымского полуострова / Е.П. Карпова, А.Р. Болтачев; Институт биологии южных морей НАН Украины им А.О. Ковалевского. – Симферополь, 2012. – 200 с.

Лебедев, Лапин 1954 – Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху II (МИА. № 33). – М., 1954. С. 197–214.

Юрцева 2016 – Юрцева А.О. Кости рыб из Фанагории (раскопки 2006–2013 гг.) // Фанагория. Результаты археологических исследований / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 4. Вып. 2 / под ред. А.А. Завойкина. – М., 2016. С. 353–360.

«Очажки-жаровни» меотского поселения «Свинячье озеро»

В 2012 году при строительстве автодороги Ростов-Азов сотрудниками НП «Южархеология» был исследован многослойный памятник поселение «Свинячье озеро», которое расположено на левобережье реки Дон на острове её дельты в Азовском районе Ростовской области. Один из слоев памятника датируется первыми веками н.э.

Этот поселок первых веков н.э. не похож на меотские городища низовий Дона. Здесь не было валов и рвов, ограждавших территорию, естественной преградой служили старичные русла дельты реки, образовавшие остров. Поселение было небольших размеров и представляло собой, скорее всего, летнее сезонное хозяйство, жители которого занимались земледелием, скотоводством и рыбалкой. В первые века н.э. активно начала использоваться северная часть острова. Комплексы и основная территория находок этого времени найдены на раскопе 7, северо-восточной части раскопа 5, северной части раскопа 3. На раскопе 4 часть комплексов этого времени находились только в северной его части и на смежных с ними площадях раскопа 5. На раскопе 2 это только небольшая группа ям в южной части.

На этих участках были найдены остатки меотских жилищ-полуземлянок и хозяйственные ямы. На многих постройках сохранились следы пожара, кроме того, они пострадали в золотоордынское время, когда здесь появилось такое же сельское поселение, частично разрушившее меотское селище (Ларенок, Ларенок 2016, с. 302–314). Всего исследовано 9 построек полуземляночного типа.

Лучше всего сохранилось жилище-1² на раскопе 5, площадь 9 (Рис. 1-1). Котлован полуземлянки был впущен в материковый суглинок на глубину 1 м. Он имел прямоугольную форму со скругленными углами размерами 4,20х3,0 м и был ориентирован по линии СЗ-ЮВ. С юго-запада был устроен вход в виде желоба в плане удлиненно-трапециевидной формы длиной 1,5 м и шириной 0,80–1,30 м. Коридор был расположен по оси СВ-ЮЗ и расширялся в СВ части при входе в помещение. Его длина – 1,50 м, ширина – 0,80–

¹ *Ларенок Вера Алексеевна* – научный сотрудник ООО «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

² Мы условно называем найденные постройки «жилища», в тексте Отчета о раскопках, все археологические комплексы названы «объектами» и имеют другую нумерацию.

1,30 м. Дно покатое, перепад глубин составлял 0,30 м. В помещение вела ступенька. Стенки жилища сохранились на высоту до 0,45 м. Они имели вид турлучных развалов, состоявших из кусков глиняной обмазки с отпечатками стеблей камыша и веточек. Заполнение котлована серое, золистое, насыщенное обломками костей животных, фрагментами керамики, кусками обожженной глиняной обмазки и пачины. На большей части дна котлована прослежен суглинистый пол с натопанным слоем грязи и золы, который был обожжен в результате пожара. О пожаре свидетельствовали остатки обугленных деревянных плашек в нижней части засыпи сооружения и включения гари. В центре котлована на дне находился очаг в виде овального в плане участка прокала суглинка пола размерами 0,70х0,55 см, ориентированного по оси СЗ–ЮВ. В полу жилища в юго-западной части сооружения была выкопана яма округлой в плане формы. Диаметр – 0,65 м, стенки прослежены на высоту 0,20–0,22 м. Пол жилища разрушен скоплением нор.

К северо-западу от очага в заполнении у дна землянки были обнаружены фрагменты ещё одного очага необычной формы. Описание похожей находки есть у И.С. Каменецкого из раскопок Нижне-Гниловского городища, которую он называет «противень» (Каменецкий 2011, с. 235). Автор упоминает несколько видов этих изделий: со сплошным бортиком, противни того же типа, но с отверстиями по углам, противни с неполным бортиком. Бортик жаровен-противней Свинячьего озера вертикальный или слегка наклонённый внутрь, дно плоское. В бортике у дна по сырой глине пробиты округлые сквозные отверстия. С одной стороны бортик имеет выемку. В центре дисковидного дна находится округлое отверстие с цилиндрическими стенками, т.е. своеобразная «труба» высотой 6–7 см и диаметром 14 см. Диаметр очага – 50 см, высота бортика 15 см (Рис. 1-3).

К северо-востоку от развала очага находились фрагменты зернотерки в виде плитки серого песчаника трапециевидной в плане формы со следами использования на одной из сторон – выемкой.

Среди обломков очага с юго-запада обнаружены обугленные зерна проса.

Под юго-восточной стенкой жилища в небольшой нише размерами 0,20х0,30 м был найден набор игральных костей – астрагалов барана, частично обгоревших в результате пожара.

Такая конструкция жилища очень похожа на меотские постройки как Нижнего Дона (Капошина 1965, с. 45–47; Каменецкий 2011, с. 231, 235), так и Прикубанья (Шевченко 2013, с. 10–12) за исключением канавок по

периметру жилища и пристенных лежанок из суглинка, которых на Свинячьем озере нет. Не были обнаружены также ямки для опорных столбов.

Среди находок наше внимание привлекли так называемы противни со сплошным бортиком которых найдено 5 штук: по одному экземпляру в жилище 1, раскопа 5, в жилище 2 раскопа 5А, в жилище 4 раскопа 5А и два фрагмента в жилище 5 раскопа 5. Как использовались в быту эти изделия? И.С. Каменецкий интерпретирует их как один из видов очагов для обогрева жилища и приводит их описание в статье, посвященной раскопкам Подазовского городища (Каменецкий 1974, с. 213–214), подчеркивая, что конструкции очагов сильно варьируются: «К очагам относятся многие изделия из обмазочной глины: противни со сплошным бортиком, противни того же типа, но с отверстиями по углам, противни с неполным бортиком, защитные стенки, опорные столбики и плиты, крупные конусы для установки «шампуров». Противни в его описании трех типов, однако их фото или рисунки не приведены в публикации. Судя по описанию, они похожи на находки «Свинячьего озера». У них есть сплошной бортик, отверстия и выемка в борту (Рис. 1 – 1-5). Эти очаги-жаровни найдены в разных местах построек. В жилищах 1 и 2 в северо-западной и северной части. Обломки бортиков от трех жаровен найдены в центральной части жилища 3, в жилище 4 на участке прокала у юго-западной стенки. В жилище 5 над открытым очагом в виде округлого в плане участка прокаленного суглинка, расположенного в центре, и к востоку от него – обломки днищ с частично сохранившимися стенками.

Кроме противней в помещениях Свинячьего Озера были традиционные конструкции в виде открытого очага – пятна с прокаленным грунтом на полу в жилищах 1, 4 и 5 и, вероятно, в жилище 9. Однако, в этих же помещениях, кроме жилища 9 обнаружены и очаги-противни, как в стороне от открытых очагов, так и над ними. Один очаг в жилище 6 имел вид округлой ямы с золой и обломками обожженной глины. Кроме того, в слое поселения и в жилище 4 найдены так называемые очажные подставки (Рис. 2) – неременный атрибут меотских жилищ, а в жилище 2 среди развала жаровни – большая дисковидная лепная крышка (Рис. 2).

Интересна конструкция переносных очагов-жаровен. Это не просто так называемый противень или сковорода по форме. Для чего в центре емкости сделано сквозное отверстие, выделенное невысоким бортиком? На него могли ставить горшок с едой, но тогда нагревались бока сосуда, а не его дно? Для чего была сделана выемка в бортике жаровни? И, наконец, какова

роль маленьких сквозных отверстий у дна? Могут ли быть эти очаги предметами культа, как считают некоторые авторы? (Коцева 2020, с. 118). В случае со Свинячьим озером большая часть этих конструкций найдена в виде фрагментов и, возможно, не *in situ*. Только в жилище 1 можно предположить, что жаровня до её разрушения находилась в первоначальном месте. Рядом с ней обнаружены фрагменты зернотерки, комки обугленного проса, обугленная плашка дерева. Тогда это, так сказать, хозяйственная зона помещения, и очаг должен был служить для приготовления или подогрева пищи. Важно замечание И.С. Каменецкого о местоположении такого очага на Нижне-Гниловском городище: «к лежанке был примазан небольшой очаг» (Каменецкий 2011, с. 235), то есть жаровня могла использоваться и для обогрева спальной зоны помещения.

В сборнике «Вопросы археологии Адыгеи» за 2020 год опубликована статья А.А. Коцевой «Изделия из глины и глиняные конструкции в бытовых памятниках меотской культуры». В ней наше внимание привлекла фотография на рисунке 5, на которой изображен очаг поселения Теучежхабль. Приводим описание очага из авторского текста: «Бытовые очажки зафиксированы на поселение Теучежхабль. В квадрате Щ 9 над засыпанной ямой 17 был сооружен небольшой очаг с бортиком в виде овальной платформы из обожженной глины 0,44x0,54x0,19 м, сохранившийся фрагмент бортика имел высоту 0,12 м» (Коцева 2020, с. 116,). Похожая конструкция описана Н.Ф. Шевченко из жилища в Прикубанье: «Очаг, как правило, помещался сравнительно далеко от стен и представлял собой глиняную площадку, почти не поднятую над уровнем пола. Иногда основа очага делалась из фрагментов толстостенной керамики, вмазанных в глиняный раствор» (Шевченко 2013, с. 35). Вероятно, это такая же конструкция, описанная И.С. Каменецким как защитные стенки.

Однако, для нас остается загадкой, каким образом использовалась жаровня и был очаг стационарным или переносным?

Литература

Каменецкий 1974 – Каменецкий И.С. Итоги исследования Подазовского городища. СА. № 4. – М.: «Наука», 1974. С. 212–221.

Каменецкий 2011 – Каменецкий И.С. История изучения меотов. – М.: ТАУС, 2011.

Капошина 1965 – Капошина С.И. Итоги Кобяковской экспедиции // КСИА. Вып. 103. – М., 1965. С. 45–52.

Коцева 2020 – Коцева А.А. Изделия из глины и глиняные конструкции в бытовых памятниках меотской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Изд. «Магарин О.Г.», 2020. С. 114–133.

Ларенок, Ларенок 2016 – Ларенок В.А., Ларенок П.А. Новое меотское поселение Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29. – Азов: Азовский музей, 2016. С. 302–314.

Шевченко 2013 – Шевченко Н.Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. – Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2013.

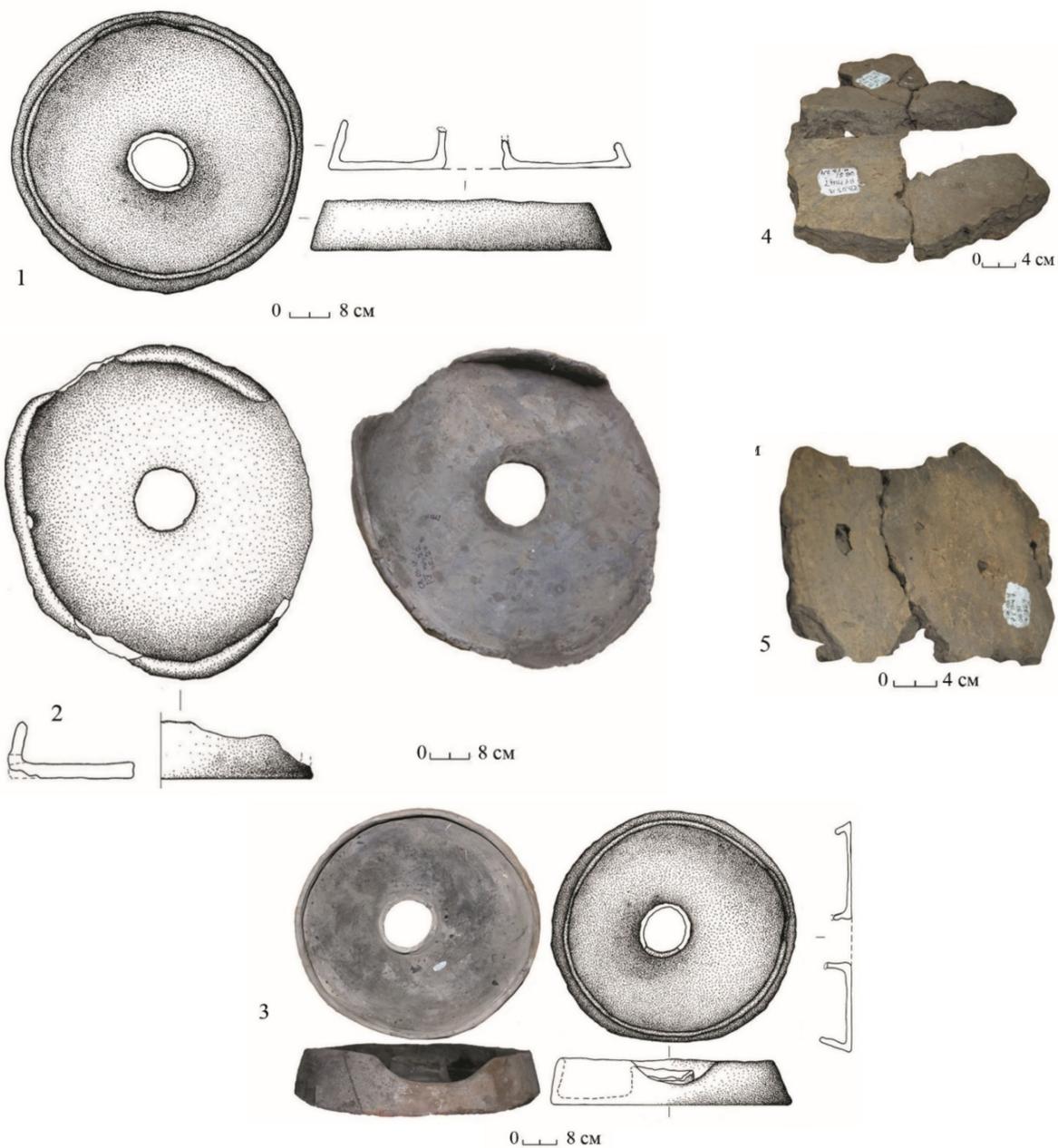

Рис. 1. Поселение Свинячье озеро. Слой первых веков н.э. Очаги, глина:
1 – раскоп 5А, жилище 2; 2 – раскоп 5А, жилище 4; 3 – раскоп 5, жилище 1;
4-5 – раскоп 5, жилище 5

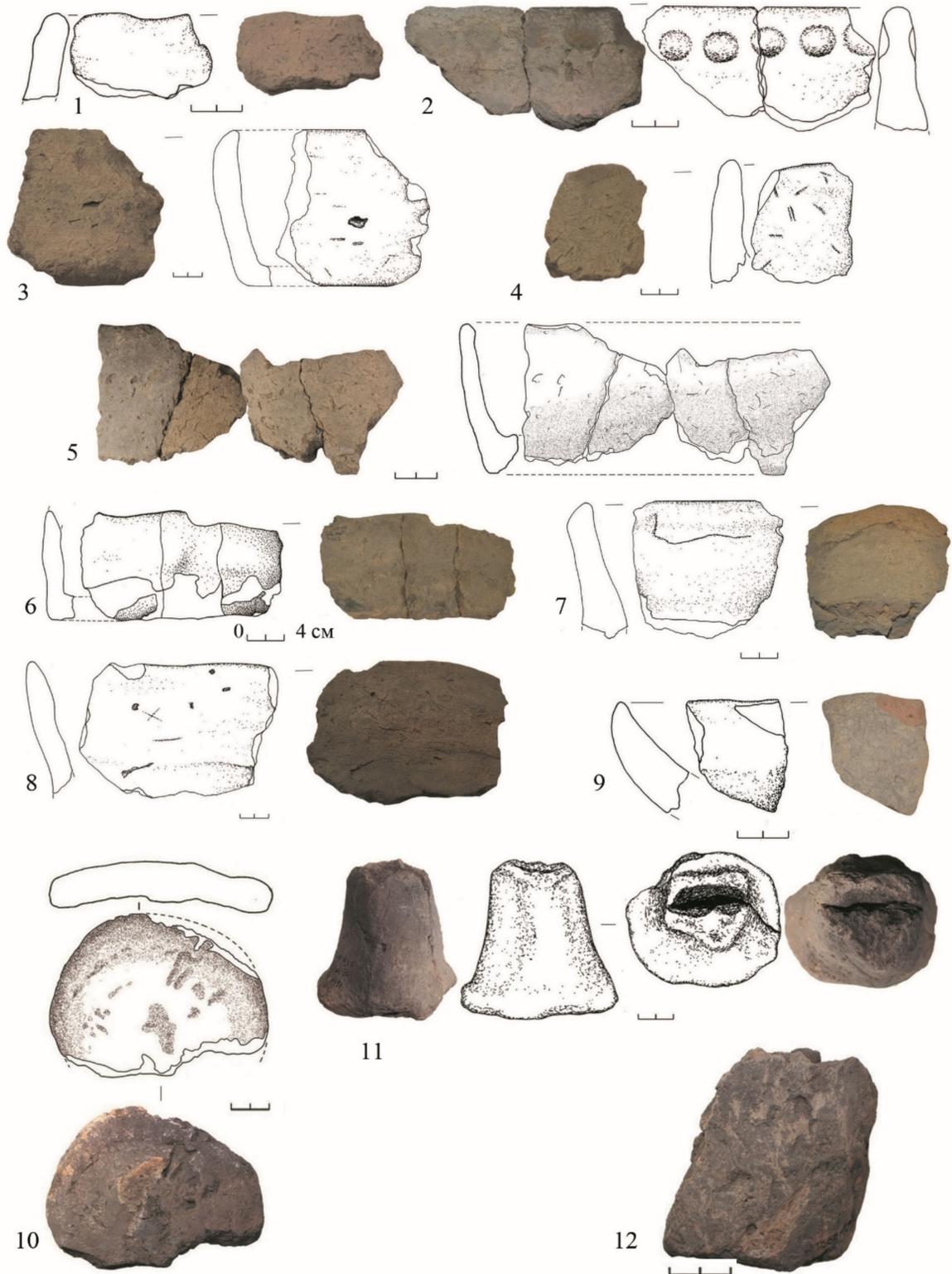

Рис. 2. Поселение Свинячье озеро. Слой первых веков н.э. Фрагменты лепных жаровен, глина: 1-3 – раскоп 5, жилище 3; 4 – раскоп 5, объект 43; 5 – раскоп 5, объект 4; 6 – раскоп 5, план 3; 7 – раскоп 3, план 4; 8 – раскоп 5, план 3; 9 – раскоп 5, объект 149. Крышка, глина: 10 – раскоп 5А, жилище 2. Очажные подставки, глина: 11 – раскоп 5А, план 9; 12 – раскоп 5, жилище 4.

Лимберис Н.Ю.¹, Марченко И.И.², Кондратенко А.В.³
Типология и хронология конических меотских кружек⁴

Благодаря новым разработкам в области хронологии меотских древностей Прикубанья появилась возможность для уточнения датировок разных видов сероглиняной меотской керамики. Недавно нами была предложена типология и хронология ваз, лекан, столовых амфор и кружек IV–III вв. до н.э. (Лимберис, Марченко 2022; Лимберис, Марченко, Кондратенко 2022). Для некоторых типов сосудов, которые раньше датировались широко, в пределах двух столетий, удалось определить узкие хронологические рамки бытования. В результате, отдельные формы керамики сейчас могут выступать в качестве надёжных хронологических индикаторов, позволяющих атрибутировать комплексы в пределах четверти или половины столетия.

В погребальном обряде меотов на разных этапах существования культуры использовался устоявшийся набор сероглиняных сосудов, который в обязательном порядке включал миски, кувшины и сосуды для питья. Кружки не всегда были непременной составляющей керамического комплекса погребения, но зато их форма заметно менялась, характеризуя определённый временной отрезок. Иногда старая форма возрождалась через длительное время, приобретая новые черты. В связи с этим, мы обратили внимание на кружки с коническим туловом. В этой серии выделяются две группы сосудов разных хронологических периодов.

Первая (ранняя) группа конических кружек⁵ представлена пока небольшим количеством сосудов – всего 13 экземпляров (Рис. 1). Кружки этой группы в целом характеризуются узкой усечённо-конической формой тулова, постепенно расширяющегося от дна к устью. Стенки, в основном, ровные, но у двух экземпляров – слегка раздутые в средней части (Рис. 1: 5, 6).

¹ *Лимберис Наталья Юрьевна* – старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия).

² *Марченко Иван Иванович* – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия).

³ *Кондратенко Артем Викторович* – младший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия).

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские сероглиняные кружки IV–III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник, 2023 (в печати).

Дно, как правило, плоское или слабовогнутое. Только один экземпляр имеет валикообразный кольцевой поддон (Рис. 1: 7). Край у большинства сосудов плавно отогнут, венчик гладкий, округлённый или скошенный наружу, встречается и профилированный валиком или желобком ниже венчика. Ручка округло изогнута, обычно имеет широкий продольный желобок с внешней стороны, встречается также округлое и овальное сечение. Верхний конец ручки отходит непосредственно от венчика, из-под венчика или крепится несколько ниже. Средние размеры сосудов: высота – от 9 до 13,5 см, диаметр устья – от 8 до 11 см, диаметр дна – от 4,1 до 5,2 см.

Хронология ранней группы конических кружек определена на основе взаимовстречаемости с античными импортами и узко датированной меотской керамикой в пределах середины – второй половины III в. до н.э.

Традиция изготовления конических кружек прерывается почти на два столетия. Меотские гончары возвращаются к этой простой в изготовлении форме только в I в. н.э. Вторая (поздняя) группа конических кружек насчитывает 28 экземпляров из меотских памятников Прикубанья: могильников Старокорсунских городищ № 2 (СК-2) и № 3 (СК-3), Елизаветинского городища № 2 (Ел.-2)¹, Тахтамукаевского и Почтового (Рис. 2). В опубликованных материалах других памятников региона такие кружки нам неизвестны.

В названных некрополях встречены конические кружки с плоским дном и почти вертикальным или плавно отогнутым краем, все – серолощёные. Главное их отличие от сосудов более раннего времени – это крепление ручки к середине тулова. Ручки практически у всех кружек петлевидные, овальные или уплощённые в сечении. Три кружки из комплексов Ел.-2 № 56/2013, СК-2 № 425з и СК-2 № 53в имеют на ручках выступы-упоры (Рис. 2: 10, 11). У большинства сосудов из могильника Старокорсунского городища № 3 (СК-3 № 206, 216, 227, 293, 323, 348) в верхней части имеются параллельные горизонтальные желобки (Рис. 2: 1–3, 5–7) или валики (СК-3 № 251, Рис. 2: 4), некоторые (СК-3 № 216, 251, 293) орнаментированы под венчиком пролощенным зигзагом (Рис. 2: 2, 4, 5). На сосуде из погребения СК-3 № 251 на тулове лощением нанесен тамгообразный знак в виде неправильного круга с тремя отходящими от него лучами, два из которых увенчаны перекладиной (Рис. 2: 4).

¹ Раскопки ООО Западно-Кавказская экспедиция, 2013 г. Благодарим руководителя экспедиции М.Ю. Лунёва за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

Обратимся к хронологии комплексов. Наиболее ранние экземпляры конических кружек поздней группы встречены в погребениях СК-2 № 53в и Ел.-2 № 45/2013 вместе с фибулами Авцисса, по которым их можно датировать первой половиной I в. н.э. (Лимберис, Марченко 2004, с. 222, 231, № 12; Marčenko, Limberis 2008, s. 387. Kat.-Nr. 135. Taf. 145).

Кружка из погребения Ел.-2 № 182/2013 датируется по совместно найденным фибулам. Одна из них – круглая шарнирная с крестовидным центром, без эмали. Датировки таких фибул из памятников юга Восточной Европы, с учётом их западной хронологии, ранее ограничивались второй половиной I – началом II в. н.э. (Амброз 1966, с. 31, табл. 14, 17; Лимберис, Марченко 2004, с. 225, № 6, 17,1; Marčenko, Limberis 2008, s. 384, 387. Kat.-Nr. 79, 149. Taf. 112, 156). В настоящее время В.В. Кропотов относит эти фибулы ко второй – третьей четвертям I в. н.э. (Кропотов 2010, с. 305). Вторая фибула из елизаветинского погребения – лучковая подвязная I серии варианта 2 второй половины I – начала II в. н.э. (Кропотов 2010, с. 72–74). Взаимовстречаемость фибул двух разных типов позволяет ограничить хронологию погребения третьей четвертью I в. н.э.

В погребении СК-3 № 251 вместе с кружкой с тамгообразным знаком был найден стеклянный бальзамарий с очень узким туловом, который сопоставим с трубчатой формой Isings 8, широко распространённой в I в. н.э., особенно во второй его половине (Isings 1957, s. 24). Близкие аналогии этому бальзамарию из Паннонии также датируются второй половиной I в. (Barkóczy 1988, s. 111–112, Nr. 189–191. Taf. XVII, LXXX). На этом основании и данный комплекс можно отнести к этому времени.

Для датировки кружки из погребения СК-3 № 216 важна находка стеклянного бальзамария грушевидной формы. Общая хронология близких форм Trir 69a и AR 128.2 в абсолютных датах определяется в пределах 20–80/100 гг. (Лимберис, Марченко 2003, с. 115, № 86; Goetherd-Polaschek 1977, s. 350; Rütli 1991, s. 52; Fünfchilling 2015, s. 403; Marčenko, Limberis 2008. Kat.-Nr. 162. Taf. 169). Вторая датирующая находка – фибула с широкой изогнутой спинкой и кнопкой на конце приёмника. Данную фибулу В.В. Кропотов отнёс к варианту 2, хронология которого охватывает большую часть II в. н.э. (Кропотов 2010, с. 213, 220, № 89). Однако небольшой размер фибулы, характер гравированного орнамента и крупная биконическая кнопка позволяют усомниться в правильности определения. Фибула, скорее, принадлежит варианту 1 второй половины I – начала II в. н.э. С учётом

датировки бальзамария, хронологию комплекса следует ограничить второй половиной I в. н.э.

В погребениях Ел.-2 № 137/2013 и СК-3 № 348 вместе с кружками встречены браслеты с коническими шишечками на концах (такой же браслет найден в описанном выше погребении СК-2 № 53в вместе с фибулой Авцисса). Ранее, проведя хронологический анализ погребений с браслетами этого типа (учитывая их взаимовстречаемость с разными фибулами и стеклянными сосудами), мы пришли к выводу, что основное время их бытования у меотов Прикубанья, как, впрочем, и на Дону, ограничивается I – началом II в. н.э. (Лимберис, Марченко 2020, с. 429). Поэтому погребения Ел.-2 № 137/2013 и СК-3 № 348 также можно отнести к указанному периоду.

В пределах I – начала II в. н.э. устанавливается и хронология погребений Ел.-2 № 133/2013 и СК-3 № 425з, где вместе с кружками были найдены лучковые подвязные фибулы серии I варианта 2 (Кропотов 2010, с. 72–74). С этой датировкой согласуется и находка браслета с коническими окончаниями в комплексе СК-3 № 425з.

Датировку кружки из комплекса СК-2 № 217з можно определить на основании хронологии бронзового литого браслета с окончаниями в виде длинноухих зверей. Ближайшая аналогия этому браслету происходит из погребения № 165 некрополя Золотое, которое на основании находок пяти фибул с пластинчатой спинкой и S-овидным завитком на конце приемника было датировано автором раскопок первой половиной I в. н.э. (Корпусова 1983, с. 59, 111, рис. 16, 1; табл. IV, 5–9), хотя В.В. Кропотов считает, что застёжки этого типа следует датировать второй половиной I – началом II в. н.э. (Кропотов 2010, с. 286).

К I в. н.э. в своё время мы отнесли погребение СК-3 № 323 с кружкой этого типа по бронзовому прорезному колокольчику и фибуле-броши с застёжкой из смычковой фибулы (Marčenko, Limberis 2008, s. 8. Kat.-Nr. 170. Taf. 178). По новой хронологии В.В. Кропотова датировка пружинных фибул-брошей ограничивается второй половиной I – началом II в. (Кропотов 2009, с. 294).

Известны находки таких кружек и в Закубанье. Из погребения № 26 Тахтамукаевского могильника происходит кружка с двумя горизонтальными валиками в верхней части и расширяющимся устьем. В этом погребении были найдены две проволочных лучковых подвязных фибулы, но, так как Н.В. Анфимов не привёл их рисунки, мы не можем уточнить дату комплекса. Вторая кружка происходит из погребения № 30 этого же могильника и

отличается от предыдущей практически цилиндрической формой. Большинство погребений из этого могильника автор раскопок относил к I–II вв. н.э. (Анфимов 1961, с. 193–194, 202, табл. II, 2, 4). Исследователь также отмечал, что две аналогичные кружки происходят из погребений № 50 (I–II вв. н.э.) и № 78 (II–III вв. н.э.) Краснодарского (Почтового) могильника на ул. Тельмана (Анфимов 1961, с. 199). В краткой публикации материалов могильника упоминаются эти кружки, но без рисунков, и приводится общая датировка комплексов – I – начало III в. н.э. (Анфимов, Анфимов 1992, с. 35, 40).

Таким образом, из 28 погребений с коническими кружками поздней группы 11 комплексов датируются узко – в рамках I – начала II в. н.э. Хронология остальных погребений, из-за отсутствия инвентаря с конкретными датами, проблематична, но не выходит за пределы I–II вв. н.э. Подводя итог нашим хронологическим изысканиям, можно с уверенностью утверждать, что период бытования конических кружек поздней группы у меотов Прикубанья ограничивается I – началом II в. н.э.

Аналогичные кружки встречаются и в некрополях донских меотов. Они были найдены в погребениях №№ 38/1957, 5/1962, 8/1962, 73/200, 218/2007 могильника Кобякова городища, датировка которых укладывается в рамки I – начала III в. н.э. (Косяненко 2008, с. 68–69, рис. 34, 6; 126, 2; 127, 5; Ларенок 2013, с. 80, табл. 52, 10; Ларенок 2021, с. 199, табл. 138, 4). Кружку из погребения № 1(Д)/1987 некрополя Паниардиса авторы раскопок датировали на основании краснолаковой тарелки второй половиной I в. до н.э. – рубежом н.э. (Горбенко, Косяненко 2011, с. 72–73, рис. 79, 3, табл. VII, 9; XVIII, 1). Однако такие тарелки бытуют довольно длительное время. Данная тарелочка находит аналогии в группе пергамской сигиллаты и соответствует типу T8a, который датируется концом I в. до н.э. – началом II в. н.э. (Meuser-Schlichtmann 1988. Taf. 43; 46), поэтому дату комплекса из Паниардиса можно ограничить I – началом II в. н.э.

Скорее всего, параллельные формы конических кружек поздней группы прикубанских и донских меотов возникли и какое-то время производились одновременно, но на Дону, вероятно, несколько дольше. Для Прикубанья, благодаря узко ограниченному периоду бытования, эти сосуды являются вполне надёжным датирующим материалом, особенно для погребений, где нет других предметов с более-менее устоявшейся хронологией (фибулы, браслеты, зеркала-подвески), которые могут быть использованы для подтверждения или уточнения датировки.

Литература

Анфимов 1961 – Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник (аул Октябрьский) // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. – Майкоп, 1961. С. 190–207.

Анфимов, Анфимов 1992 – Анфимов И.Н., Анфимов Н.В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. – Краснодар, 1992. С. 19–60.

Горбенко, Косяненко 2011 – Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып. 11 – Азов, 2011. 512 с.

Корпусова 1983 – Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). – Киев, 1983. 184 с.

Косяненко 2008 – Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9 – Азов, 2008. 544 с.

Кропотов 2010 – Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев, 2010. 384 с.

Ларенок 2013 – Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть 1. – Ростов-на-Дону, 2013. 448 с.

Ларенок 2021 – Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок некрополя Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса «Метро кэш энд керри» в 2007 году. Часть III. – Ростов-на-Дону, 2021. 536 с.

Лимберис, Марченко 2003 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. – Краснодар, 2003. С. 106–183.

Лимберис, Марченко 2004 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. – Краснодар, 2004. С. 221–237.

Лимберис, Марченко 2020 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология браслетов с коническими шишечками на концах из меотских памятников Прикубанья // Археологія і давня історія України. Вып. 3 (36), 2020. С. 424–431.

Лимберис, Марченко 2022 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские вазы и леканы // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21. № 2, 2022. С. 129–141.

Лимберис, Марченко, Кондратенко 2022 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Кондратенко А.В. Меотские сероглиняные амфоры // Археологические вести. № 37, 2022. С. 86–97.

Barkóczy 1988 – Barkóczy L. Pannonische glasfunde in Ungarn. Studia Archaeologica. Bd. 9. – Budapest, 1988. 223 s.

Fünfchilling 2015 – Fünfchilling S. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst. Bd. 513. – August, 2015. 689 s.

Goetherd-Polaschek 1977 – Goetherd-Polaschek K. Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Trierer Grabungen und Forschungen. Bd. 9. – Mainz, 1977. 352 s.

Isings 1957 – Isings C. Roman Glass from Dated Finds. – Djakarta, Groningen, 1957. 185 p.

Marčenko, Limberis 2008 – Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. – Mainz, 2008. S. 265–400.

Meyer-Schlichtmann 1988 – Meyer-Schlichtmann C. Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh.v. Chr. – Mitte 2. Jh.n. Chr. Pergamon Forschungen. Bd. 6. – Berlin, New York, 1988. 265 s.

Rütti 1991 – Rütti B. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst // Forschungen in Augst. Bd. 13 (Nr. 1). – August. 1991. 370 s.

Рис. 1. Кружки конические сероглиняные первой (ранней) группы. Могильник Старокорсунского городища № 2: 1, 2 – п. № 1в; 3 – п. № 87в; 6 – п. № 96в; 7 – п. № 557з-1; 8 – п. № 349з; 9 – п. № 137з. Елизаветинский могильник: 4 – п. № 28/1935 г.; 5 – п. № 37/1935 г.

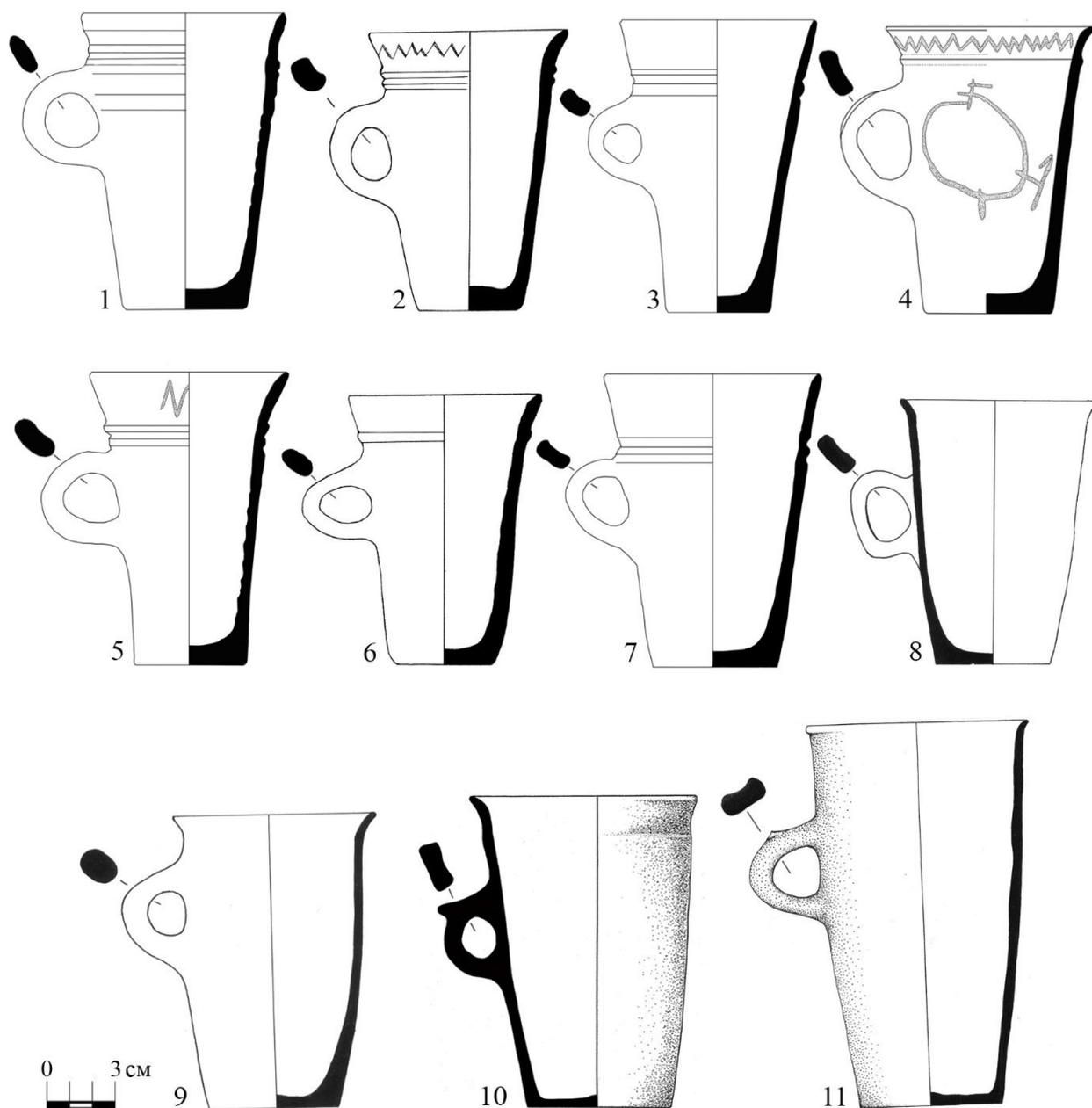

Рис. 2. Кружки конические сероглиняные второй (поздней) группы. Могильник Старокорсунского городища № 3: 1 – п. № 206; 2 – п. № 216; 3 – п. № 227; 4 – п. № 251; 5 – п. № 293; 6 – п. № 323; 7 – п. № 348. Могильник Старокорсунского городища № 2: 8 – п. № 217з; 9 – п. № 210з; 10 – п. № 425з; 11 – п. № 53в

Современное состояние проблемы изучения ранней истории Черкасского городка

Остатки Черкасского городка, долгое время являвшегося столицей донского казачества, находятся на территории современной ст. Старочеркасская. Основные сведения о его истории содержатся в письменных источниках и специальной литературе (Королев 2007, с. 204–216).

Первое письменное упоминание о г. Черкасске относится к 1593 г. В направленной царю Федору Иоановичу Отписке посланника Григория Нащокина и подьячего Андрея Иванова от 20 февраля 1593 года из Константинополя говорилось, что крымский хан, жалуясь на донских казаков султану, писал ему о постройке российским государем на Дону и близ Азова четырех новых городов. В Отписке Нащекина царю было сказано следующее: «Пристав Сулейман чеуш говорил: в грамоте к государю нашему крымкий царь писал, что ему теснота великая от государя вашего казаков, многие убытки ему починили; а поставил де государь ваш новых четыре городы: близко Азова, на Маночи, да в Черкасской и в Раздорех, и из тех городков казаки, приходя, Азову тесноту чинят...» (Дела турецкие 2001, с. 87). Однако, в исторических исследованиях XIX–XX вв. существует достаточно широкий спектр мнений по поводу времени и обстоятельств возникновения поселения на месте нынешней ст. Старочеркасской и, согласно многим из них, основание Черкаска должно относиться к значительно более раннему времени, чем 1593 год. Подробный обзор существующих точек зрения и детальный анализ имеющейся информации о ранней истории Черкаска приведен в фундаментальном исследовании В.Н. Королева «Донские казачьи городки», изданной в 2007 году (Королев 2007, с. 204–216), поэтому мы не будем останавливаться на этом подробно.

Сведения о самом раннем периоде истории Черкаска достаточно скудны и судить о том, что представлял собой городок в XVI веке и каким был его внешний облик, достаточно сложно. Известно, что значительная часть острова, на котором располагался этот казачий городок, была изрезана рукавами и протоками, а также занята озерами. Какими были крепостные

¹ *Лисин Николай Владимирович* – научный сотрудник ООО «Археологическое общество «Наследие» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

сооружения в конце XVI в. и как выглядел Черкасский городок в то время, до сих пор точно неизвестно. Несколько больше сведений о нем относится к XVII веку. В 1637 году из Черкасского городка начался азовский поход, известный как «Азовское сидение», в ходе которого казаки взяли Азов и обороняли его до 1641 г. Известно, что турки, захватив Азов, сожгли столицу Войска Донского – Монастырский городок, а в 1643 году и Черкасский городок.

В 1644 году при возобновлении Черкаска его хорошо укрепили. В 1647 году около ряда слобод были выкопаны рвы, а зимой 1649–1650 года в ожидании нападения крымцев и союзных им украинских сил казаки возвели земляные укрепления и поставили деревянные башни. Вокруг города был выкопан глубокий ров, куда была направлена вода из Дона (Королев 2007, с. 210). На протяжении всего XVII века укрепления Черкаска не выходили за пределы обычной фортификации, основанной на древо-земляных укреплениях. В.Д. Сухоруков указывает, что в третьей четверти XVII века город содержал в себе 3 тысячи человек (Сухоруков 2001, с. 246), а К.И. Крюйс оценивал казачий «гарнизон» Черкаска конца XVII века в 7 или 8 тысяч человек (Королев 2007, с. 210).

Вплоть до начала 40-х гг. XVIII в. укрепления Черкасской крепости оставались древо-земляными. А с конца 30-х годов казаки просили Правительство отпустить средства на ремонт крепостных сооружений (Акты 1894, с. 236–237). Правительство отпустило на эти работы 11531 бревно и 20 негодных затопленных будар, не сомневаясь, что характер оборонительных сооружений останется прежним.

В 1741 году в Черкасске было начато строительство каменной оборонительной линии, но Правительство усмотрело в строительстве каменных стен угрозу своим позициям на Дону, ее строительство было прекращено, а строить в дальнейшем каменные стены казакам запретили. В последней четверти XVIII в. оборонительные сооружения Черкаска пришли в упадок, а после разгрома ногайцев и присоединения к России Кубани бастионы были уничтожены (Королев 2007, с. 211).

Важным для изучения Черкасского городка является наличие нескольких карт XVIII в. с подробным планом Черкасской крепости, на которых указан целый ряд, сохранившихся до настоящего времени, объектов, которые хорошо локализируются на местности и отражена топография острова, на котором располагался городок. Согласно данным источников и картографии к середине XVIII в. Черкасская крепость имела 7 бастионов. Все бастионы

имели собственные названия и размеры. Со стороны Дона были выстроены Даниловский, Донской и Ивановский бастионы (Даниловский и Ивановский из камня). С северной стороны Черкасская крепость имела 4 деревянных бастиона: Андреевский, Алексеевский, Мостовой и Кумшатский.

Даниловский и Ивановский каменные бастионы, расположенные на западном и восточном концах острова, являлись опорными пунктами обороны города с южной стороны. Точное расположение каменного Ивановского раската, как и деревянных бастионов, до сих пор археологически не установлено. Следует отметить, что даже значительная часть строений, указанных на картах XVIII века, включая оборонительные сооружения, пороховой погреб и т.д., не говоря уже об объектах более раннего времени, в настоящее время на местности не локализуется и по большей части находятся под современной застройкой.

Учитывая крайне ограниченный объем информации о раннем периоде истории Черкасского городка, которая содержится преимущественно в письменных источниках, архивных документах, картографии и специальных исторических исследованиях, первостепенную важность приобретает археологическое изучение этого памятника и тесным образом связанных с ним объектов казачьей истории Нижнего Дона. К сожалению, исследования такого рода на территории Черкасского городка производились лишь эпизодически и по большей части носили спасательный характер. Сам же объект археологии «Черкасский городок XIV–XIX вв.» был принят на государственную охрану и включен в перечень выявленных объектов археологического наследия Ростовской области лишь в 2010 году.

Первой достоверной информацией о раскопках в юрту ст. Старочеркасской является газетная заметка конца 1890-х гг. о находках древностей в х. Красnodворске, впоследствии преданных в Новочеркасский музей истории донского казачества, а первые крупные раскопки с научными целями и задачами на территории Черкасского городка были проведены в 1958 году совместной экспедицией Ростовского государственного университета, Новочеркасского областного музея истории Донского казачества и Мурманского государственного педагогического института под руководством З.А. Виткова. В процессе этих работ было исследовано южное крыло каменного Даниловского бастиона Черкасской крепости (Витков 1959). Следует особо отметить, что в ходе этих работ в районе Даниловского бастиона было обнаружено 14 пушек разного калибра.

В 1972 году изучение данного памятника проводились совместными усилиями студентов Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института. Руководили работами В. Назаров (руководитель отряда) и П.С. Косов. Было исследовано северное крыло Даниловского бастиона: уточнены конструктивные особенности сооружения, найдены остатки лестницы, дренажные и водоотводные каналы снаружи и внутри бастиона. Расчищена подходящая к лестнице каменная мостовая.

В 1976 году на территории Черкасского городка проводил археологические раскопки институт Росстпроект с целью поиска Донского раската и каменной стены рядом с ним. К сожалению, эти работы не увенчались успехом. В эти же годы, по словам участника экспедиции П.С. Косова, была обнаружена часть Мостового раската.

В 1984 году, к западу от ст. Старочеркасской небольшие разведочные работы на Монастырском городке были проведены археологической экспедицией Ростовского государственного педагогического института под руководством В.П. Копылова.

Большая часть остальных археологических изысканий на территории Старочеркаска и его ближайшей округи проводилась эпизодически в рамках охранно-спасательных работ. Самыми масштабными работами такого рода были исследования, проведенные в ст. Старочеркасской ЗАО «ОКН-проект» в 2018 году по ул. Черкасской при реконструкции автомобильной дороги и по ул. Советская на участке планируемого строительства нового фондохранилища Старочеркасского музея-заповедника. В результате была получена новая и очень ценная информация о жизни Черкасского городка в XVIII–XIX в.

При этом следует отметить, что данных, полученных в ходе научных археологических исследований 50–70-х годов и эпизодических спасательных раскопок, проведенных в разных частях памятника в 2000-е годы, крайне недостаточно для полноценной реконструкции ранних этапов истории Черкасского городка. Для этого необходимо проведение планомерного археологического изучения этого памятника и других, связанных с ним объектов казачьей истории. В 2017 году после многолетнего перерыва такие исследования были возобновлены археологической экспедицией ГБУК РО Старочеркасского музея-заповедника под руководством Н.В. Лисина. В 2017 году была произведена фотофиксация сохранившихся участков памятника археологии и архитектуры «Черкасский городок XVI–XIX вв.». В его восточ-

ной части обследовано место расположения Даниловского бастиона, где была проведена зачистка обнажений и фиксация этого объекта на местности с помощью GPS-приемника. Полученные значения координатных привязок Даниловского бастиона, впервые позволили сопоставить имеющийся картографический материал XVIII века с современными спутниковыми снимками. В 2018 году в результате проведенных разведочных работ удалось локализовать место расположения одной из давно засыпанных протоков, которая была водоточной в средневековое и новое время. Эта протока с северо-запада огибала остров, на котором располагался «Черкасский городок XVI–XIX вв.», границы которого и в настоящее время определены достаточно условно. Для получения новой информации об этом памятнике, локализации его крепостных сооружений и других объектов, остатки которых могут быть зафиксированы лишь археологически, необходимы дальнейшие археологические исследования в разных частях памятника, что несомненно, позволит получить более полную картину ранней истории г. Черкаска, долгое время являвшегося столицей донского казачества и игравшего важную роль в системе международных отношений.

Литература

Акты 1894 – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Издание Областного Правления Войска Донского. – Новочеркасск. т. 2, ч. 1. 1894.

Сухоруков 2001 – Василий Сухоруков Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. – Ростов-на-Дону, 2001.

Витков 1959 – Витков З.А. Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске // Историко-филологический сборник Мурманского государственного педагогического института. Отдельный оттиск. Мурманск, 1959.

Дела турецкие 2001 – Дела турецкие, кн. № 3, л. 239. Отписка посланника Григория Нащокина и подьячего Андрея Иванова от 20 февраля 1593 года из Константинополя // Василий Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. – Ростов-на-Дону, 2001.

Королев 2007 – Королев В.Н. Донские казачьи городки. – Новочеркасск, 2007 – 240 с.

**Политика Восточной Римской империи в Юго-Западном Крыму
в последней четверти III – начале VII вв.
в отечественной историографии XIX–XX вв.**

Контакты Юго-Западного Крыма с античными государствами и городскими центрами начались ещё в VII–V вв. до н.э., когда на берегах Чёрного и Азовского морей выходцами из греческих городов стали основываться колонии. С I в. до н.э. полисы Крымского полуострова стали втягиваться в сферу контроля Римской империи и после поражения Митридата VI в войне с Римом регион уже не выходил из неё полностью. В трудные периоды римляне вынуждены были покинуть Таврику, но даже тогда за ними сохранялся в качестве опорного пункта город Херсонес на юго-западной оконечности Крымского полуострова.

В рассматриваемый период Юго-Западный Крым – одна из многочисленных окраин, где империя, реализуя свои интересы, должна была проводить политику, нацеленную на: установление контактов с местным населением; поддержание нужной империи ситуации у границ; получение важных для государства ресурсов (материальных и людских). Античные и средневековые авторы в своих произведениях представляли Крым как дикую, населённую враждебным варварским населением, страну (Якобсон 1973, с. 9). Вместе с тем сообщения ясно показывают и важность позиций в Крыму для Рима и его исторической преемницы (Иордан 2001, с. 67–68; Багрянородный 1991, с. 275).

К настоящему времени можно считать общепринятым представление о том, что политику Восточной Римской империи в отношении Херсонеса и юго-западного Крыма нельзя сводить исключительно к постройке одиночных крепостей в горной зоне и внедрению христианства в качестве альтернативы языческому мировоззрению, как это делалось историками в конце XVIII – начале XIX вв. Первые исследователи истории региона, имевшие в своём распоряжении лишь фрагментарные сообщения письменных источников и непосредственно наблюдаемые археологические остатки, впрочем, делали выводы вполне обоснованно.

¹ *Матросов Михаил Александрович* – сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия).

Впервые характеристику восточно-римской политики в регионе дал П. Кеппен (1793–1864) в работе «О древностях южного берега и гор Таврических» в 1837 году. Заметим, что если историки XVIII в., предшественники Кеппена, работали исключительно на основе библиографического материала, то сам он знал не только письменные источники, но и владел наличной археологической ситуацией. По его наблюдениям, укрепления, разбросанные в горной части Крыма, строил народ, прекрасно знакомый с военным делом, образованный и исповедующий христианство. Сопоставление археологических реалий с сообщениями историков привело к выводу о том, что эти укрепления – не что иное, как система оборонительных сооружений и сопутствующих им церквей, созданная в VI в. по инициативе Восточной Римской империи (Кеппен 1837, с. 46).

Таким образом, с самого начала научных исследований вопроса политика Восточной Римской империи в отношении Херсонеса и Юго-Западного Крыма характеризовалась как нацеленная на установление военного контроля и распространение христианства среди местного населения.

Добавлялось к этому в дореволюционный период немного. Б.В. Кёне (1817–1886) и А.А. Бобринский (1852–1927) высказали взгляд, что Юстиниан, разворачивая строительную деятельность в Таврике, не ставил себе целью подчинять полуостров в полном объёме. По словам Кёне, он «...старался сохранить только восточный берег полуострова, а западную часть его, по-видимому, совершенно предоставил Гуннам и Готам...» (Кёне 1848, с. 155; также: Бобринский 1905, с. 91). В 1893 г., в работе «Надпись времени Зенона...», А.Л. Бертье-Делагард (1842–1920) впервые, на основе надписи V в. из Херсонеса, критически рассмотрел проблему политического статуса Херсонеса в V в. и пришёл к выводу, что в это время город был полностью подчинён империи и управлялся назначенными оттуда должностными лицами (Бертье-Делагард 1893, с. 75).

И.Д. Мансветов (1844–1885) в 1872 г. отметил, что «херсонесские монеты до конца VI века удерживают прежний грекоримский тип... Первая херсонесская монета с христианским знаком, по каталогу г. Кёне, принадлежит ко времени императора Маврикия (582–602)» (Мансветов 1872; также: Бертье-Делагард 1893, с. 52). Это наблюдение было повторено А.А. Бобринским, а А.Л. Бертье-Делагард высказал взгляд, что в Херсонесе ранее VI, а то и VII вв. не происходило разрушения языческих храмов, как это было в центральных областях Империи ещё в IV в (Бертье-Делагард 1893, с. 53). Относительно материальной культуры Херсонеса делался вывод, что в IV–

VII вв. город был включён в восточно-римское культурное пространство: А.Л. Бертье-Делагард обращал внимание на сходство архитектуры Херсонеса с архитектурой Равенны и на распространение законченных архитектурных деталей из проконесского мрамора по всем областям, подконтрольным Восточной Римской империи (Бертье-Делагард 1893, с. 26, 30). Кроме того, уже с первой половины XIX в. отмечались торговое и внешнеполитическое значение Херсонеса и Юго-Западного Крыма для Восточной Римской империи (Кёне 1848, с. 155; Бобринский 1905, с. 91).

Не имея возможности подробно анализировать вклад озвученных наблюдений, отметим лишь, что все они показали разноплановость политики, проводимой Империей в регионе. В отличие от Херсонеса, Юго-Западный Крым в дореволюционное время оставался практически не изученным и лишь на здравом смысле основывались высказывания исследователей о том, что этот регион не мог быть лишён связей с античными центрами (напр.: Кондараки 1868, с. 291–292). Единичными «прорывами» в этом отношении были раскопки, проведённые Р.Х. Лёпером (1865–1918) в 1913 г. на Мангупе и исследования Н.И. Репникова (1881–1940) в первом десятилетии XX в. в юго-западном Крыму. В результате работ Р.Х. Лёпера была обследована базилика, аналогичная базиликам Херсонеса, а в одной из могил – была обнаружена надпись, упоминающая имя Юстиниана (Заседание 30 января 1914 года 1914, с. 297–298). Н.И. Репниковым был обследован ряд могильников, в том числе – и принадлежавших варварскому населению Юго-Западного Крыма III–VII вв. Один из обследованных при этих работах памятник, могильник Суук-Су, до сих пор считается эталонным.

Дальнейшее углубление представлений о политике Восточной Римской империи по отношению к Херсонесу и Юго-Западному Крыму происходило уже в советское время при действии многих факторов, из которых выделим следующие.

Во-первых, уже в 1920–1930-е гг. была развёрнута работа по учёту и исследованию археологических памятников региона. В это время впервые было получено систематическое представление о структуре ближней хоры Херсонеса Таврического и начато исследование поселения в балке Бермана с целью прояснить детали хозяйственно-экономической истории древнего полиса. Началось исследование «пещерных городов» Таврики: так, в 1924–1927 гг. впервые проводились археологические работы на Эски-Кермене, позволившие Н.И. Репникову выдвинуть гипотезу, отождествляющую данное городище с известным из письменных источников Доросом (Харитонов

2004, с. 16). В дальнейшем, особенно в послевоенное и послесоветское время, работы всё более активизировались, вследствие чего увеличивалось количество известных памятников и полученных в результате исследований материалов.

Во-вторых, с раннего советского времени внимание археологов стал привлекать массовый археологический материал, с помощью которого предполагалось углублять представления о социально-экономической и культурной сторонах жизни местного населения. Такой подход, наряду с установлением аналогий, позволял делать заключения о внешних связях населения региона, о происходивших здесь миграционных перемещениях и др.

Так, благодаря этому подходу, были показаны связанность Юго-Западного Крыма с Херсонесом в IV–VI вв. и центральное положение последнего. Д.Л. Талис (1927–1987) и А.Л. Якобсон (1906–1984), в 1950–1970-х гг. занимавшиеся вопросами хозяйственно-экономической истории региона, пришли к выводу, что во второй половине VI в. связи города и варварской округи начинают прослеживаться в археологическом материале крайне слабо, в отличие от предшествующего периода (см.: Талис 1961; Якобсон 1954; Якобсон 1970). В работе «Раннесредневековый Херсонес» А.Л. Якобсоном была проделана работа по изучению разных аспектов материальной культуры города в IV–X вв. и выявлению, с опорой на массовый археологический материал и известные его аналогии, внешних экономических и культурных связей города в раннесредневековый период его истории (см.: Якобсон 1959).

Громадная работа по установлению торгово-экономических связей Юго-Западного Крыма и Римской империи в III–V вв. на основе изучения археологического материала была проделана В.И. Кадеевым (1927–2012) и С.Б. Сорочаном (род. 1953). Авторы обратили внимание на целый пласт имеющихся археологических находок, позволяющих установить время возникновения контактов между регионами, динамику их развития, направления в разные периоды времени и др. (напр., см: Кадеев, Сорочан 1989, с. 80–89).

В-третьих, важным фактором развития представлений о предмете стало переосмысление методов расширения своей территории и контактов с окружающим варварским населением в эпоху Восточной Римской империи. Применительно к Юго-Западному Крыму и Херсонесу в конце XX в. исследование этой стороны взаимодействий было предпринято В.М. Зубарем (1950–2009). Среди аспектов античной и раннесредневековой истории Хер-

сонеса, затронутых в его работах, были военно-политические взаимодействия Юго-Западного Крыма и Херсонеса с Восточной Римской империей. В работе «Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории» были подробно рассмотрены организация римских войск в Юго-Западном Крыму, взаимоотношения с местным населением. Политику империи в регионе исследователь рассматривал как комплекс мер, направленных на постепенное закрепление её в регионе с перспективой последующего превращения в провинцию (напр.: Зубарь 1994, с. 151). Уже в начале XXI в. была сделана попытка связать локализацию могильников «германского» и «аланского» типов III в. с целенаправленным расселением варварского населения в подконтрольном империи регионе. В заключение отметим, что эта сторона в настоящее время – наименее поддающаяся изучению, но в то же время первостепенная, важная для понимания предмета.

Литература

Бертъе-Делагард 1893 – Бертъе-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса – СПб., 1893. 64 с.

Бобринский 1905 – Бобринский А.А. Херсонес Таврический. Исторический очерк – СПб., 1905. 196 с.

Заседание 30 января 1914 года 1914 – Заседание 30 января 1914 года // ИТУАК / Под ред. А. Маркевича. № 51. – Симферополь, 1914. С. 292–302.

Зубарь 1994 – Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории – Киев, 1994. 180 с.

Иордан 2001 – Иордан. О происхождении и деяниях готв (*Getica*) / Пер. Е.Ч. Скржинской. – СПб., 2000. 512 с.

Кадеев, Сорочан 1989 – Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса) – Харьков, 1989. 134 с.

Кёне 1848 – Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического – СПб., 1848. 281 с.

Кеппен 1837 – Кеппен П.О древностях южного берега Крыма и гор Таврических – СПб., 1837. 412 с.

Кондараки 1868 – Кондараки В.Х. Байдарская долина (в Таврическом полуострове) / В.Х. Кондараки // ЗООИД. Том 7. – Одесса, 1868. С. 287–297.

Багрянородный 1991 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. 496 с.

Мансветов 1872 – Мансветов И.Д. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нём памятников – М., 1872. – 97 с.

Талис 1961 – Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего Средневековья // Византийский временник. № 18. 1961. С. 54–73.

Харитонов 2004 – Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы – СПб., 2004. 160 с.

Якобсон 1954 – Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // Советская археология. № 21. – М.–Л., 1954. С. 148–163.

Якобсон 1959 – Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес – М.–Л., 1959. 365 с.

Якобсон 1970 – Якобсон А.Л. Крым в Средние века – М., 1973. 176 с.

Археозоологические материалы из средневекового Азака

В 2022 году раскопки под руководством В.В.Верецагина на территории средневекового Азака (Азов) выявили значительное количество костей животных. В данной статье мы приводим результаты исследования этих находок. Представилось целесообразным ввести сокращённые названия раскопов (Рис. 1): ул. Измайлова д. 32 – «Изм» (6312 костей), Колонтаевский переулок, д. 78 – «Кол» (4618 костей), Красноармейский переулок, д. 29Б – «Крас» (6657), ул. Лермонтова, д. 5 – «Лер» (718), ул. Макаровского 13А – «Мак» (1724).

Кости в основном представляют собой «кухонные отходы». Сохранность костей – 5 баллов. Индекс раздробленности в пластах 20-30, в ямах – 6-10, что в принципе объяснимо. Кости, которые не попали в ямы, подвергались дополнительному разрушению людьми, факторами внешней среды. Обращает на себя внимание что кости в раскопе «Мак» имеют индекс раздробленности 5-9. Обычно такая степень раздробленности бывает в ритуальных комплексах. Но с нашей точки зрения – это всё же пищевые отходы. Здесь, вероятно, была свалка и, вероятно, часть костей переотложены.

Учитывая, что в Азаке жили люди разных народностей, разных религиозных конфессий, занимавшихся разными ремёслами, то можно было предположить, что их образ жизни, традиции должны были найти отражение в пищевых пристрастиях.

Кости рыб немногочисленны, на двух раскопах («Лер» и «Мак») отсутствуют полностью. Обнаружены кости следующих видов: вырезуб, карась, линь, лещ, осётр, сазан, судак, сом, язь. В основном рыбы некрупные 15–30 см, только один судак крупнее – 71 см. Костей птиц крайне мало. Из домашних птиц отмечены только кости курицы.

Среди костей диких млекопитающих отмечены единичные кости норных животных (лиса, барсук), которые могли попасть в более поздние времена. На раскопе «Крас» найдено 10 фрагментов рогов оленя благородного, из них семь – отпиленные отростки. Вероятно, это фрагменты рогов, подобранных жителями. Рыбы, птицы и дикие млекопитающие практически не имели значения в обеспечении людей белковыми продуктами.

¹ *Мягкова Юлия Яковлевна* – кандидат биологических наук, доцент, независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Среди домашних животных во всех раскопах, кроме «Лер», отмечены единичные кости собак. Собаки крупные 56–64 см в холке. В трёх раскопах («Кол», «Крас», «Лер») отмечены отдельные кости и фрагменты скелетов домашней кошки. Сельскохозяйственные животные представлены широко распространёнными видами: бык домашний, овца домашняя, коза домашняя, свинья домашняя, лошадь домашняя. Судя по промерам костей, каждый вид представлен одной породой. Бык домашний – некрупный, 106–138 см в холке, в среднем $117,7 \pm 0,79$ см ($n=64$). Скот был комолым, некоторое количество рогов (1,8%) было в раскопе «Мак». Кости от особей до 3–4-х лет составляли 20% во всех раскопах, и лишь в «Мак» их было меньше – 6%. Овцы среднего размера. Рост 19-ти особей колебался в пределах 60–73 см в холке, в среднем $64,2 \pm 4,36$ см. Козы некрупные: 58, 59, 67, 73 см в холке. Лошади были разными, что в целом типично для домашнего скота при бессознательном отборе: мелкие – 123, 126, 127 см в холке, низкорослые – 128, 129, 131, 134, 135, и среднерослые – 137, 137, 138, 138, 139. Степень тонконогости: среднетонконогие и полутолстоногие.

Соотношение количества костей сельскохозяйственных животных отличается: на двух раскопах отмечено существенное преобладание костей быка («Кол» и «Крас»), практически равное количество костей овец и быков («Лер» и «Мак») и преобладание костей овец («Изм»). Костей лошадей немного, их количество колеблется от 9,3 до 16,6 %, кости свиней единичны (0,3-1,8% на разных раскопах). (Рис. 2). Судя по пропорциям пястных костей ($n=34$) три из них принадлежали волам, 4–5 быкам, остальные – коровам.

На одноимённых костях крупного и мелкого рогатого скота находится разное количество мяса. Для подсчета относительного объема мяса каждого вида млекопитающих была использована методика Е.Е. Антипиной (Антипина 2005) с некоторыми дополнениями. Вычисленные коэффициенты составили следующее соотношение – бык домашний: овца домашняя: коза домашняя: свинья домашняя: лошадь домашняя 10:1:3:9. В соответствии с этим относительная масса съеденных мясных продуктов была почти одинакова на разных раскопах. На первом месте – говядина (70–85%), другие виды животных играли значительно меньшую роль в обеспечении продуктами питания: конина составляла 13–19%, баранина и козлятина – 2–4% («Кол» и «Крас») и 7–11% («Изм», «Лер», «Мак»). Свинына использовалась в пищу редко (0,2–0,9%) и полностью отсутствовали кости свиньи в «Крас».

Учитывая низкую продуктивность крупного рогатого скота и лошадей, поздние сроки наступления половой зрелости можно считать, что основную

часть стада составлял крупный рогатый скот, существенно меньше было лошадей, и значительно меньше более быстро размножающихся животных: овцы и козы. Свиньи, имеющие способность к быстрому размножению и набору веса, были единичными.

У крупного, мелкого рогатого скота и особенно лошади более ценных в мясном отношении частей туш – больше на всех раскопах, чем менее ценных частей. Обычно это бывает в тех случаях, когда часть животных разводят и их мясо потребляют на месте, а часть – покупают. В отношении быка домашнего разница более существенна 1:2 (1 – малоценные в мясном отношении кости на 2 части – более ценные) на раскопах «Изм», «Крас», «Мак» и меньше 2:3 на раскопе «Лер» и совсем небольшая на раскопе «Кол». В отношении мелкого рогатого скота 1:4 (1 часть менее ценных костей в мясном отношении и 4 части – более ценных) на раскопах «Изм», «Лер», «Мак» 2:3 на раскопах «Кол» и «Крас». И в отношении лошадей соотношение существеннее 1:4 на раскопе «Лер», несколько меньше разница 1:3 на раскопах «Изм», «Кол», «Крас», и ещё меньше на раскопе «Мак» 1:2. В целом можно считать, что закупка мяса производилась жителями регулярно, хотя существенная часть выращивалась, или, может быть, частично закупались живые особи.

Отмечено крайне мало следов заболеваний на костях. Это следы артроза, наличие остеофитов (три кости быка), результаты воспалительного процесса на нижней челюсти у быка и овцы, деформация фаланги быка, окостенение сухожилия на первой фаланге лошади. Вряд ли это может свидетельствовать о практически идеальных условиях жизни скота. Может быть, животных забивали при первых проявлениях заболеваний.

Обработанные кости единичны: следы шлифовки, затёртости, отпилы.

Таким образом, нами не выявлено принципиальных отличий в использовании мясных продуктов питания в названных раскопах. Особый интерес представляет лишь раскоп «Кол». Здесь обнаружены целые рога и их фрагменты: от баранов – 42 и от коз – 48. На некоторых из них есть следы распилов. Причём рога коз не только опилены от черепа, но и отпилены кончики рогов. Видимо это отходы производства, если они в таком количестве оказались в ямах с кухонными отбросами.

Также в этом раскопе обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Из раскопа «Кол» нижних челюстей овец в возрасте до 3-х месяцев – 16%, 4-12 месяцев – 22%, 13-24 месяцев – 54%, старше 2-х лет – 8%. При определении по трубчатым костям – костей от особей старше 2-х

лет – 65%. Такая разница в соотношении молодых и взрослых особей при определении по челюстям и по трубчатым костям могла возникнуть именно потому что часть овец закупалась в виде шкур с головами и дистальными частями конечностей, а часть выращивалась непосредственно на территории данного хозяйства.

Кости коз на раскопе «Кол» составляют около 20% среди костей мелкого рогатого скота, определённых до вида. Это относительно много. Но это лишь на первый взгляд. В действительности это в основном рога – 42 фрагмента и целых рогов в ямах и 6 рогов из пластов, а также 23 кости – это метаподии, т.е. это кости от малосъедобных частей туш животных. Полностью отсутствуют кости коз от мясных частей туши, нет лопаток, плечевых, лучевых, тазовых, бедренных, берцовых костей. Фрагменты позвонков и рёбер овцы и козы практически не определимы до вида. Вероятно, коз именно здесь не держали, а закупали шкуры с головами, рогами и дистальными концами конечностей.

Литература

Антипина 2005 – Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе: производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. – М., 2005. С. 181–190.

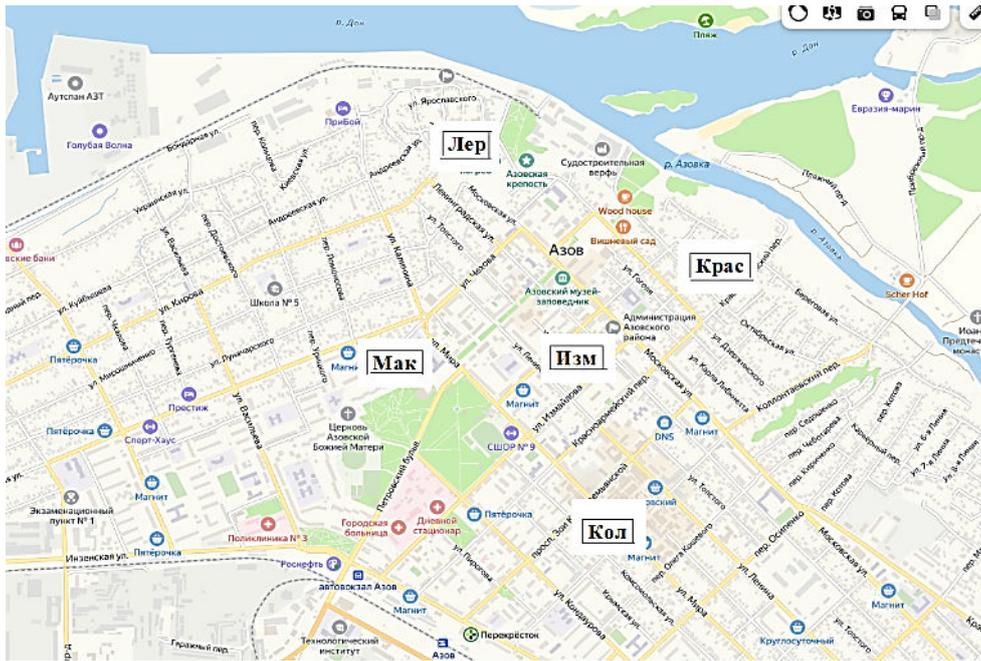

Рис. 1. Расположение раскопов на территории Азова

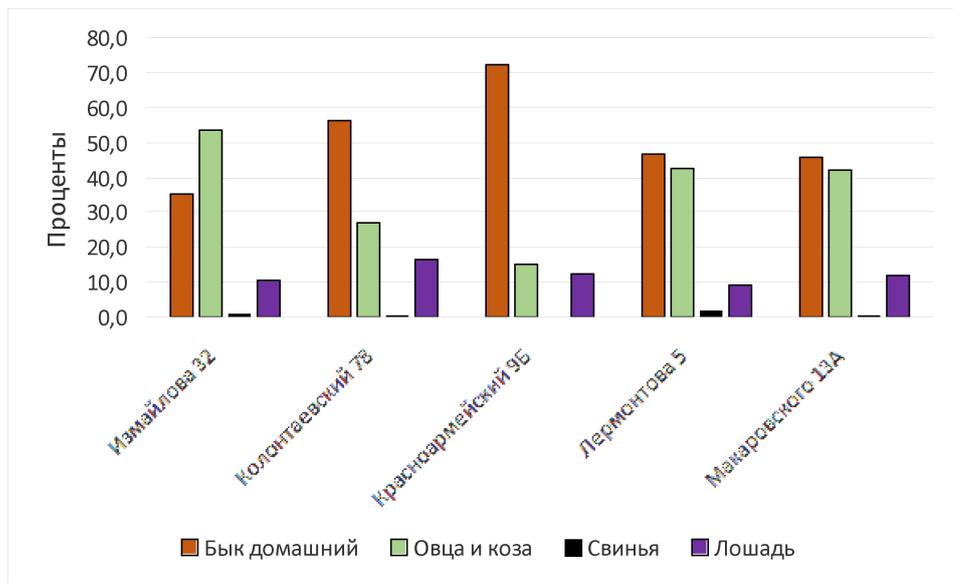

Рис. 2. Соотношение количества костей сельскохозяйственных животных на раскопах

**Археологические исследования на Таманском полуострове
в постсоветское время (1992–2016 гг.)**

С некоторой долей условности постсоветский период можно разделить на три этапа. Первый (1992–2000 гг.) был временем депрессии, снижения общего числа экспедиций и отрядов почти на треть (с 11 до 7), а также постепенного выравнивания положения к его концу. Вторым этапом (2001–2012 г.) стал временем стабилизации и дальнейшего роста объема исследований, увеличения числа экспедиций до 15–17. Третий этап (2013–2016 гг.) характерен скачкообразным ростом работ. В это время число исследовательских коллективов вдвое превысило уровень второго этапа, достигнув 34 (в 2015 и 2016 гг.).

В начале первого этапа, сразу после распада СССР, во всех сферах жизни резко изменились условия существования. В археологической практике почти полностью прекратилось бюджетное финансирование раскопок. Там, где исследования были продолжены, они производились на новостроечные средства, гранты, деньги спонсоров и заинтересованных в раскопках лиц и организаций или на собственные вложения участников экспедиций. Тем не менее, даже в условиях кризиса 1990-х годов, полевая археология на Таманском полуострове не только выжила, но проявила тенденцию к возрождению и росту. Своего рода центрами жизни, где сохранялись традиции, знания, опыт, являлись Гермонасса–Тмутаракань, Патрей, Фанагория, Ильичевское городище. Укреплению общего положения во второй половине 1990-х годов способствовало появление на таманской земле петербургских археологов, работавших на памятниках юго-западной части полуострова, у поселков Волна и Артющенко, около станицы Вышестеблиевской. Добрым знаком времени стали новые (независимые и академические) издания «Боспорский сборник» (1992–1995), «Проблемы истории, филологии, культуры» (с 1994), «Таманская старина» (1998–2002), «Древности Боспора» (с 1998). Большое значение приобрели международные научные конференции «Боспорский феномен» (с 1998) и «Боспорские чтения» (с 2000), а также «Кубанская археологическая конференция».

¹ *Паромов Яков Максимович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (г. Москва, Россия).

На протяжении первого этапа постсоветского периода археологических исследований основным источником их финансирования были новостроечные средства. Решающее влияние на общую ситуацию оказывали масштабные проектные и строительные работы по возведению перевалочного порта в районе поселка Волна, прокладке к нему железной дороги, трубопроводов и других коммуникаций. В 1996–2000 гг. раскопки большого поселения эпохи бронзы, античного и средневекового времени Волна 1, находившегося в зоне строительства порта, производились Южно-Таманской античной экспедицией Государственного Эрмитажа (ЮТАКАЭ) под руководством С.Л. Соловьева.

Второй этап постсоветского периода (2001–2012 гг.), определенный как время стабилизации и роста общего объема исследований, был характерен также заметным колебанием ежегодного числа экспедиций и отрядов – от 9 (2003) до 21 (2009). В этом сказывалась прямая зависимость деятельности новостроечных экспедиций от заказчиков (строителей и проектировщиков), часто ставивших археологов в крайне трудные условия по срокам раскопок, сезону их проведения и финансированию. В это время среди новостроечных экспедиций выделяются постоянно действующие, организованные государственными научными учреждениями, музеями, университетами и вузами страны. На них легла основная нагрузка по исследованию памятников региона, подвергавшихся природным и антропогенным разрушениям. В это же время появились небольшие отряды и экспедиции «сезонного» характера, действовавшие от различных обществ с ограниченной ответственностью, центров и ассоциаций, проводившие разведки или раскопки отдельных объектов.

Среди постоянно действовавших исследовательских коллективов, в рассматриваемое время лидирующую роль приобрела Фанагорийская экспедиция ИА РАН под руководством В.Д. Кузнецова. Следует сказать, что после распада СССР, Фанагорийское городище осталось единственным на территории России памятником античной культуры подобного масштаба. Во многом благодаря усилиям президента Российской ассоциации антиковедов академика Г.М. Бонгард-Левина, к финансированию раскопок Фанагории с 2004 г. был привлечен Благотворительный фонд Олега Дерипаска «Вольное Дело». На памятнике исследовались Верхний город, могильники (Восточный некрополь и Аллея курганов), затопленная морем часть городища, где были найдены уникальные надписи, и ближняя хора Фанагории. К концу второго этапа постсоветского периода завершилось создание научно-культурного

комплекса, включающего в себя историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», Фанагорийскую экспедицию ИА РАН и Научно-исследовательский центр.

Второе десятилетие постсоветского периода стало временем, удревнившем представления о памятниках археологии Таманского полуострова. Прежде всего это относится к палеолиту, ранней и средней бронзе, а также переходному периоду от поздней бронзы к раннему железному веку. Палеолит в Таманском регионе до этого не был известен. Картина изменилась благодаря имеющему мировое значение открытию раннепалеолитических стоянок Богатыри/Синяя Балка, Родники и Кермек у поселка За Родину. Таманские погребения эпохи бронзы были известны еще в советское время, однако ввиду малочисленности, они терялись на фоне памятников античной культуры и средневековья. В рассматриваемое время захоронения раннебронзового века, а также эпохи средней и поздней бронзы стали широко известны в связи с раскопками курганов с этими погребениями у поселка Веселовка, на горе Цымбалка, на горе Круглой, на горе Зеленской, на поселениях Волна 1 и Волна 4, рядом с поселением Виноградный 7, в курганах у Голубицкого маяка, в станице Тамань и других, расположенных в разных частях полуострова. Что особенно важно, во второе десятилетие постсоветского времени существенно расширился круг памятников с материалами и жилищно-хозяйственными остатками позднебронзового века. Следом за Патреем они были найдены на поселениях Волна 1, «Балка Хреева» и других, а также на выявленных при разведках поселениях Волна 9 и Таманский 11.

В 2001–2012 гг. экспедиции и отряды ИА РАН работали в Фанагории, на Таманском городище, в Патрее, на поселении Береговой 4. Особенно активной была деятельность ВБАЭ ИА РАН. В некоторые сезоны (2008, 2009) до шести отрядов этой экспедиции проводили разведки и раскопки на нескольких памятниках. Коллективы, организованные ИИМК РАН, работали на поселении Артющенко 1, грунтовом могильнике и поселении Артющенко 2, на раннепалеолитических стоянках у поселка За Родину; экспедиции ГМИИ проводили раскопки на Таманском городище, поселении Тамань 9 и кургане на горе Круглая (курган Гаркуша 7); две экспедиции ГИМ (Таманская и Боспорская) занимались исследованиями поселений Ахтанизовская 4 (первая), Голубицкая 2 и Стрелка 2 (вторая); экспедиции КГИАМЗ работали на Таманском городище и Тузлинском некрополе; экспедиция Ростовского университета проводила раскопки поселения

Волна 1; экспедиция Кубанского университета работала на поселении и могильнике Виноградный 7. Кроме перечисленных, еще 25 коллективов от различных учреждений и акционерных обществ занимались археологическими исследованиями на Таманском полуострове в указанное время.

На третьем этапе постсоветского периода, в 2013–2016 гг., число экспедиций и отрядов, ежегодно работавших в Таманском регионе, увеличилось более чем втрое. Причиной этого стремительного роста было строительство сухогрузного порта между мысом Тузла и мысом Панагия, но главное – возведение Крымского моста – железнодорожной и автомобильной переправы, соорудившейся в комплексе с газопроводом, линией связи и другими инженерными коммуникациями. В организации охранных археологических исследований, связанных с этим строительством, принимали участие научные учреждения, музеи, университеты, общества с ограниченной ответственностью, центры, бюро, ассоциации и другие конторы, бывшие учредителями более ста коллективов, непосредственно осуществлявших раскопки, разведки и другие виды работ на памятниках.

В 2013 г. на территории Таманского полуострова работали 24 экспедиции и отряда, в 2014 г. число этих коллективов составило 21, в 2015 г. оно резко возросло до 38, в следующем 2016 г. их количество увеличилось до 39. В это время раскопки разрушаемых при строительстве памятников достигли невиданного ранее размаха. За четыре полевые сезона (2013–2016) на поселениях и могильниках было вскрыто в общей сложности 595248 кв. м или 59,52 га. Используя привычные образы, можно сказать, что эта площадь равна 79 футбольным полям или взлетно-посадочной полосе длиной около 8 км (при ширине 75 м). Усилия и труды более ста экспедиций и отрядов принесли столь огромное количество материала различных эпох, что в настоящее время еще рано говорить о научном анализе и обобщениях этого гигантского потока артефактов и наблюдений. Можно лишь в самом предварительном виде отметить некоторые явления и тенденции, наиболее наглядно проявившиеся при раскопках древних поселений, курганов и грунтовых могильников.

Благодаря исследованиям последних лет, поселения эпохи поздней бронзы и раннего железного века приобретают значение новой главы в археологии Таманского региона. Эта тема обрела реальные очертания при раскопках таких памятников, как Волна 1 (исследования В.Г. Житникова, С.И. Безуглова, Н.С. Морозовой); «Юбилейный 14», Старотитаровская 16, «Старотитаровская 20» (раскопки О.В. Сергеевой); Ильич 1 (исследования

О.В. Шарова, С.Л. Соловьева); «Балка Хреева 1» (раскопки А.В. Дмитриева, О.В. Жупанина); «Балка Хреева 2» (раскопки А.А. Глухова); «Балка Хреева 3» (раскопки В.П. Мокрушина, Д.В. Кутукова). Заслуживают особого внимания сооружения и керамические комплексы поздней бронзы и переходного периода к раннему железному веку, открытые О.В. Шаровым в западном береговом секторе поселения Ильич 1. По мнению исследователя, они являлись частью сложной системы водоснабжения поселения сабастиновской культуры, существовавшего в XII–IX вв. до н.э., на раннем этапе протомеотского времени.

Учитывая беспрецедентные масштабы раскопок 2013–2016 гг., можно было бы ожидать, что исследования поселений могли прояснить многие вопросы их планировки и внутренней структуры. Однако этого не произошло. Можно указать лишь два позитивных примера. Первым является открытый на поселении Волна 1 единственный в своем роде большой массив жилой застройки V–II вв. до н.э. (раскопки В.Г. Житникова, С.И. Безуглова, Н.С. Морозовой). Второй – полностью изученное поселение позднего средневековья – нового времени Волна 12. Структура этого памятника выразительно представляет пастушескую деревню турецко-татарского времени такой, какими их видел и описал в XVII в. Эвлия Челеби (раскопки О.В. Шарова, Б.А. Раева, А.А. Горошникова).

В рассматриваемые годы (2013–2016) сведения о раскопках курганов эпохи бронзы (прежде всего раннебронзового века) приобрели массовый характер. Об этом свидетельствуют памятники, исследованные вблизи станций Старотитаровской (Д.А. Яцюк, 2014), Вышестеблиевской (А.Н. Гей, 2016), Курчанской (Н.Ф. Шевченко, 2016), у поселков За Родину (В.Ю. Кононов, 2013–2014), Волна (В.Г. Житников, 2014; С.М. Ильяшенко, 2015), Виноградный (Д.А. Карпов, 2016), в урочищах Колодькова Могила (П.С. Успенский, 2014), Чеботарева Могила (В.В. Цыбрий, 2016), у горы Камышеватой (Р.В. Прокофьев, 2015), у балки Хреева (И.Б. Тищенко, 2016), курганов «Могила Хуторницкая» (Р.В. Прокофьев, 2015), Тамань 83 (И.Н. Наумов, Е.П. Мыськов, 2015), Сенной 43 (А.В. Иванов, 2015). Становится очевидным, что большинство таманских курганов было возведено задолго до античного времени. На обряд ранних погребений в таманских курганах наибольшее влияние оказали культурные традиции Северного Кавказа, Прикубанья и Приазовья, а также Крыма и Нижнего Поднепровья.

Грунтовые могильники античных поселений, раскопанные в 2013–2016 гг., в значительной мере меняют сложившиеся ранее представления о

погребальном обряде и укладе жизни на Таманском полуострове в ту эпоху (прежде всего, в раннеантичное время, в VI–V вв. до н.э.). Наиболее представительными из этих памятников являются некрополи Артющенко 2 (исследуется с 2002 г. С.В. Кашаевым) и Волна 1 (раскопки И.В. Цокур, 2015–2016; П.С. Успенского, 2016). Оба памятника замечательны присутствием в них большого числа ранних погребений. По существу, к ним примыкают могильники эллинистического времени (IV–I вв. до н.э.) Волна 6 (В.В. Бочковой, 2014–2015), Виноградный 7 – «гора Чиркова 1» (Н.И. Сударев, 2015–2016; А.Н. Свиридов, 2016), «Виноградный северо-восточный 2» (А.Д. Карпов, 2016), отличающиеся разнообразием погребальных сооружений, характерными чертами обряда, составом инвентаря.

Итоги исследований 2013–2016 гг., в силу большого масштаба работ, еще не скоро станут общим достоянием. Введению их в научный оборот, кроме многих причин, препятствует также общее отставание в публикации. В этом аспекте более выгодно положение таких коллективов, как Фанагорийский научный центр, имеющий возможность с 2013 г. издавать свои «Материалы», а также экспедиции сотрудников ИА РАН, ИИМК РАН, главных музеев страны, отчасти – университетов. Итоги их работ по числу публикаций на порядок превосходят научную литературу об исследованиях временных коллективов, хотя по раскопанной площади и общему объему работ уступают этим временным коллективам в десятки раз. Эта сложная и многоплановая проблема пока представляется неразрешимой. Подводя черту, необходимо сказать, что постсоветский период археологических исследований на Таманском полуострове, несмотря на свою непродолжительность, раскрыл подлинное многообразие культурно-исторического прошлого этого региона. Благодаря исследованиям неполных трех десятилетий, были выявлены и заняли в общей картине свое место памятники каменного века, эпохи бронзы, античного времени и средневековья.

К вопросу об экономическом развитии Танаиса в постполемоновский период (I – первая половина II вв. н.э.)

По сведениям Страбона, в конце I в. до н.э. Танаис был разрушен в результате похода боспорского царя Полемона (Strab. XI.2.3). На сегодняшний день открыт ряд комплексов I – первой половины II вв. н.э. Среди них жилые и подвальные помещения, оборонительные сооружения, горизонты на городских магистралях. Однако большая их часть была разрушена в ходе строительных работ второй половины II – первой половины III вв. н.э.

Этапы восстановления города наглядно прослеживаются при анализе строительных остатков. *Первый строительный этап* охватывает I в. н.э. и характеризуется хаотичным строительством, связанным с постепенной очисткой городища от мусорных завалов.

На сегодняшний день можно говорить о 10 комплексах, в которых достаточно хорошо представлен материал I в. н.э. Кроме этого, на всех исследованных участках городища прослеживаются горизонты I в. н.э. На основном четырехугольнике городища наиболее показательными являются подвал ИО (усадебный комплекс 6, раскоп VI), помещение 1 постройки 7 (XIX раскоп), горизонт строительных работ в постройке 6 (XIX раскоп) (Arsen'eva, Fornasier 2003, s. 249; Науменко 2012, с. 64–66; Ильяшенко, Егорова 2020, с. 191–196). В западной части открыты постройки, примыкающие к оборонительной стене эллинистического времени. Среди них – комплекс помещений Б, В, Е, Ж с двором Г, постройки А, Б, В, Д (Шелов 1957, с. 22; Арсеньева, Науменко 2006, с. 23–25). В Западном городском районе также отмечается горизонт I в. н.э. (Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, с. 10, 51–54; Матера 2018, с. 300–306). Кроме этого горизонт рубежа эр – I в. н.э. прослеживаются на основных городских улицах, вымостках площадей. На основании амфорного материала, нумизматических данных можно говорить о проведении строительных работ в первой половине – середине I в. н.э. Заселенная территория в I в. н.э. совпадала с границами города эллинистического периода.

Второй строительный этап датируется рубежом I–II – серединой II вв. н.э. Всего на территории городища можно выделить порядка 15 комплексов

¹ *Преснова Надежда Николаевна* – научный сотрудник Государственного историко-археологического заповедника "Херсонес Таврический" (г. Севастополь, Россия).

с материалом первой половины II в. н.э. Среди них – подвал ЕХ (усадебная 18, раскоп VI), помещение 3 постройки 4 (раскоп XIX), башня 4 северная, башня 6 (раскопы IV, VI), горизонт в постройке 6 (раскоп XIX) (Науменко 2012, с. 66–68; Арсеньева, Науменко 2006, с. 26; Арсеньева, Науменко 2008, с. 124–130; Ильяшенко, Егорова 2020, с. 200; Гугуев, Науменко 2021).

На рубеже I–II вв. н.э. проводятся масштабные работы по восстановлению фортификации города (Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, с. 10; Шелов 1972, с. 15, 26–27, 34; Арсеньева, Науменко 2006, с. 20, 25–26; Ильяшенко 2013, с. 167). Строительные работы на основном четырехугольнике городища проходили в рамках усадеб. Большая часть усадеб перестраивалась, засыпались отдельные помещения, проходила нивелировка поверхности. При исследовании комплексов середины III в. н.э. прослеживаются горизонты III–I вв. до н.э., I в. н.э. и середины II в. н.э. (Арсеньева, Науменко 1992). Материал первой половины – середины II в. н.э. присутствует в наслоениях на основных городских улицах, переулках. Все это свидетельствует о сохранении городской застройки на основном четырехугольнике городища. Западный городской район не застраивается. Нижний город сохраняет свои границы.

В экономическом развитии Танаиса в постполемоновское время можно выделить три основных этапа.

Первый этап охватывает первую половину I в. н.э. Среди всех амфор этого времени наибольшее количество относится к амфорам гераклеяского производства. Поступление в Танаис псевдокосских широкогорлых амфор типа СI (по С.Ю. Внукову) фиксируется с середины – второй половины I в. до н.э. (Науменко 2021, с. 36). Ранний вариант данного типа представлен немногочисленными фрагментами из нивелировочных слоев рубежа эр. Основную часть находок на городище можно отнести к варианту СIб (по С.Ю. Внукову, конец первой четверти I в. н.э. – первая треть II в. н.э.) (Внуков 2003, с. 202; 2006, с. 184).

Амфоры типа СIII также присутствуют в комплексах и слоях рубежа эр – I в. н.э. По С.Ю. Внукову эти амфоры датируются 20-ми гг. до н.э. – первой третью I в. н.э. (Внуков 2003, с. 95, 202; Внуков 2016, с. 44). Наличие этого типа амфор говорит о торговых связях с Гераклеей Понтийской на рубеже эр – в самом начале I в. н.э. О количестве поступаемых сосудов данного типа судить сложно из-за их схожести с другими типами амфор гераклеяского производства (Науменко 2021, с. 36).

Большая часть находок относится к узкогорлым светлоглиняным амфорам варианта С IVA (вторая четверть – последняя треть I в. н.э.) (Внуков 2003, с. 120, 202; Внуков 2016, с. 44). По мнению С.А. Науменко, эти амфоры начинают поступать в город на рубеже эр – в начале I в. н.э. (Науменко 2021, с. 36). Они встречаются повсеместно, в закрытых комплексах, в слоях, в горизонтах улиц, в мусорных слоях.

С начала I в. н.э. в город поступают амфоры неизвестных центров производства типа Зеест 90, оранжевоглиняные амфоры. Немногочислены находки амфор синопского производства рубежа эр – первой половины I в. н.э., амфоры средиземноморских центров. В слоях I в. н.э. также присутствует краснолаковая керамика.

Анализ нумизматического материала позволяет говорить о кризисных явлениях в экономике города в первой половине I в. н.э. Сравнительно стабильное поступление монет в Танаис фиксируется только в конце правления Аспурга (14–37 гг.) (Безуглов 2001, с. 25). Однако из всех монет этого времени только пять происходят из слоя I в. н.э. (Преснова 2020, с. 73).

Таким образом, на основании имеющихся данных во второй четверти – середине I в. н.э. отмечается развитие экономических связей Танаиса.

Второй этап охватывает вторую половину I в. н.э. В это время сохраняется значение Гераклеи Понтийской как главного торгового партнера Танаиса. Продолжается поступление псевдокосских амфор варианта С Ib (по С.Ю. Внукову), узкогорлых светлоглиняных амфор подварианта С IVA₂, амфор типа Зеест 90, оранжевоглиняных амфор, краснолаковой керамики (в основном, Понтийской сигиллаты).

В конце I в. н.э. происходит смена типов узкогорлых светлоглиняных амфор. Появляются амфоры варианта С IVB (по С.Ю. Внукову, конец I – 40-е гг. II вв. н.э.) (Внуков 2003, с. 202; Внуков 2016, с. 44). В это же время в город поступают амфоры колхидского производства подвариантов Кх IB₂ (по С.Ю. Внукову, середина I в. до н.э. – последняя четверть I в. н.э.), Кх IC₁ (по С.Ю. Внукову, последняя четверть I – середина II вв. н.э.) (Внуков 2003, с. 202; Внуков 2009, р. 29–30). Это хорошо прослеживается на примере закрытых комплексов, функционирующих в самом конце I в. н.э. (например, постройка 13, помещение 1 постройки 7, раскоп XIX) (Ильяшенко, Преснова 2019, с. 114–115; Науменко 2012, с. 64). Во второй половине I в. н.э. отмечается постоянное поступление монет Котиса I (45–68 гг.), Рескупорида II (68–93 гг.) (Безуглов 2001, с. 26–29). Таким образом, с третьей четверти I в. н.э. происходит стабилизация экономики Танаиса.

Третий этап охватывает первую половину II в. н.э. В самом начале II в. н.э. продолжают поступать амфоры подварианта C IVB₂ (начало – 40-е гг. II в. н.э.) (Внуков 2016, с. 44). Фрагменты ранних форм гераклейских амфор маркируют уровень нивелировки поверхности на рубеже I–II вв. н.э. В комплексах середины II в. н.э. преобладают узкогорлые гераклейские амфоры варианта C IVС (по С.Ю. Внукову, вторая четверть – конец II в. н.э.) (Внуков 2003, с. 202; Внуков 2016, с. 44). Продолжают поступать амфоры с воронковидным горлом (Зеест 90), коричневоглиняные (колхидские) амфоры. Появляются амфоры, вероятно, боспорского производства (Науменко 2012, с. 67). Краснолаковая керамика представлена сосудами понтийского и малоазийского производства (Гугуев, Науменко 2021, с. 539–540; Ильяшенко, Егорова 2020, с. 200).

В комплексах рубежа I–II вв. – первой половины II в. н.э. преобладают монеты Савромата I (93–123 гг.). Всего на территории городища было обнаружено более 150 экземпляров. Из них большую часть составляют сестерции выпуска 108–115 гг. Встречаются также монеты Котиса II (123–132 гг.), Реметалка (131–154 гг.) (Безуглов 2001, с. 30–32).

В начале II в. н.э. Танаис окончательно восстанавливается после полемоновского разрушения. В городе проводятся масштабные строительные работы по восстановлению и укреплению линии обороны. К этому времени увеличивается объем поступаемых импортных товаров, развивается внутренний городской рынок. На протяжении I – первой половины II вв. н.э. прослеживается развитие торговых связей с Понтийским регионом (в первую очередь, с Гераклеей Понтийской). Сохраняются контакты со Средиземноморьем, Колхидой. Налаживаются экономические связи с населением Нижнего Подонья.

Литература

Арсеньева, Науменко 1992 – Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.

Арсеньева, Науменко 2006 – Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // Древности Боспора. Вып. 10. М., 2006. С. 18–61.

Арсеньева, Науменко 2008 – Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Исследования на городище Танаис в 2006 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону / Кияшко В.Я. (ред.). Вып. 23. – Азов, 2008. С. 118–130.

Безуглов 2001 – Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.): канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. – М., 2001.

Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969 – Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса 1957–1960 гг. // Античные древности Подонья-Приазовья / Шелов Д.Б. (ред.). – М., 1969. С. 6–97.

Внуков 2003 – Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). – М., 2003.

Внуков 2006 – Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (петрография, хронология, проблемы торговли). – М., 2006.

Внуков 2016 – Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2. 2016. С. 36–47.

Гугуев, Науменко 2021 – Гугуев Ю.К., Науменко С.А. Подвал II в. н.э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX) // МАИАСП. № 13. – Симферополь, 2021. С. 535–577.

Зеест 1960 – Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 83. – М., 1960.

Ильяшенко 2013 – Ильяшенко С.М. Южные ворота Танаиса // Археологические записки. Вып. 8. Р/н/Д, 2013. С. 159–177.

Ильяшенко, Преснова 2019 – Ильяшенко С.М., Преснова Н.Н. Постройка 13 постполемоновского времени на городище Танаис // ПИФК, 2019. № 1. С. 106–125

Ильяшенко, Егорова 2020 – Ильяшенко С.М., Егорова Т.В. Предварительные итоги исследований в юго-восточной части цитадели Танаиса в 2015–2018 гг. // Древности Боспора. Т. 25. М., 2020. С. 186–208.

Матера 2018 – Матера М. Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома. // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. – СПб., 2018. С. 300–306.

Науменко 2021 – Науменко С.А. Амфоры Танаиса I в. до н.э. – I в. н.э. // ŚWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasica, vol. II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea. Eds. Marcin Matera, Radosław Karasiewicz-Szczypiorski. – Warsaw 2021. P. 35–44.

Науменко 2012 – Науменко С.А. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н.э. // Вестник Танаиса, Вып. 3, 2012. С. 63–88.

Преснова 2020 – Преснова Н.Н. К вопросу о развитии Танаиса в пост-полемоновское время // ПИФК. № 2., 2020. С. 71–82.

Шелов 1957 – Шелов Д.Б. Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1496.

Шелов 1972 – Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

Arsen'eva, Fornasier 2003 – Arsen'eva T., Fornasier J. Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich // Eurasia Antiqua, Band 9. – Mainz am Rhein., 2003. S. 237–279.

Vnukov 2009 – Vnukov S.Yu. Problems of “brown clay” (Colchean) amphora studies. Typology, chronology, production centers, distribution // PATABS I. Production and trade of amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde internat. de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. – Paris, 2009 (Varia Anatolica; XXI). P. 29–32.

«Мукомольные комплексы» Танаиса II–III вв. н.э.

Термин «мукомольный комплекс» был впервые использован Д.Б. Шеловым для обозначения уникального для Танаиса на момент его открытия **помещения И** в юго-западной части городской цитадели (Шелов 1972, с. 79). В его юго-западном углу был зафиксирован «постамент», как его называют в отчетах и литературе, сделанный из камня, глины и керамики, с вмазанной в него каменной зернотеркой. В красноглиняной чашечке у основания зернотерки, а также в радиусе 1 м вокруг постамента были зафиксированы остатки обгоревшей муки. Помимо этого, в помещении были обнаружены фрагменты еще трех зернотерок других типов (в том числе переиспользованные в качестве строительного камня), приготовленное для помола зерно в амфорах и двух плетеных корзинах, а также хлебная печь (Арсеньева, Шелов 1974, с. 156–161). Спустя 20 лет был исследован подвал **помещения М**, предположительно относящегося к той же усадьбе, в котором на момент разрушения города в III в. н.э. хранилось, по подсчетам авторов раскопок, около 700–800 амфор, из которых было «39 красноглиняных боспорских амфор в основном с зерном и мукой» (пшеница, полба, ячмень, просо), а также отдельно лежащий мешок с мукой (Арсеньева 1988, с. 26).

Стационарные зернотерки, подобные найденной в **помещении И**, устанавливающиеся на специальные постаменты, известны в англоязычной традиции как *olynthus mill* — зернотерки олинфского типа. Они имели широкое распространение как географически — на территории от юга современной Франции и севера Африки до Северного Причерноморья, так и хронологически — появившись приблизительно в последней четверти V в. до н.э., в отдельных регионах (в том числе и в Танаисе) они использовались вплоть до первых веков н.э. Постепенно их сменяют ручные жернова, распространение которых связывают с экспансией Рима (Frankel 2003, p. 1).

В русскоязычной литературе принцип функционирования подобной зернотерки впервые подробно описал В.Ф. Гайдукевич в 1949 г. (Гайдукевич 1949, с. 99–100).

¹ Прокофьев Иван Алексеевич — аспирант кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Принцип действия зернотерок олинфского типа хорошо известен в том числе благодаря рельефу на мегарской чаше (Рис. 1), на котором изображен процесс мукомольного производства (Moritz 1958, fig. 1).

Двусоставные каменные зернотерки особой конструкции устанавливались на специально устроенное возвышение (переносной стол или стационарный постамент) и приводилось в движение с помощью деревянного рычага. Рычаг для своего функционирования требовал определенного пространства, поэтому постамент (в Танаисе были зафиксированы только они) чаще всего возводился в углу помещения. Кроме того, найденный *in situ* угловой постамент с установленной на нем зернотеркой в городе Гамле (территория совр. Израиля) иллюстрирует, что деревянный рычаг, приводящий зернотерку в действие, мог закрепляться в специальном отверстии в углу (Frankel 2003, fig. 5–6).

Подобные угловые конструкции читаются также, например, в планах помещений Ольвийской агоры (Славин 1975, с. 8; Крыжицкий, Бураков 1975, с. 208). Встречаются в Северном Причерноморье и отдельно стоящие каменные «столики», выполняющие схожую функцию (Зеест 1950, с. 100).

Учитывая небольшой размер раскопанной к концу 1960-х гг. части городища, Д.Б. Шелов воспринимал данный комплекс как уникальный для Танаиса. К настоящему моменту на территории городской цитадели нам известно, как минимум, об 11 похожих помещениях II–III вв. н.э. Все они были подпрямоугольны в плане и имели площадь около 10 м². Часть выделяемого Д.Б. Шеловым **помещения И**, в которой были зафиксированы атрибуты, связанные с мукомольным производством, вероятно имела схожую площадь и могла представлять изолированное от остальной части **помещения И** пространство.

В большинстве случаев подобные комплексы располагались к югу от двора (в отличие от других помещений, тяготевших к северной части усадеб). Как писал Витрувий, «житницы» не нужно ориентировать на юг, чтобы уберечь от воздействия солнечных лучей хранящееся в них зерно (Витрувий 1936, с. 25).

Нередко эти помещения были заглублены до 1 м в землю относительно поверхности двора. Кроме того, стена со стороны двора в 7 из 11 известных нам помещений не зафиксирована: вероятно, со стороны двора они были открыты. Возможно, подобные свойства помещений – заглубленность в землю и проветриваемость – в определенной степени обеспечивали пожарную безопасность функционировавшим в таких помещениях печам для выпечки

хлеба с одной стороны (печи были зафиксированы всего в 3 подобных помещениях), а также комфортную температуру для хранения муки и зерна в теплое время года, с другой стороны.

Угловые постаменты в Танаисе имели округлую или треугольную форму. Для их сооружения использовался камень. Постаменты были сложены как насухо, так и с применением глины. Иногда в дополнение к камню задействовалась также керамика. Основание зернотерок не всегда вмазывалось в постамент (по крайней мере, это не было зафиксировано во время вскрытия подобных комплексов).

Сами зернотерки олинфского типа, встречаемые в данных комплексах, имели разные подтипы. Кроме того, в Танаисе помимо зернотерок встречались и округлой формы жернова, не связанные с описываемым типом помещений.

Помимо печей, рядом с постаментами часто также обнаруживали зерно или муку, хранящуюся в различной таре: амфорах, мешках, плетеных корзинах и деревянных ящиках. Среди зерновых культур самую большую роль в Танаисе играл ячмень (Шелов 1972, с. 76). Реже встречались пшеница, рожь, полба, просо и конопля.

Стоит отметить, что, по нашим подсчетам, всего на данный момент в основной цитадели Танаиса открыты части 44 усадеб II–III вв. н.э. Таким образом, можно предполагать, что приблизительно в каждой четвертой усадьбе присутствовало подобное помещение.

Только на основе этих данных сложно судить о том, предназначалась ли заготавливаемая мука для нужд конкретных домохозяйств или для продажи. Однако необходимо отметить наличие в Танаисе значительного количества помещений подобного типа и отметить, что они имели как конструктивные отличия (заглубленность относительно поверхности двора усадьбы; наличие стены, отделяющей помещение от двора; устройство самого постамента; наличие хлебной печи), так и различное заполнение (наличие тары для хранения зерна/муки и само количество этой тары; разные типы зернотерок).

Литература и архивные источники

Крыжицкий, Бураков 1975 – Крыжицкий С.Д., Бураков А.В. Опыт реконструкции жилых домов поселения ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Козырки // Ольвия. – Киев, 1975. С. 192–219.

Арсеньева 1988 – Арсеньева Т.М. Отчет об исследованиях Нижне-Донской экспедиции Танаиса (городища и некрополя) в Ростовской области в 1988 г. – Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13759. С. 26.

Арсеньева, Шелов 1974 – Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. I. – М., 1974. С. 123–210.

Витрувий 1936 – Витрувий. Том I. Текст трактата / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. 331 с.

Зеест 1950 – Зеест И.Б. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИИМК. Вып. 33. С. 96–102.

Ильяшенко 2019 – Ильяшенко С.М. Археологические раскопки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2019 г. – Архив ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Славин 1975 – Славин Л.М. Кварталы в районе Ольвийской агоры (раскопки 1961–1970 гг.) // Ольвия. – Киев, 1975. С. 5–50.

Шелов 1972 – Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – М., 1972. 350 с.

Frankel 2003 – Frankel R., The Olynthus Mill, Its Origin, and Difusion: Typology and Distribution // AJA. No 107, 2003. 21 pp.

Moritz 1958 – Moritz L.A., Grain Mills and Flour in Classical Antiquity. – Oxford, 1958. 230 p.

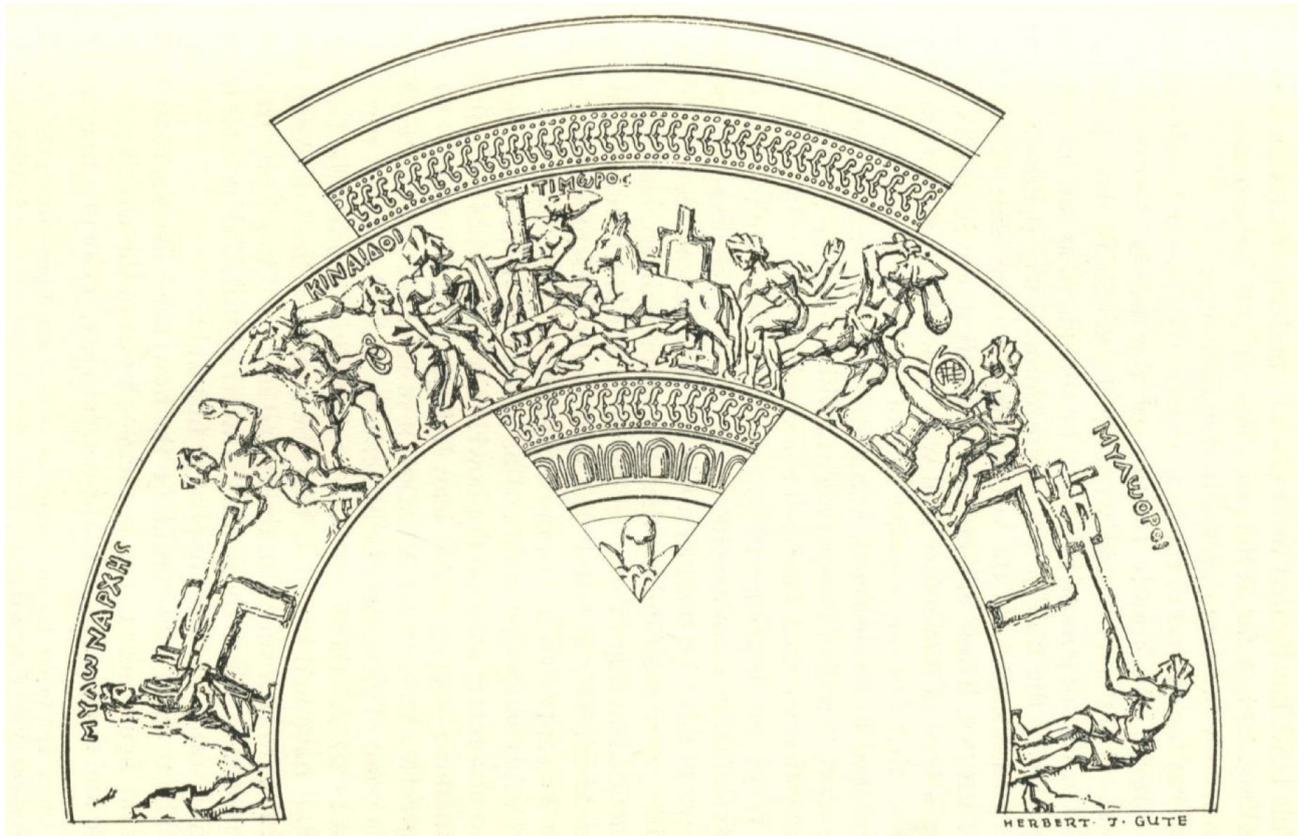

Рис. 1. Развертка рельефного изображения мукомольного производства на мегарской чаше (Moritz 1958, fig. 1)

Рис. 2. Угловой каменный постамент в помещении II–III вв. н.э. Танаиса в юго-восточной части раскопа XIX, исследованный в 2019 г. (Ильяшенко 2019, Том V, рис. 466)

Этнокультурная принадлежность погребальных комплексов элиты среднесарматской культуры

Практически с момента первых раскопок курганов в урочище Пазырык исследователями было отмечено сходство пазырыкских и среднесарматских древностей. Раев Б.А. объяснил имеющиеся сходства продвижением с востока на запад народа, который принёс в восточноевропейские степи новый «звериный стиль» и культ верховной богини. С этой миграцией он связал и некрополь Тиллятепе в Северном Афганистане (Раев 1984, с. 134–135).

Погребальную обрядность пазырыкской культуры, Тиллятепе и среднесарматской культуры характеризует ряд общих черт. Захоронения совершались в обширных, ориентированных по сторонам света могильных ямах с многослойными перекрытиями и деревянными конструкциями. Реконструируется обряд жертвоприношения коня, уходящий корнями в эпоху индоиранского единства.

Преемственность духовной культуры можно проследить на сюжетных композициях с мировым деревом. Одним из ключевых элементов таких композиций является связанное с мировым деревом женское божество. Традиция соотнесения с мировым деревом женщины имеет древние индоевропейские корни (Иванов 1974, с. 78, 137).

Изображения, связанного с мировым деревом, Великого женского божества можно видеть на большом войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана, на ажурных головных подвесках из погребения 6 некрополя Тиллятепе, на диадеме из кургана Хохлач. В женских захоронениях обнаружены причёски-парики (Ак-Алаха-3, Ханкаринский Дол) и диадемы (Тиллятепе, курганы Хохлач и 10-й Кобяковский), украшенные изображениями деревьев, фигурками птиц, оленей, козлов.

Мировому дереву в пределах одной и той же культурной традиции могут соответствовать его аллообразы (Топоров 2010, с. 210). У древних иранцев аналогом мирового дерева служил меч или кинжал – мифоритуальный символ, выражающий идею андропоцентризма. Клинковое оружие пазырыкской культуры представлено в основном условными моделями.

¹ *Прохорова Татьяна Алексеевна* – главный специалист НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар, Россия).

Подавляющее большинство найденных в Горном Алтае ножен представляют собой фигурные деревянные пластины, имеющие две пары округлых выступов-лопастей (Кубарев, Шульга 2007, с. 71, 83). Алтайским находкам типологически близки парадные кинжалы с округлым навершием, в ножнах с двумя парами боковых выступов-лопастей из мужского погребения 4 некрополя Тиллятепе и богатого комплекса, обнаруженного под насыпью кургана Дачи.

Тема война – сквозной сюжет в изобразительном искусстве рассматриваемых памятников. На ковре из 5-го Пазырыкского кургана конный воин, с прикреплённым к поясу горитом с луком, движется в направлении сидящей в кресле богини. На ажурных парных застёжках из женского погребения 3 некрополя Тиллятепе изображение царственного воина заключено в квадратную рамку. Боковые стороны и верх рамки образуются двумя стилизованными деревьями, на вершине каждого из которых птица, а под ним драконообразное существо. Сарияниди В.И. интерпретировал образ воина на застёжках как изображение Ареса-Веретрагны (Сарияниди 1989, с. 76).

Композиционный центр кобьяковской гривны составляет заключённое в рамку изображение бородатого мужчины в одеждах кочевника. Персонаж, с сосудом в руках и лежащим на коленях мечом в ножнах, сидит со скрещенными ногами на коврике. Коврики-подстилки, составленные из пучков травы, соломы, прутьев, являлись обязательным атрибутом жертвоприносительных ритуалов древних ариев (Топоров 2009, с. 143). Царственный воин, сидящий на плетёном коврике, изображён в момент совершения жертвенного возлияния. Конечным действием ритуала должно стать воздвижение мировой оси в виде меча.

Пазырыкцы не были однородны в расовом отношении. Мужские черепа из Больших алтайских курганов, содержащих захоронения представителей элиты, отличаются преобладанием монголоидных расовых черт. Среди женских останков преобладают черепа и мумии с европеоидными антропологическими особенностями (Баркова, Гохман 1994, с. 26–29). Череп из погребения 6 некрополя Тиллятепе имеет лобно-затылочную деформацию и морфологическое сходство с черепами из Тулхара (Китов, Тур, Иванов 2020, с. 177). Антропоморфные персонажи, представленные на ювелирных изделиях Тиллятепе, демонстрируют наличие монголоидных и европеоидных расовых компонент. Серия черепов из захоронений I–II вв. н.э. из курганов Нижнего Дона характеризуется наличием монголоидной примеси, хотя уже и в весьма незначительном объёме (Батиева 2011, с. 65).

Сходства и параллели, которые проявляются не только в специфических деталях погребальной обрядности, но и в стилистике ювелирных изделий, схожести техник, применяемых при их изготовлении, общности мифологической символики и тематики, а также в выявленных антропологических особенностях погребённых, являются доказательством культурной преемственности и этнической близости носителей, оставивших погребальные комплексы пазырыкской культуры, некрополь Тиллятепе и среднесарматские памятники.

Разобраться в имеющихся культурных и этнических хитросплетениях помогает реконструкция политической истории юэчжей, предложенная Боровковой Л.А. Древнекитайские хроники сообщают, что в 167 г. до н.э. сюнну разгромили царство Юэчжи, которое локализуется в Ганьсуском коридоре, убили правителя и изгнали народ. В начале 165 г. до н.э. изгнанники добрались до р. Или и, разгромив саков, расселились в долине реки. Но уже в начале 163 г. до н.э. были изгнаны сюннскими войсками и двинулись далее на запад. Примерно на рубеже 163–162 гг. юэчжи столкнулись с могущественным Греко-Бактрийским царством. Изнурённые двумя поражениями и переселениями юэчжи, скорее всего, потерпели новое поражение, но правитель Греко-Бактрии позволил им поселиться в пригодных для кочевания районах своего царства (Боровкова 2005, с. 56–58).

Здесь ими было создано кочевое царство Большое Юэчжи. После распада Греко-Бактрии на ряд владений её власть над Большим Юэчжи стала номинальной. На рубеже 100–99 гг. до н.э. централизованное кочевое царство мирно овладело раздробленной земледельческой страной. Новый правитель в 99 г. до н.э. выделил 5 подвластных ему владений-сихоу: Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь, Гаофу, расположенных на караванных путях. Имея конницу и возможность контролировать торговые пути, кочевники обогащались, что привело к их усилению (Боровкова 2005, с. 59, 77, 86, 200).

Сами правители стали проживать в столице среди бактрийской знати, без поддержки которой не смогли бы управлять многочисленным земледельческим населением. Постепенно они утрачивали связь с кочевниками, что вызывало недовольство усилившейся юэчжийской кочевой знати, которая всё меньше привлекалась к управлению государством. Это привело к расколу общества и государственному перевороту, который был совершён Гуйшуан-сихоу во втором десятилетии I в. н.э. Имя мятежного сихоу надёжно идентифицируется с Куджулой Кадфизом монетных легенд.

Боровкова Л.А. полагает, что в ходе переворота законный правитель был убит (Боровкова 2005, с. 203).

Думается, имеется достаточно оснований связать с этими событиями некрополь в холме Тиллятепе. Для захоронения останков погибшего в ходе переворота правителя и его близких были использованы заменившие курган руины древнего храма. Данное предположение позволяет рассматривать некрополь Тиллятепе как единовременный закрытый комплекс, возникший в результате трагических событий. Нумизматический материал содержался в трёх погребениях некрополя. Аурус императора Тиберия из погребения 3 датируется 16–21 гг. (Сарианиди 1989, с. 130). Он даёт узкую дату для всего некрополя, которая совпадает с датой переворота, предложенной Боровковой Л.А.

Вспыхнувшая в юэчжийских владениях-сихоу междоусобица, послужила триггером, запустившим дальнейшие исторические процессы. Она привела к смене правящей династии в самой Бактрии и вывела на историческую арену новых акторов. Л.А. Боровкова отмечает, что наименование кушаны (гуйшуаны) не этническое, а политическое и означает сторонников Куджулы Кадфиза по его титулу Гуйшуан-сихоу (Боровкова 2005, с. 203). Синхронно с произошедшими в Бактрии событиями, письменные источники с середины I в. н.э. фиксируют появление аланов. Наименование аланы, как и кушаны, не является этнонимом в современном понимании этого термина. Очевидно, под этим именем на историческую арену вышли потерпевшие поражение противники Куджулы Кадфиза. В качестве своей новой идентификации они избрали термин, эквивалентный древнему общеиранскому агуа, который был воспринят в новой фонетической форме *alana* (Габуев 1999, с. 129).

Большинство исследователей сходятся в том, что данные китайских династийных хроник о юэчжах соответствуют сведениям греко-римских авторов II в. до н.э. – II в. н.э. о тохарах (Умняков 1940, с. 184). Согласно рассказу Страбона, юэчжийская орда, подошедшая к границам Греко-Бактрии, включала асиев, пасианов, тохаров и сакараулов. Судя по тому, что перечень участников штурма Бактрии Страбон начинает с асиев, следует полагать, что именно они стояли во главе группировки, в дальнейшем возглавляли Большое Юэчжи, а затем и Бактрию вплоть до государственного переворота Гуйшуан-сихоу. Помпей Трог знал асианов, как господствующее по отношению к тохарам племя. По имеющимся обрывочным сведениям, трудно определить на каком этапе миграции асии соединились с тохарами. Если предположение, что в Тиллятепе тайно похоронен свергнутый Куджу-

лой Кадфизом правитель и его близкие верно, то тогда они и есть последние из «азиатских царей тохаров» Помпея Трога.

Прослеживаемая на археологических источниках преемственность позволяют видеть в носителях пазырыкской культуры асиев-асианов греко-римских историографов. В Бактрии пазырыкское наследие активно перерабатывалось. Бутафорское «золото» пазырыкской культуры превратилось в статусные изделия из драгоценного металла. Прежние темы изобразительного искусства претерпевали изменения, обогащались за счёт местных культурных традиций и воплощались в новых стилистических и композиционных решениях.

Таким образом, в I в. н.э. на достаточно удалённых друг от друга территориях произошли события между собой взаимосвязанные. Начало процессу положила вспыхнувшая в юэчжийских сихоу междоусобица, приведшая к власти в Бактрии тохарскую династию. Археологическим свидетельством этих событий является тайный царский некрополь в холме Тиллятепе. Одновременно с появлением в письменных источниках сообщений об аланах, в южнорусских степях появляются памятники среднесарматской культуры. Среднесарматская культура возникла здесь во второй половине I в. н.э. в уже сложившемся виде. И.П. Засецкая, отмечает, что зооморфные образы на изделиях из среднесарматских погребальных комплексов, не имеют корней в сарматском искусстве более ранней эпохи и могли появиться только вместе со своими владельцами (Засецкая 2011, с. 256–257).

Ближайшие аналогии погребальному обряду среднесарматских комплексов связаны с пазырыкской культурой, а вещевой материал находит близкое сходство с бактрийскими образцами. Этнокультурную принадлежность погребальных комплексов племенной верхушки, содержащих, выполненные в зверином стиле статусные изделия, следует соотносить с продвижением вынужденных покинуть Бактрию асиев, появившихся в степи во главе нового кочевого формирования под аланскими знамёнами.

Литература

Баркова, Гохман 1994 – Баркова Л.Л., Гохман И.И. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Археологические изыскания. Вып. 18. – СПб., 1994. С. 24–34.

Батиева 2011 – Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологические исследования). – Ростов-на-Дону, 2011.

Боровкова 2005 – Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). – М., 2005.

Габуев 1999 – Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ, 1999.

Засецкая 2011 – Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. – СПб., 2011.

Иванов 1974 – Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* – «конь» (жертвоприношение коня и дерево *asvattha* в древней Индии) // Литература и культура древней и средневековой Индии. – М., 1974. С. 75–138.

Китов, Тур, Иванов 2020 – Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Исторические процессы на Средней и Нижней Сырдарье по данным палеоантропологии рубежа нашей эры – III–IV вв. н.э. // Археология и история Кангюйского государства. – Шымкент, 2020. С. 176–185.

Кубарев, Шульга 2007 – Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.

Раев 1984 – Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач». Некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов второй археологической конференции. – Кемерово, 1984. С. 133–135.

Сарианиди 1989 – Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М., 1989.

Топоров 2009 – Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3 (кн. 1). – М., 2009.

Топоров 2010 – Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. – М., 2010.

Умняков 1940 – Умняков И. Тохарская проблема // Вестник древней истории. № 3-4, 1940. С. 181–193.

Греко-варварские отношения на Нижнем Дону в раннескифское время³

Нижний Дон и Северо-Восточное Приазовье с глубокой древности были местом соприкосновения культур. В раннескифское время здесь сложилась своеобразная культура, чьи памятники отличаются как от кавказских, так и от лесостепных, погребальным обрядом и набором инвентаря. Преобладают впускные погребения подбойной конструкции; только три из более чем 100 известных на данный момент комплексов, видимо, были основными, причем они имеют сильные кавказские черты в погребальном инвентаре. По составу инвентаря большая часть степных раннескифских погребений также отличается от синхронных памятников – как кавказских, так и от лесостепных. Знаменитая скифская триада – скифский звериный стиль, предметы конской упряжи и вооружение – представлена здесь крайне скудно или, по крайней мере, своеобразно. В этих условиях на первый план выходит керамический импорт, который способен уточнить как хронологию, так и направления межкультурных контактов на Нижнем Дону в раннескифское время.

Наиболее ранним надежно датированным погребальным комплексом в рассматриваемом регионе является погребение 5 кургана 14 могильника Красногоровка III. Расписная транспортная амфора из Красногоровского комплекса (Рис. 1: 2) В.П. Копыловым была отнесена к амфорам 1 группы клазоменских (Копылов 2009, с. 31); впоследствии правильность этого определения подтвердилась (Dupont, Skarlatidou 2012, с. 253, fig. 2). Амфоры 1 группы Клазомен архаического времени исследователи относят к 650–620 гг. до н.э. (Sezgin 2012, с. 36, 59, 74 Kla2.05). В этой связи следует указать, что и одна из амфор в раннескифском лесостепном погребальном комплексе в кургане 1 у пос. Коломак также может быть отнесена к продукции Клазомен. На сегодняшний день Красногоровский и Коломакский комплексы содержат в составе инвентаря самые ранние транспортные амфоры

¹ *Русаков Михаил Юрьевич* – младший научный сотрудник лаборатории археологии Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону, Россия).

² *Русакова Анастасия Александровна* – главный хранитель фондов Учебного музея археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета; младший научный сотрудник лаборатории археологии Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону, Россия).

³ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

в погребальных комплексах Северного Причерноморья, маркируя начало греко-варварских контактов в Причерноморье. Вторая амфора (Рис. 1: 3) относится к I группе самосских амфор и датируется Ю. Сезгином 630–600 гг. до н.э. (Sezgin 2012, с. 180–181, 190, 196 Sam1.19). Таким образом, весь комплекс может быть датирован последней четвертью VII в. до н.э.

Милетская транспортная амфора (Рис. 1: 1) присутствует в инвентаре погребения 8 кургана 7 группы Новоалександровка-I. Р.М. Кук и П. Дюпон относили данный тип амфор ко второй – третьей четверти VI в. до н.э. (Cook, Dupont 1998, с. 170–171, рис. 23.7b), С.Ю. Монахов – к середине VI в. до н.э. (Монахов 2003, с. 32). Совсем иную дату предлагает Ю. Сезгин: амфора из Новоалександровки отнесена им к типу M₁L2 и датирована 650–600 гг. до н.э. (Sezgin 2012, с. 160). Ту же дату предлагает и М.Н. Дараган, отметив, что амфоры указанного типа не встречаются в комплексах VI в. до н.э. (Дараган 2010, с. 189). Таким образом, погребение № 8 кургана № 7 могильника Новоалександровка-I предпочтительнее датировать временем не позднее конца VII в. до н.э.

Еще одна амфора происходит из погребения 25 кургана 1 могильника Хапры (Рис. 1: 4). Изначально она была отнесена С.Ю. Монаховым к кругу Клазомен (Монахов 2003, с. 54, 263). Помимо амфоры в погребальном комплексе находился колчанный набор с большим количеством наконечников стрел разных типов. Ю. Сезгин ранее относил амфору из Хапровского комплекса к ионийским амфорам группы гамма и датировал концом VII – первой половиной VI в. до н.э. (Sezgin 2012, с. 286, 290, 292 İonia.γ.15). Недавно амфора была отнесена к производству Теоса, при этом датировка осталась прежней (Sezgin 2017, с. 24, 27, 36 fig. 22).

Ионийская столовая амфора (Рис. 1: 7) из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай-I авторами раскопок датирована второй половиной VI в. до н.э. (Дьяченко и др. 1999, с. 96, рис. 5) А.Ю. Алексеев и М.Ю. Вахтина датируют амфору 560–500 гг. до н.э., а само погребение, на основании комплекса вещей, серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Алексеев 2003, с. 202) В.П. Копыловым была предложена другая дата – первая половина VI в. до н.э. (Копылов 2001, с. 22) С ним согласна М.Н. Дараган, которая указывает, что Е. Вальтер-Карида датирует амфоры, аналогичные сосуду из погребения 3, первой половиной VI в. до н.э. (Дараган 2010, с. 194). К этому же времени, по С.В. Полину, относится колчанный набор указанного погребения, где соседствуют наконечники первой и второй хронологических групп (Полін 1987, с. 31).

Еще один комплекс с греческим импортом – погребение 10 кургана 2 могильника Бушуйка. В погребении представлена архаическая столовая амфора (Рис. 1: 5), которая В.П. Копыловым отнесена к милетской продукции и датирована временем не позднее середины VI в. до н.э. (Копылов 2003, с. 136) Это определение подтверждается сходным орнаментом на горлах милетских амфор, отнесенных Ю. Сезгином к типу Mil5 (Sezgin 2012, с. 173).

В процессе исследования памятника «Поселение Кулешовка II» в погребении 150 была обнаружена расписная ойнохоя (Рис. 1: 6), датированная авторами публикации VI–V в. до н.э. (От Азова до Моздока... 2019, с. 86–88) Роспись ойнохой имеет очевидное сходство со столовой амфорой из погребения Бушуйка, что позволяет датировать ее временем не позднее середины VI в. до н.э.

Еще два сосуда были открыты в разрушенных комплексах на севере Ростовской области. Первый – фрагмент горла фигурной вазы, заканчивавшейся головой барана (Рис. 1: 10). Он был обнаружен в кургане близ бывшей слободы Криворожье, в Донецком округе, на берегу реки Калитвы (Книпович 1949, с. 7). Курган случайно раскопан при добыче камня в 1869 г. При обследовании выяснилось, что погребение было совершено под невысокой (0,35 м) насыпью в деревянной сожженной гробнице на уровне древнего горизонта. Здесь найден массивный золотой цилиндр с отогнутыми наружу верхним и нижним краями, два небольших кувшинчика, верхняя часть самосского кувшина, украшенная головой барана, и серебряная головка быка. Данный комплекс на основании верхней части кувшина Т.Н. Книпович датировала временем не позже начала VI в. до н.э. (Книпович 1934, с. 101) Позднее В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин отнесли комплекс к концу VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 90).

Еще один фрагмент верхней части ионийской вазы, выполненной в виде головы быка (Рис. 1: 9), происходит из разрушенного кургана у хут. Большого на р. Цуцкан, приток р. Чир в бывшем Хоперском округе (Книпович 1934, с. 94). По мнению В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, этот сосуд относится к середине или последней трети VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 90).

Единственная близкая аналогия сосудам с головами животных издана Дж. Бордманом, который утверждает ее хиосское происхождение и датирует временем не позднее конца VII в. до н.э. (Boardman 1998, с. 145, 160 fig. 312). Как представляется, именно этой датой необходимо руководствоваться при датировании Хоперского и Криворожского комплексов.

Случайной находкой является небольшой кувшинчик из разрушенного погребения в районе х. Дугино, расположенного в дельте Дона (Рис. 1: 8). Судя по сохранившейся части, сосуд имел невысокое горло и вертикальную ручку. Тулово кувшинчика украшено горизонтальными поясами лака красного цвета. Авторами публикации данный сосуд был определен как продукция Милета и датирован первой половиной VI в. до н.э. (Копылов, Коваленко 2006, с. 183–184). А.В. Буйских относит подобные миниатюрные ольпы к ионийской полосатой керамике и датирует временем не позднее середины VI в. до н.э. (Буйских 2013, с. 131, 364, рис. 116).

Международные контакты на Нижнем Дону в архаическое время фиксируются также по материалам, обнаруженным в ходе сборов на побережье Таганрогского залива. Это фрагменты транспортных и столовых сосудов восточно-греческого производства. Амфорная тарная керамика представлена сосудами из Милета, Клазомен, Хиоса и Лесбоса (Копылов, Ларенок 1994, с. 48–59; Korylov, Andrianova 2010, с. 75; Далли и др. 2013, с. 59–71; Зенюк и др. 2015, с. 10–13). Фрагменты расписных столовых сосудов также имеют ионийское происхождение.

Таким образом, материалы греческой керамики из погребений раннескифского времени и береговых сборов свидетельствуют, что начало греко-варварских отношений в Подонье-Приазовье относится ко второй половине VII в. до н.э. В этот период поставки греческих товаров на Нижний Дон еще не носят систематического характера, а скорее играют роль даров для установления отношений с варварской верхушкой региона. Такие поставки, по всей видимости, осуществлялись через Таганрогское поселение, существовавшее в третьей четверти VII – третьей четверти VI вв. до н.э.

Литература

Алексеев 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб., 2003. 416 с.

Буйских 2013 – Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). – Киев, 2013. 456 с.

Далли и др. 2013 – Далли О., Хьюи С., Ларенок В.А., Шунке Т. Керамические находки из Таганрога в музее Танаиса. Археологические записки. Вып. 8, 2013. С. 59–71.

Дараган 2010 – Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой могилы // Античный мир и археология. Вып. 14, 2010. С. 175–202.

Дьяченко и др. 1999 – Дьяченко А.Н., Меиб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2, 1999. С. 93–127.

Зенюк и др. 2015 – Зенюк Д.И., Польшин В.В., Толочко И.В. Новое античное поселение у Чумбур-косы // Большой Ромбит. Сборник статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Вып. 2. – Ейск, 2015. С. 8–17.

Ильинская, Тереножкин 1983 – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев, 1983. 380 с.

Книпович 1934 – Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII–V вв. до н.э. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 104, 1934. С. 90–110.

Книпович 1949 – Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. – М.–Л., 1949. 180 с.

Копылов 2001 – Копылов В.П. Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII в. до н.э. – третья четверть VI в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции. – Ростов-на-Дону, 2001. С. 20–24.

Копылов 2003 – Копылов В.П. Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (вопросы хронологии и военно-политической истории) // Вестник древней истории. № 1, 2003. С. 131–140.

Копылов 2009 – Копылов В.П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III вв. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 28–38.

Копылов, Коваленко 2006 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. Комплексы архаического времени в дельте Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. – Азов, 2006. С. 181–186.

Копылов, Ларенок 1994 – Копылов В.П., Ларенок П.А. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 гг.). – Ростов-на-Дону, 1994. 92 с.

Монахов 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. – М.; Саратов, 2003. 352 с.

От Азова до Моздока... 2019 – От Азова до Моздока. Краткие итоги археологических исследований на объектах ПАО «ФСК ЕЭС» в 2017–18 гг. – Ростов-на-Дону, 2019. 134 с.

Полін 1987 – Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59, 1987. С. 17–36.

Boardman 1998 – Boardman J. Early Greek Vase Painting: 11th–6th Centuries BC. A Handbook. – London, 1998. 287 p.

Cook, Dupont 1998 – Cook R.M., Dupont P. East Greek pottery. – London; New York, 1998. 226 p.

Dupont, Skarlatidou 2012 – Dupont P., Skarlatidou E. Archaic Transport Amphoras from the First Necropolis of Clazomenian Abdera // Archaic Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (700–480 BC). Proceedings of the Archaeological Meeting Thessaloniki, 19–22 May 2011. – Thessaloniki, 2012. P. 253–264.

Kopylov, Andrianova 2010 – Kopylov V., Andrianova N. L'embouchure du Fleuve Tanaïs, une région de contacts internationaux actifs Est-Ouest // Routes du monde et passages obligés. De la protohistoire au haut Moyen Âge. Actes du colloque international d'Ouessant (27–28 septembre 2007). – Quimper, 2010. P. 69–84.

Sezgin 2012 – Sezgin Y. Ionian trade amphorae of archaic period. – Istanbul, 2012. 344 p.

Sezgin 2017 – Sezgin Y. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia. No. 43, 2017. P. 15–39.

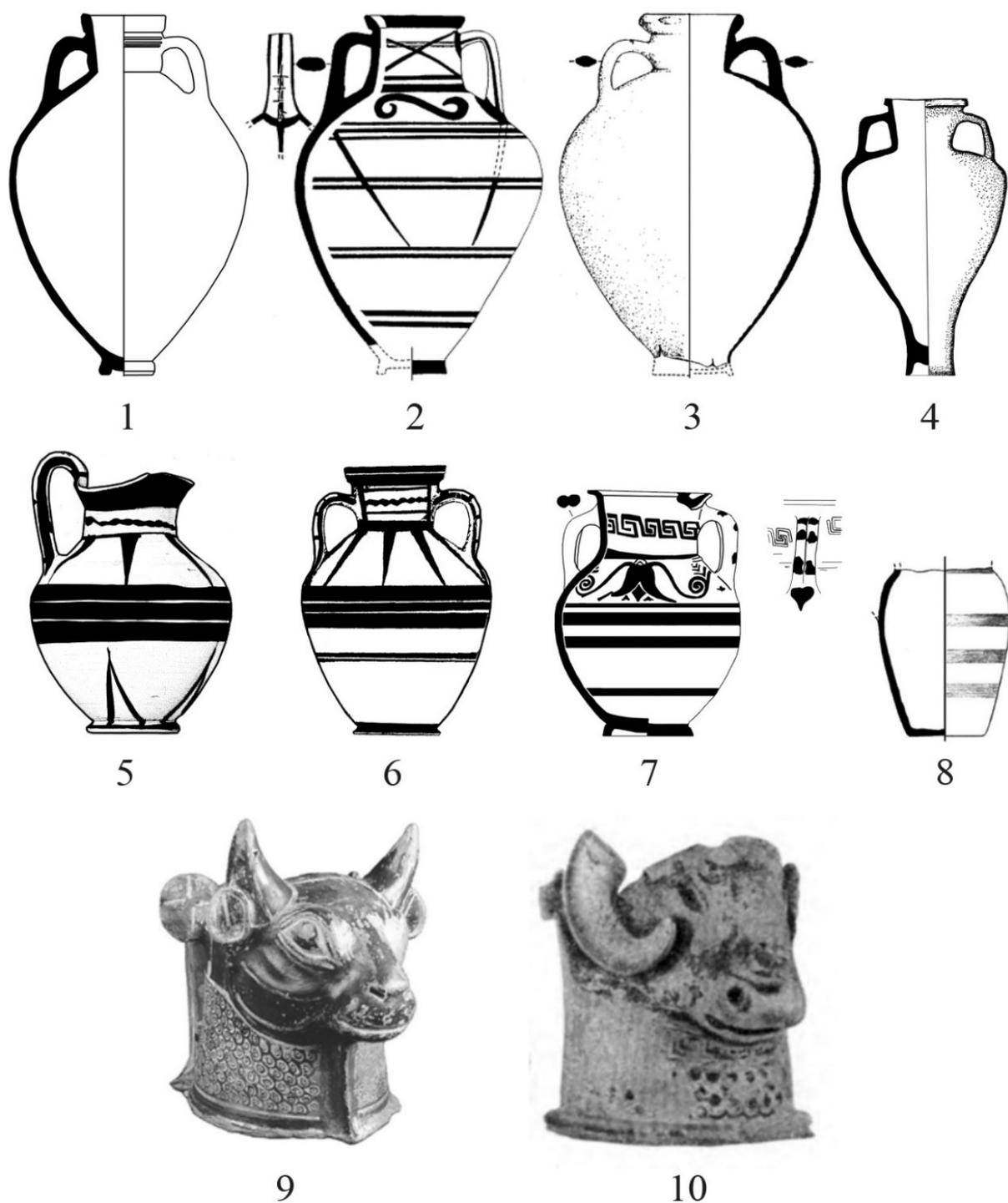

Рис. 1. – Греческая керамика из комплексов раннескифского времени на Нижнем Дону: 1 – погребение у с. Новоалександровка I; 2,3 – погребение Красногоровка III; 4 – погребение Хапры; 5– погребение Бушуйка; 6 – погребение у с. Кулешовка; 7 – погребение Аксай I; 8 – случайная находка у х. Дугино; 9 – погребение у х. Большого на р. Цуцкан; 10 – погребение у сл. Криворожье

К вопросу о существовании культа Диониса на Нижнем Дону

Культ Диониса своими корнями уходит в глубокую древность. Его истоки в первобытных оргиастических верованиях, касающихся процессов рождения и умирания всего живого. Возникновение дионисийских верований происходило практически одновременно на различных территориях: во Фракии, Малой Азии и на о. Крит. Отсюда и деление культа Диониса на материковый и островной (Иванов 1994, с. 124).

Основными атрибутами материкового дионисийского культа являются растения, животные и предметы, чаще всего упоминаемые при описании обрядовой стороны этих верований: плющ, змея, пчела, козел, олень, небрида, лиса, светоч, тирс, фаллос, маски. Символами островного культа выступают бык, дельфин, рыба, двойной топор, виноградная гроздь, канфар, кратер.

Издревле существовал женский оргиастический коррелят бога Диониса – Артемида во Фракии, Деметра и Персефона в Аттике, Афродита на Кипре, Кибела во Фригии.

Распространение прадионисийского фракийского материкового культа в Северном Причерноморье, вероятно, следует связать с появлением киммерийцев в этом регионе. Они взаимодействовали с фракийцами как на Балканском полуострове, куда они проникли, продвигаясь по территории Северного Причерноморья; так и в Малой Азии, куда в более раннее время переселилось несколько фракийских племен. (Ростовцев 2003, с. 30).

Появление культа Диониса в Северо-Восточном Приазовье в позднеархаическое время связано с проникновением первых греческих переселенцев в этот регион из Милета и основанием в районе города Таганрога в третьей четверти VII в. до н.э. колонии Кремны. Среди находок Таганрогского поселения обращают на себя внимание фрагменты амфорной тары и столовой керамики, среди которых наибольший интерес вызывают фрагменты расписных киликов с орнаментом в виде «птиц и ромбов», сосудов стиля «диких козлов» из североионийских мастерских, фрагмент крупного расписного сосуда с изображением быка (Рис. 1: 1) (Копылов, Ларенок 1994, с. 74, таб. 28, 1).

¹ *Суворова Надежда Игоревна* – старший научный сотрудник ГБУК РО "Азовский музей-заповедник" (г. Азов, Россия).

Большой интерес в связи с этим вызывает амфорный симпозиальный остракон середины VI в. до н.э. с застольным характером надписи в виде граффито: «Жажда (веселья)! Страстно желаю и я и (награды ныне) славные стяжал» (Рис. 1: 2) (Виноградов 1999, с. 179).

Вероятно, с существованием милетской колонии Кремны нужно связать находку фрагмента расписной ионийской ойнохойи с головой быка середины VII в. до н.э., хранящейся в Новочеркасском музее истории Донского казачества (Рис. 1: 3) (Археологические находки Донского музея 2021, с. 242). Поскольку во рту и носу быка есть сквозные отверстия, ойнохойя, по-видимому, выполняла роль ритона. Она могла использоваться не только вовремя симпосиев, но и в ритуальных целях для жертвенных возлияний.

К косвенным свидетельствам распространения дионисийского культа на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. относятся некоторые находки из Елизаветовского городища и могильника. Это, прежде всего, симпозиальная керамика, обнаруженная в погребениях и на городище: килики, скифосы, канфары, ритоны, кратеры с изображением Диониса, Геракла, танцующих менад и сатиров, сцены суда и жертвоприношений в подземном царстве (Рис. 1: 4) (Брашинский 1980, с. 50).

Ярким свидетельством распространения дионисийского культа среди жителей Елизаветовского городища стало открытие эллинского культового комплекса IV–III вв. до н.э. (Копылов 2015, с. 121). Среди множества его находок наибольшее внимание в данном случае заслуживают терракотовая курильница, выполненная в виде синкретического бога Диониса-Бэса, терракотовые статуэтки Кибелы, Аттиса и множество фрагментов протом Деметры (Рис. 1: 5).

В первой четверти III в. до н.э. греческая колония на Елизаветовском городище прекращает свое существование. Сложные политические процессы, повлекшие за собой разрыв устоявшихся экономических отношений и изменения в хозяйственной и общественной жизни местного населения, не смогли существенно повлиять на наиболее консервативную и традиционную составляющую духовной жизни людей – религиозную. Культ Диониса, уходящий корнями в глубокую древность, получает распространение в новой греческой колонии – Танаисе, основанном в первой четверти III в. до н.э. Косвенным подтверждением этого являются находки чернолаковой керамики III–II вв. до н.э., среди которой преобладают сосуды для питья: скифосы, канфары, кубки и кратеры (Рис. 1: 6) (Егорова 2019, с. 169).

Среди находок эллинистического времени Танаиса выделяются фрагменты «мегарских» чаш с орнаментом в виде виноградных лоз, два пантикапейских тетраалка 90–80 гг. до н.э. с изображением головы Диониса на лицевой стороне и треножника и тирса – на оборотной, а также предметы коропластики: маски бородатого Диониса, марионетка, фрагмент курильницы в виде быка, фрагменты терракотовых протом и статуэток Деметры и Кибелы, сопрестольниц бога Диониса, фрагмент рельефа, сюжет которого можно интерпретировать как «несение Диониса» (Рис. 1: 7) (Суворова 2013, с. 188).

В ходе археологических исследований в Танаисе было обнаружено множество предметов, прямо или косвенно подтверждающих существование дионисийского культа в римское время. Это предметы коропластики: фрагменты масок Диониса, сатира и Пана; фигурных сосудов в виде силена и юного Диониса; фрагмент бюста сатира; фрагменты животных-символов дионисийства – дельфина и оленя, терракотовые статуэтки Деметры, Афродиты, Кибелы – женских коррелятов Диониса, фрагменты марионеток, изображающих жрецов, жертвователей и мистов (Рис. 2: 1). Причем, девять из вышеупомянутых предметов были обнаружены в погребениях, что подчеркивает хтоническую составляющую этого культа.

Большой интерес представляет глиняная погремушка, изображающая лежащего в колыбели обнаженного младенца (Рис. 2: 2). Возможно, она была культовым шумовым музыкальным инструментом, изображающим Диониса-младенца в «ликноне» (люльке в виде корыта).

Уникальной культовой находкой, безусловно, является декоративная трапезофора мраморного ритуального столика с изображением головы быка (Рис. 2: 3) (Арсеньева, Науменко 2001, с. 62, рис. 26–29). Изображение букрания и конного всадника с ритонном у алтаря известно на мраморной плите начала II в. н.э., посвященной празднованию «Дня Танаиса» участниками религиозного фиаса, почитающего Бога Высочайшего (Книпович 1949, с. 118).

Сближает Бога Высочайшего и Диониса их хтоническая сущность. В 1968 году в погребении подростка был обнаружен сосуд с граффито $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\tau\iota\ \acute{\iota}\epsilon\rho\epsilon(\acute{\iota})\alpha$, которое Ф.В. Шелов-Коведяев интерпретировал как «приношение Фанету», под именем которого орфики подразумевали хтонического Диониса, Аттиса и Митру, т.е. синкретическое божество, которое вероятно, можно отождествить с именем Бога Высочайшего и Внемлющего (Рис. 2: 4) (Шелов-Коведяев 2019, с. 204).

В другом детском погребении III в. н.э. был обнаружен краснолаковый кубок с посвятительной надписью Εὐλεός μοι ο Θεός («(Да будет) милостив ко мне бог») (Рис. 2: 5) (Ильяшенко, Толочко 1993, с. 180). Здесь же была обнаружена терракотовая статуэтка Великой Богини Матери, что позволяет отождествить надпись на сосуде с посвящением ее мужскому корреляту – Богу Высочайшему.

Далеким отголоском дионисийского культа можно назвать и теофорное имя Διονύσιος , упоминавшееся несколько раз на каменных плитах в списках участников религиозных фиасов Танаиса (Книпович 1949, с. 156).

При исследовании нижнедонских городищ античного времени и их некрополей также были обнаружены предметы с дионисийской символикой: фрагмент дна краснолакового блюда II в. н.э. со сценой жертвоприношения из Нижне-Гниловского городища; терракотовая статуэтка I в. н.э, изображающая подземного Гермия, спутника Диониса, из некрополя Крепостного городища, а также уникальный кубок с полихромной росписью, изображающей Диониса и сатира из некрополя Кобяковского городища (Рис. 2: 6) (Ларенок 2016, с. 76).

Дионисийская символика присутствует на археологических находках из курганов, расположенных на Нижнем Дону. На двух фиалах из курганного могильника «Ново-Александровка-I» в центре рельефный медальон с позолоченным изображением головы Горгоны Медузы, вокруг которой располагались животные, имеющие отношение и к культу Диониса: лев, олень, пантера и собака. На медальоне третьей фиалы был изображен бюст богини Артемиды в профиль, известной и как сопрестольницы этого бога (Рис. 2: 7). Ручка серебряного лутерия, обнаруженного здесь же, была выполнена в виде пантеры. На предметах одного сервиза мы можем видеть смешение материкового и островного с малоазийскими элементами дионисийского культа.

Таким образом, мы можем говорить о том, что символика дионисийского культа была популярна и среди негреческого населения Нижнего Дона. Возможно, это свидетельствует о смешении населения, об эллинизации верхушки общества, которая восприняла некоторые элементы греческой культуры, а также об изменении дионисийского культа, превращении его, возможно, в синкретический, общий для многих народов данного региона, культ Бога Высочайшего.

Литература

Арсеньева 2007 – Арсенъева Т.М. Некоторые итоги работ в Танаисе // Вестник Танаиса. Выпуск 2. – х. Недвиговка Мясниковского района Ростов-

ской области, 2007. С. 13–22.

Арсеньева, Науменко 2001 – Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. Выпуск 4. – М., 2001. С. 56–124.

Археологические находки Донского музея 2021 – Археологические находки Донского музея. Каталог коллекции Х.И. Попова (Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи, примечания и комментарии). – Ростов-на-Дону, 2021. 272 с.

Брашинский 1980 – Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. – Л., 1980. 268 с.

Виноградов 1999 – Виноградов Ю.Г. Остракон с Таганрогского поселения (Эпиграфический комментарий) // Вестник древней истории. № 4 (231). 1999. С. 176–179.

Егорова 2019 – Егорова Т.В. Чернолаковая керамика из раскопок западного городского района Танаиса (по материалам раскопа XXV) // Вестник Танаиса. Выпуск 5. Том 1. – Ростов-на-Дону, 2019. С. 168–187.

Иванов 1994 – Иванов В.И. Дионис и прадионисийство – СПб., 1994. 350 с.

Ильяшенко, Толочко 1993 – Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса // Вестник Танаиса. Выпуск 1. – Ростов-на-Дону, 1993. С. 176–187.

Книпович 1949 – Книпович Т.Н. Танаис. – М.–Л., 1949. 180 с.

Копылов 2015 – Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Выпуск XXXI. – Керчь, 2015. С. 121–134.

Копылов, Ларенок 1994 – Копылов В.П., Ларенок П.А. Таганрогское поселение. Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. – Ростов-на-Дону, 1994. 92 с.

Ларенок 2016 – Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000–2001, 2002, 2004 гг. Часть II. – Ростов-на-Дону, 2016. 448 с.

Ростовцев 2003 – Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – М., 2003. 160 с.

Сокровища сарматов 2008 – Сокровища сарматов. Каталог выставки. Санкт-Петербург–Азов, 2008. 176 с.

Суворова 2013 – Суворова Н.И. Случайная находка у с. Синявское // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону.

Вып. 27. – Азов, 2013. С. 184–189.

Шелов-Коведяев 2019 – Шелов-Коведяев Ф.В. Не Фан, но Фанет // Вестник Танаиса. Выпуск 5. Том. 2. – Ростов-на-Дону, 2019. С. 203–207.

Рис. 1. Находки VII–I вв. до н.э. на Дону: 1 – фрагмент расписного сосуда из Кремн (по Копылов, Ларенок 1994: 74, таб. 28, 1); 2 – амфорный остракон VI в. до н.э. (по Виноградов 1999: 177, рис. 1); 3 – фрагмент расписной ойнохойи (по Археологические находки Донского музея 2021: 242); 4 – симпозиальная расписная керамика из Елизаветовского городища и могильника (по Брашинский 1980: 220); 5 – терракотовые статуэтки из культового комплекса (по Копылов 2015: 134, рис. 3, 5, 7, 8); 6 – чернолаковая ойнохойя из Танаиса (по Арсеньева 2007: 19, рис. 2, 3); 7 – фрагменты предметов коропластики из Танаиса (по Суворова 2013: 185, рис. 1).

Рис. 2. Находки римского времени с территории Нижнего Дона: 1 – предметы коропластики из Танаиса (фото автора); 2 – терракотовая погремушка (фото автора); 3 – мраморная трапезофора (по Арсеньева, Науменко 2001: 62, рис. 26); 4 – сосуд с граффито (по Шелов-Коведяев 2019: 207); 5 – краснолаковый кубок с *dirinti* (по Ильяшенко, Толочко 1993: 185); 6 – кубок с полихромной росписью из некрополя Кобяковского городища (по Ларенок 2016: 328, фото 2); 7 – серебряные фиалы из курганного могильника «Ново-Александровка I» (по Сокровища сарматов 2008: 133).

Супренков А.А.¹, Ковальчук А.В.²

Городище Сююрташ в Крымском Приазовье. Краткая археологическая характеристика восточной части памятника по результатам работ 2010–2022 гг., вопросы импорта и хронологии³

Экономический кризис, поразивший экономику Боспора в III–II вв. до н.э. и повлекший за собой снижение объёмов внешней торговли с крупными центрами Греции является общепринятым фактом в отечественной историографии (Гайдукевич 1949, с. 78; Кругликова 1975, с. 98). «Тёмный» период боспорской истории нашёл отражение и в археологии Восточного Крыма, где существенная часть неукреплённых сельских поселений IV–III вв. до н.э. в это время прекращает своё существование, сменяясь городищами на возвышенностях с мощной фортификацией. Эталонным памятником подобного «нового» типа можно считать городище Золотое Восточное (Сююрташ 1)⁴ в Крымском Приазовье. Это укреплённое поселение, расположенное в 5 км к востоку от с. Золотое Ленинского района и к северу от урочища Сююрташ и бывшей татарской деревни, было впервые исследовано И.Т. Кругликовой в 50-ые гг. прошлого столетия (Кругликова 1975, с. 99). В 1989–92 гг. А.А. Масленниковым была раскопана его западная часть на площади около 2000 кв. м. (Масленников 1998, с. 90–100). Оба исследователя отмечали «солидность» оборонительных стен этого памятника периода позднего эллинизма, при скромном облике как прочих построек, так и археологического инвентаря.

Начиная с 2010 г. автором ведутся раскопки восточной части поселения, их площадь за этот период превысила 2500 кв. м. (Рис. 1). В ходе работ была выявлена несложная стратиграфия, представленная двумя основными слоями: слоем 1 – светло-коричневой супесью, насыщенной завалами камней и

¹ *Супренков Александр Анатольевич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва, Россия).

² *Ковальчук Анна Витальевна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН (г. Москва, Россия).

³ Статья написана в ходе работы над проектом РНФ № 23-28-01503 “Керамические клейма сельских поселений Крымского Приазовья IV–III вв. до н.э. как исторический источник”.

⁴ В археологической учётной документации существует несколько памятников, включающих в свою номенклатуру наименование «Золотое Восточное». Для определённости будем использовать в дальнейшем его «второе» название.

керамикой, которая выявлялась в основном в заполнении помещений и частично за их внешними стенами и слоем 2 – светло-серой супесью, образовавшейся, по всей видимости, после прекращения жизнедеятельности на поселении. Отдельно стоит отметить слой 3 – серую золистую супесь, сильно насыщенную фрагментами керамики и раковинами мидий, являющуюся предположительно остатками зольника, который перекрыл отдельные постройки городища в определённый период его функционирования.

Что касается исследованных построек, отметим, что застройка раскопанного участка осуществлялась по направлению север–юг на участке, где между двух практически параллельных скальных выступов материком был песок, в который и заглублялись основания стен. Открытые нами строения можно разделить на несколько групп по назначению и по строительным периодам, хотя оговоримся, что это деление условно – жизнедеятельность на поселении носила, по-видимому, непрерывный характер.

Прежде всего, скажем о постройках *оборонительного* назначения, основополагающих для этого укрепленного городища. Это, по всей видимости, группа стен №№ 1-5 на севере участка, раскопанная в первый же год работ (Рис. 1.1). Их протяжённость достигала 18 м при ширине до 3,3 м и сохранившейся высоте до 2 м. Примерно в центре конструкции располагался вымощенный проход шириной около 2 м. Первоначально оборонительный характер всей этой конструкции не вызывал сомнений. Однако последующие исследования показали, что стена не имела продолжения ни на западе, ни на востоке, и, в сущности, ничего не прикрывала. Можно предположить, что она должна была замыкать оборонительную систему этого участка поселения на севере, но древние строители наткнулись на выход скалы, который делал фундамент неустойчивым. Тем не менее, строение было доведено здесь до логического завершения в виде сложной конструкции. Не имея выраженного функционального назначения, стена могла стать частью общественно-сакрального комплекса (см. ниже.).

Стена № 52 (Рис. 1.2) – юго-восточная оборонительная стена городища мощностью до 3 м была нами открыта на протяжённости более 20 м. Что характерно, она также обрывалась на северо-востоке без какого-либо продолжения. Видимо, восточный край городища был естественным образом укреплен рельефом местности. Здесь же нами зафиксированы следы отпиливания скальных блоков, это делало природный обрыв более неприступным.

Интерпретируя постройки на участке поселения к югу от стен №№ 1-5, будем помнить о той условности и субъективности, которая всегда неизбежна в процессе выявления сельских святыщ (Масленников 2007, с. 3–4). В 10 м к югу от стены с проходом нами было обнаружено большое (10x4 м) помещение № 2 (Рис. 1.3), стены которого не смыкались. И на севере, и на юге в них имелся разрыв, расположенный примерно напротив прохода в большой стене. В северном проёме находилась большая (7x2 м) овальная яма. В её заполнении была найдена почти целая терракотовая статуэтка Кибелы (Рис. 2.1). Похожая яма, но меньших размеров, находилась в 5 м к северу. К югу от помещения № 2 располагался участок примерно равного ему по площади частично огороженного пространства с вымосткой и крупной (5x5 м) ямой неясного назначения. В 10 м к юго-западу от стены № 1 было исследовано ещё более необычное помещение № 1 (10x3 м), состоящее из двух разноуровневых частей (Рис. 1.4). Верхняя была огорожена стенами из подработанных известковых плит, поставленных на ребро, нижняя – из обычных. К его восточной стене была пристроена конструкция из нескольких ям, условно названная нами алтарём.¹ Неординарность построек, наличие терракот, большое количество золы, раковин мидий, привозной красной гальки и некоторые другие факторы позволили нам предположить, что мы имеем дело с остатками строений *сакрально-общественного назначения* (Супренков, Прокопенко, Требухина 2019, с. 256–262).

Жилые постройки на исследованном участке поселения были представлены в основном двумя строительными комплексами. Один из них – комплекс № 1 (Рис. 1.5) состоял из помещений №№ 4–5 (Супренков 2018, с. 134–142). Эта два небольших помещения размерами 5x4 и 4x3 м имели очень скромную планировку и общий вымощенный двор. Признаки перекрытия зданий черепицей отсутствовали. Более крупный комплекс № 2 (Рис. 1.6) общими размерами приблизительно 12x12 м состоял из целого ряда помещений №№ 6–9 и 12–13. Они включали в себя три расположенных в ряд постройки на севере, среди которых одно жилое помещение с двумя очагами и хозяйственный двор к востоку от него. К югу от этой группы находился большой вымощенный двор и помещение № 12, отличающееся более высоким уровнем кладки стен. В нём была обнаружена гончарная печь и следы гончарного производства – несколько необожжённых грузил, а также лепной

¹ Подробное описание этих и других построек северного участка раскопа см. Супренков 2014, с. 376–397.

светильник (Рис. 2.2). Данный комплекс был доследован только в этом полевом сезоне и будет опубликован позднее.

Отдельно отметим помещение № 3 на востоке раскопа (Рис. 1.7). Это строение размерами приблизительно 4х5 м было воздвигнуто к западу от оборонительной стены на небольшом участке материкового песка посреди скального выхода. Данная геологическая ситуация, видимо, объясняет его изолированность.

Помимо помещений, на поселении было исследовано около 60 ям самого разного назначения (Супренков, Топоривская 2019, с. 525–542).

Говоря о строительных периодах, скажем, во-первых, о зольнике (слой 3), который перекрыл первый строительный комплекс. Очевидно, что этот слой формировался во время жизнедеятельности следующего по времени этапа, синхронного существованию построек комплекса № 2, расположенных южнее. Эти постройки находились на более высоком горизонте, материк здесь искусственно террасировался, что прослеживалось в стратиграфии западного борта раскопа. Однако очевидно, что оборонительные стены строились сразу единовременно по всему периметру. И подобный принцип градостроительства говорит о невысокой концентрации построек. За период работ, в течение которого нами была исследована примерно 1/6 часть поселения, на этом пространстве были выявлены жилища только нескольких семей и то, вероятно, не единовременные. Если предположить аналогичную заселённость всего памятника, то здесь могло проживать всего до 100 человек? Учитывая женщин, детей и стариков это указывает на число «рабочих рук» явно недостаточное для возведения настолько мощных оборонительных стен по периметру¹. Значит, создание этого городища было частью какого-то плана по обустройству сельской территории Приазовья в новых политических и экономических реалиях? На это ответят будущие исследования.

Переходя к хронологии памятника и вопросам импорта, подчеркнём очень скромный набор археологических находок. Практически отсутствуют монеты и чернолаковая посуда, преобладают простая красноглиняная и сероглиняная керамика, при большом количестве лепной. Среди импортных предметов обихода укажем на «мегарские» чаши, по большей части фрагментированные. Ранее нами публиковался археологический материал за период 2010–2016 гг. (Супренков, Прокопенко, Топоривская 2017, с. 256–260).

¹ Мы признаём всю условность наших подсчётов и их гипотетический характер. Как минимум, большая часть памятника ещё не исследована и плотность расселения в открытых постройках может отличаться от наших представлений.

Приведём статистику амфорного импорта за 2017–2021 гг. За этот период на 785 профильных фрагментов амфор пришлось 500 синопских (63,7%), 219 родосских (27,8%), 27 косских (3,4%), 19 колхидских (2,4%) и 13 гераклейских (1,7%). Число фрагментов хиосских и фасосских амфор находится на уровне статистической погрешности. В целом данная картина импорта соответствует общебоспорским торговым тенденциям в указанный период (Коровина, Супренков 2022, с. 50–53).

Основным же источником для наших хронологических построений служит коллекция амфорных клейм на поселении (Рис. 2.3).

За весь период исследований на городище было найдено 545 оттисков. На производство Синопы приходится 74%, 24% составляют клейма Родоса, 2% – остальных центров (Херсонес, Книд, Кос, Колхида). Краткий анализ распределения клейм относит «обустройство и пик развития восточной части поселения» ко второй–третьей четверти III в. до н.э. (Супренков, Прокопенко Топоривская 2017, с. 261).

Более подробный анализ клейм с поселения Сьюрташ, проведенный А.В. Ковальчук (Ковальчук 2020, с. 220–228) свидетельствует, что самые ранние из синопских клейм (всего 9 экз.) относятся к III и IV группе (Conovici 1998) и могут быть датированы 290–260 гг. до н.э. Резкий рост импорта приходится на период V. Начиная с группы Vb их число неуклонно растет, достигая максимума в период с 240 по 220 гг. до н.э. (группа Vc).

В коллекции представлены практически все астиномы групп Vb–Vc. Исключение составляют лишь два магистрата: Мантитей, сын Протагора (№ 108) и Гилл, сын Филиска (№ 135). С конца 20-х годов III до н.э. начинается такое же резкое падение синопского импорта.

Близость даты возникновения поселения ко второй четверти – середине III в. до н.э. подтверждается и датировкой самых ранних родосских клейм. Часть из них относится к т.н. группе клейм «en bouton», это клейма Агестрата, Аретакла и Микифа. К периоду Ib (270–246 гг. до н.э.) принадлежит и оттиск эпонима Поликла, по-видимому, к периоду Ic (246–235 гг. до н.э.) оттиск фабриканта Героида (<http://stampsofbosphorus.ru/>).

Наиболее же поздние клейма на ручках родосских амфор, согласно поздней границе датировок, могут относиться к концу II в. до н.э.¹

¹ Ранее определение амфорных клейм на поселении осуществлялось Н.Ф. Федосеевым.

Упомянутая нами выше бедность¹ населения городища подтверждается и естественнонаучными данными. На основании данных рациона его жителей, определённого по случайным человеческим костям, найденным на поселении, установлено, что из пяти индивидуумов трое питались почти исключительно растительной пищей, а двое в значительной степени мясом и рыбой, однако питание было не особенно обильным (Каспаров, Лохова, Лохов 2022, с. 678).

Тем не менее, жизнь на этом поселении, в небольших домах без черепичных крыш и с укладом, близким натуральному хозяйству, протекала около 150 лет.

Литература

Гайдукевич 1949 – Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.–Л., 1949.

Каспаров, Лохова, Лохов 2022 – Каспаров А.К., Лохова О.В., Лохов К.И. Исследование рациона питания людей и домашних животных в прибрежных античных поселениях Керченского полуострова методом изотопного анализа (первые результаты). // Российские нанотехнологии. Том 17. № 5, 2022. С. 673–679.

Ковальчук 2020 – Ковальчук А.В. О времени возникновения поселений «нового типа» в Крымском Приазовье (по данным керамической эпиграфики) // Древности Боспора. Т. 25. – М., 2020. С. 220–228.

Коровина, Супренков 2022 – Коровина А.С., Супренков А.А. Торговые связи городища Сьюрташ в III–II вв. до н.э. на основе анализа импортной амфорной тары (по материалам исследований 2017–2021 гг.). Классическая и византийская традиция. – Белгород, 2022. С. 50–53.

Кругликова 1975 – Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.

Масленников 1998 – Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. – М., 1998.

Масленников 2007 – Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. – М., 2007.

Супренков 2014 – Супренков А.А. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сьюрташ в Крымском

¹ В данном случае этот термин носит сравнительный характер по отношению к усадьбам и сельским поселениям этого же региона в предыдущий археологический период – IV–III вв. до н.э.

Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013) // Древности Боспора 18. – М., 2014. С. 376–397.

Супренков 2018 – Супренков А.А. Жилые постройки на поселении Золотое Восточное, исследованные в 2015–2016 гг. // Таврические студии. № 16 (2018). – Симферополь, 2018. С. 134–142.

Супренков, Прокопенко Топоривская 2017 – Супренков А.А., Прокопенко С.Н., Топоривская М.А. Снова к хронологии эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ на раскопе «Восточный» в 2010–2017 гг.) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сборник научных трудов. – Симферополь, 2017. С. 256–260.

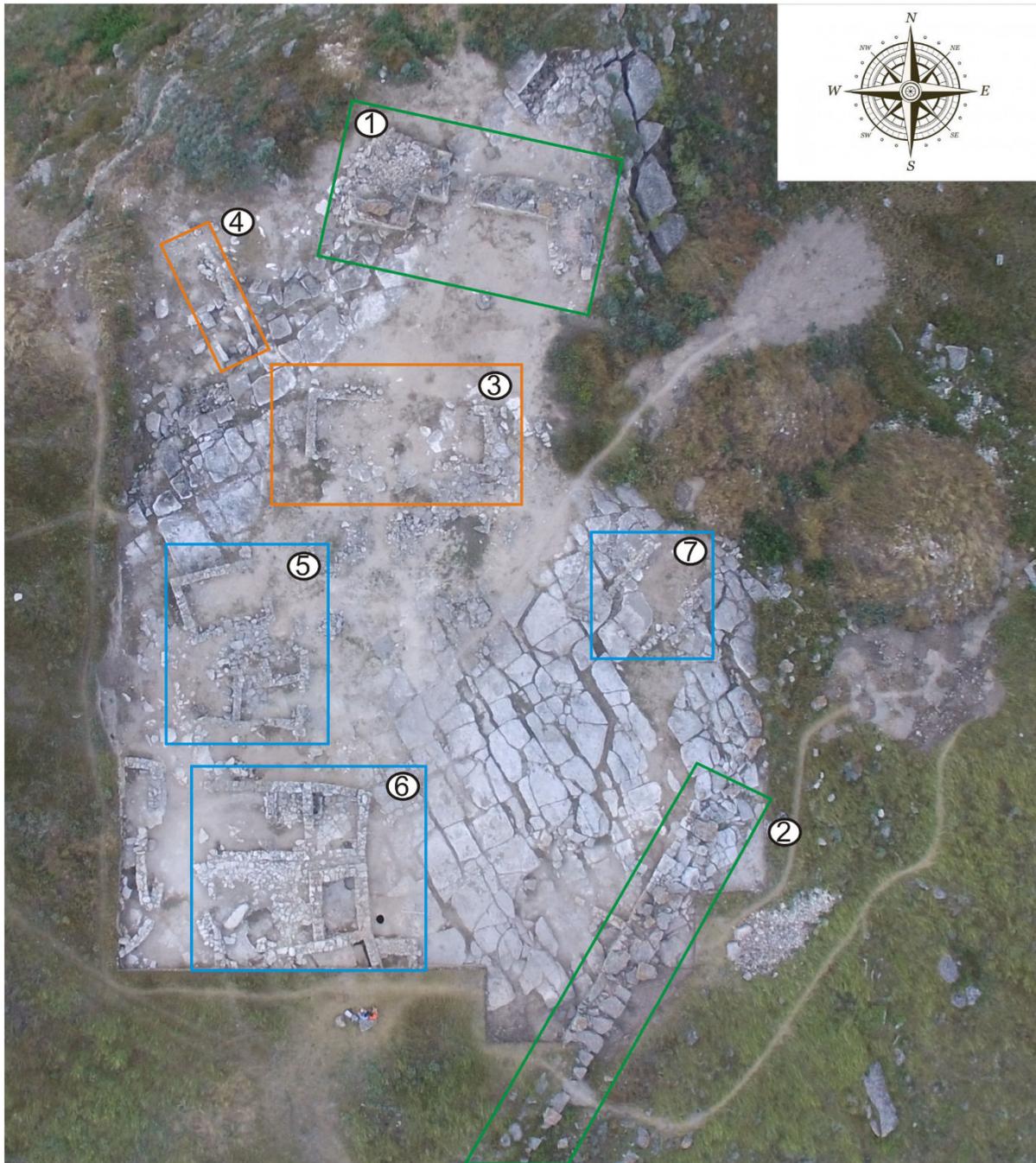
Супренков, Топоривская 2019 – Супренков А.А., Топоривская М.А. Углублённые постройки северо-восточной части городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ 2010–2018 гг.) // Древности Боспора. Том 24. – М., 2019. С. 525–542.

Супренков, Прокопенко, Требухина 2019 – Супренков А.А., Прокопенко С.Н., Требухина Н.Ю. Городище Золотое Восточное в крымском Приазовье: краткие результаты работ 2010–2018 гг. // Античные реликвии Херсонеса. Открытия, находки теории. – Севастополь, 2019. С. 256–262.

Conovici 1998 – Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) // Histria. VIII. – București–Paris, 1998.

<http://stampsofbosphorus.ru/> – сайт, посвящённый керамическим клеймам некоторых поселений Северного Причерноморья (Ковальчук А.В.).

Городище Сюрташ.
Раскоп "Восточный" 2010-2022 гг. Вид с юга.

0 — 5 м

① Стены №№ 1-5	⑤ Комплекс 1 (помещения 4-5)	— оборонительные сооружения
② Стена № 52	⑥ Комплекс 2 (помещения 6-9, 12-13)	— сакрально-общественные постройки
③ Помещение 2	⑦ Помещение 3	— жилые постройки
④ Помещение 1		

Рис. 1
Сюрташ, раскоп "Восточный"
Общий вид с юга на раскоп 2010-2022 гг.

Городище Сююрташ.
Раскоп "Восточный" 2010-2022 гг.
Археологические объекты разного назначения.
① Вид с севера

② Вид с юга.

④ Вид с запада.

⑥ Вид с юго-запада.

Рис. 1.1
Сююрташ, раскоп "Восточный"
Археологические объекты.

③ Вид с востока.

⑤ Вид с юга.

⑦ Вид с юга.

1

2

Сююрташ, раскоп "Восточный"
Находки.

Рис. 2. Городище Сююрташ. Находки. 1. Терракотовая статуэтка Кибелы. Помещение № 2, раскоп 2011 г. 2. Лепной светильник. Помещение № 12, раскоп 2022 г.

Вторично использованные геммы и вставки для перстней в декоре блях конской узды из позднесарматского погребения на Нижнем Дону

Гладкие вставки в перстни (3 экз.) (Рис. 1, 1–3) и инталии (6 экз.) (Рис. 2) из погребения № 8 в кургане № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону, датируемого в пределах конца II – первой половины III в. н.э. (см. Безуглов 2008, с. 285; 2017, с. 95, 107; Трейстер 2020, с. 175), украшали обтянутые золотым листом деревянные бляхи конской узды (Рис. 2, 4) (Volkov, Guguev 1986, p. 74, no. 5, pl. 59, 1. 1a. 2–6). За исключением одной крупной геммы из глухого двухслойного стекла, имитирующего разновидность оникса, никола (Рис. 2, б), остальные плоские вставки вырезаны из сердолика. В обзоре гемм из сарматских погребений Северного Причерноморья (Трейстер 2007, с. 295–305) указанные изделия не были рассмотрены – они были исследованы мною в 2015 г. в Азовском музее².

Изображение муравья (Рис. 2, 4), символа прилежания и богатства, мотив – широко распространенный в глиптике первых веков н.э.³, в том числе представлен находками из Северного Причерноморья, преимущественно геммами из сердолика в перстнях из могильников Юго-Западного Крыма⁴.

Изображения дельфина (Рис. 2, 2) – довольно распространенный мотив в античной глиптике⁵. Особенно близки изображения на фиолетовых

¹ *Михаил Юрьевич Трейстер* – доктор исторических наук, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, (г. Бонн, Федеративная Республика Германия).

² Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в фондах и экспозиции Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника хранителям М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач.

³ См. подробно аналогии сюжету: Трейстер 2007, с. 304, прим. 133. См. также буллу I–II вв. н.э. из Зеугмы: Önal 2010, p. 51, no. 86.

⁴ Усть-Альминский могильник: Высотская 1980, с. 99, № 25, рис. 1, 21. Некрополь Херсонеса: Белов 1927, с. 129 г. – Могильник Бельбек IV: Неверов 2016, с. 198, № 8, табл. 18, б; 245, 8.

⁵ Паста: AGD I.3, S. 199, Nr. 3424, Taf. 323; цитрин: AGD II, S. 182, Nr. 502, Taf. 88, I в. н.э. (также во рту веточки?); AGD IV Hannover, S. 247, Nr. 1305, Taf. 179: сердолик, вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.; Zahlhaas 1985, S. 42–43, Nr. 47 с

стеклянных литиках в Мюнхене, датированных III в. до н.э. (AGD I.1, S. 80, Nr. 430–431, Taf. 49); на геммах I в. н.э. из николо, хранящихся в Кельне (Krug 1981, S. 176–177, Nr. 29, Taf. 68) и в Трире (Krug 1995, S. 201, Nr. 18, Taf. 47), на геммах и стеклянных пастах II–III вв. н.э. из Карнунта (Dembski 2005, S. 146, Nr. 940–948, Taf. 86–87). Известны изображения дельфина и на геммах из Северного Причерноморья. Подобное изображение на слегка выпуклой сердоликовой гемме неизвестного происхождения в ГМИИ датируют I в. н.э. (Финогенова 1993, с. 27–28, № 25). С.И. Финогенова приводит параллели, в том числе неопубликованные геммы из некрополя Херсонеса (Финогенова 1993, с. 27: Гос. Эрмитаж, инв. № Х.1896.70, Х.1901.34). Изображение дельфина украшает также гемму из выпуклого альмандина из раскопок А.А. Бобринского в Керчи 1891 г. (Захаров 1928, с. 27, № 237, табл. V), плоскую гемму из яшмы, найденную в Херсонесе в 1892 г. (Захаров 1928, с. 27, № 240, табл. V), и плоскую гемму из пережженного камня в серебряном перстне из погребальной урны второй половины III в. н.э. могильника совхоза № 10 (Щербакова 1980, с. 99, рис. 4, 18).

Близкие изображение колосков (Рис. 2, 5) представлены на геммах, как правило, в качестве элементов различных мотивов, в частности, руки, держащей колоски и цветки мака. Этот мотив, символизирующий благополучие, появился в глиптике позднеереспубликанского времени и был распространен также в первые века н.э.¹ Их вырезали и в сочетании с изображениями Зевса (Димитрова-Милчева 1980, с. 32–33, № 8; Spier 1992, p. 106, no. 261; Önal 2010, p. 29, no. 5), Цереры (Guiraud 1996, p. 147, fig. 101), Тюхэ (Димитрова-Милчева 1980, с. 51–54, № 86, 88, 91, 95; Vollenweider 1984, S. 242, Nr. 410; Önal 2010, p. 36, no. 28; p. 37, no. 31), Bonus Eventus (Spier 1992, p. 105, no. 259), баранов (Spier 1992, p. 140, no. 384), зайцев (Platz-Horster 1994,

большим количеством параллелей; Zwierlein-Diehl 1998, S. 273, Nr. 159: I в. н.э. Иногда дельфин изображался с трезубцем в пасти (AGWien III, S. 101, Nr. 1909, Taf. 47: яшма, II в. н.э., из Аквилеи).

¹ Sena Chiesa 1966, p. 406, no. 1452, pl. LXXIII; AGWien II, S. 85, Nr. 937–938, Taf. 53: первая половина I в. до н.э.; Spier 1992, p. 90, no. 211 с аналогиями; см. также литик, хранящийся в Мюнхене: AGD I, 2, S. 230, Nr. 2165, Taf. 187; николо – в Касселе, I в. н.э.: AGD III Kassel, S. 219, Nr. 92, Taf. 96; литик и гемму на сердолике – в Ганновере, вторая половина I в. н.э.: AGD IV Hannover, S. 149, Nr. 717–718, Taf. 92. О сюжете см. также Zwierlein-Diehl 1998, S. 283, Nr. 173 с литературой; Önal 2010, 47, no. 71. Две геммы на сердолике с подобными сюжетами украшают подвески ожерелья из Заветного (Трейстер 2007, с. 299, № А77.2 Taf. 28; 79). Упомянем также гранатовую гемму с аналогичным мотивом в золотом перстне из склепа № 40/1963 некрополя Тирамбы I в. до н.э. – I в. н.э.: Финогенова 1993, с. 21–22, № 8.

S. 135, Nr. 171, Taf. 31), петухов (Sena Chiesa 1966, p. 392, nos. 1344–1345, tav. LXVIII; Димитрова-Милчева 1980, с. 86, № 236; AGWien III, S. 108–109, Nr. 1956–1959, Taf. 55; Jackson 2014, p. 222, fig. 27.5; p. 229, no. 71) или мышей (Spier 1992, p. 140, no. 386; Jackson 2014, p. 222, 229, nos. 69, 71, 73, 78). Отдельные изображения колосков, как на рассматриваемой гемме, встречаются довольно редко на геммах II–III вв. н.э. из Карнунтума (Dembski 2005, S. 151, Nr. 999, Taf. 102) и Аквилеи (Sena Chiesa 1966, p. 401, no. 1412, tav. LXXI). Известны и геммы с изображением пары колосков (Sena Chiesa 1966, p. 401, no. 1411; tav. LXXI; Henig 1978, p. 94, no. 722, pl. XLIV; Dembski 2005, S. 151, Nr. 1000, Taf. 102; Guiraud 2008, p. 163–164, nos. 1386–187, pl. XXX). При этом детали изображения дают все основания считать, что изображен именно колосок зерновых (ср. Spier 1992, p. 143, no. 396; Platz-Horster 1994, S. 139, Nr. 184, Taf. 33; S. 170, Nr. 258, Taf. 49).

Кратер с двумя вертикальными ручками и стоящими в нем колосками или цветками (Рис. 2, 1) – также сюжет, который находит параллели в римской глиптике II–III вв. н.э. На геммах встречаются изображения кратера, иногда без каких-либо дополнительных изображений (AGWien III, S. 124–125, Nr. 2061, Taf. 68) (схематично переданный кратер, напоминающий изображение сосуда на рассматриваемой гемме (Henig 1978, p. 61, no. 423), или подобный помещенный внутри венка (AGWien III, S. 125, Nr. 2065, Taf. 69) или виноградной лозы (von Gonzenbach 1952, S. 75, Nr. 41, Taf. 28–29)). Но не менее часто встречаются и изображения кратеров, в которые поставлены листья винограда, колоски, колоски и цветки мака (AGWien III, S. 124–125, Nr. 2062, 2063, 2066–2066, Taf. 68–69; Platz-Horster 1994, S. 140, Nr. 189, Taf. 34; 142–143, Nr. 194–195, Taf. 35 (I в. н.э.); Richter 2006, p. 118, no. 569, pl. LXIV). К ним относятся и находки из Причерноморья (Новы, Ольвия, Пантикапей)¹.

Две руки в рукопожатии, держащие колосья (Рис. 2, 1), – чрезвычайно распространенный сюжет. Рукопожатие, *dextrarum iunctio*, символ супружеской верности и неременный элемент брачной церемонии (Alexandridis 2000, S. 17–20; Hersch 2010, p. 199–219), а также символ согласия (*concordia*) и честности (*fides*) (Hekster 2011, p. 117–118). Такие изображения встречаются часто в сочетании с колосками, цветками мака, иногда с рогами изобилия или кадуцеями – один из частых мотивов в глиптике I в. до н.э. – первых

¹ Димитрова-Милчева 1980, с. 85, № 235 (Новы, гемма из яшмы, II в. н.э.): по сторонам кратера – рога изобилия. А. Димитрова-Милчева приводит в качестве аналогий хранящиеся в Эрмитаже геммы из Ольвии (Ол. 73, Ол. 88) и Пантикапея (П.1884.39).

веков н.э.¹ Встречаются и сильно схематизированные изображения, как на рассматриваемой гемме². Данный сюжет встречается и на геммах, найденных в Северном Причерноморье, в частности, на сердоликовой инталии в бронзовом перстне и на стеклянном литике из погребений II–III вв. н.э. могильника Совхоза № 10 (Щербакова 1980, с. 99, рис. 3, 13–14).

На стеклянной гемме, имитирующей никола (основа – коричневая, верхний слой – голубой) изображены две фигуры, стоящие друг напротив друга и держащие друг друга за руки (?). Правая фигура опирается отставленной назад левой рукой на колонну. Плохая сохранность изображения не позволяет точную атрибуцию. На гемме могла быть представлена любая из перечисленных ниже двухфигурных композиций: сцена со стоящими Гермесом (слева) и Тюхэ (справа) (Ср. Vollenweider 1984, S. 238, Nr. 401), Афиной (слева) и Тюхэ (справа) (Ср. Финогенова 1993, с. 41, № 64), двумя Немезидами (Ср. Vollenweider 1984, S. 244–245, Nr. 416), Асклепий и Гигиен (Guiraud 2008, p. 129, no. 1243, pl. XVIII (гемма на сарде, II в. н.э.)). Учитывая то, что фигуры явно обращены друг к другу и представлены в сцене рукопожатия (*dextrarum iunctio*), можно предполагать в качестве аналогий серию гемм первых веков н.э. с мужским (слева) и женским (справа) персонажами. В руках женщины мог изображаться колосок (AGWien II, S. 93, Nr. 981, Taf. 59 (паста); S. 127–128, Nr. 1090, 1091, Taf. 83; Maaskant-Kleinbrink 1978, p. 298–299, no. 863, pl. 143; Henig 1978, no. 349; AGWien III, S. 57, Nr. 1654–1656, Taf. 9). Материал геммы – стекло, имитирующее никола, получает широкое распространение в глиптике II–III вв. н.э., особенно в Северной Италии, Далмации и Паннонии (Spier 1992, p. 145; Nestorović 2010, p. 170–172, figs. 2–3; Sena Chiesa 2010, p. 234; Ribarević-Nikolić 2018,

¹ Sena Chiesa 1966, p. 412, nos. 1491–1492, tav. LXXV; AGD I,3, S. 130, Nr. 2962, Taf. 290; AGD III (Kassel), S. 219, Nr. 92, Taf. 96; AGD IV (Hannover), S. 250–251, Nr. 1327–1329, Taf. 182–183; Vollenweider 1979, p. 411–413, nos. 466–468; pl. 121; 1984, S. 207–208, Nr. 334–335; Zazoff 1983, S. 337, Anm. 247, Taf. 106, 10; Pannuti 1983, p. 174, nos. 334–335; 1994, p. 292–293, no. 259; AGWien III, S. 121–122, Nr. 2036–2044, Taf. 65–66; Spier 1992, p. 124, no. 327; Platz Horster 1994, S. 171, Nr. 260–261, Taf. 49; S. 198, Nr. 320, Taf. 62; S. 212, Nr. 329, Taf. 67; Krug 1995, S. 212, Nr. 67, Taf. 53; Dembski 2005, S. 152–153, Nr. 1006–1019, Taf. 102–103; Richter 2006, p. 117, no. 563, pl. LXIV; Önal 2010, p. 47, no. 70.

² См., например: Casal Garcia 1990, p. 181, no. 469 с лит. См. также: на сердоликовой гемме в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина: Финогенова 1993, с. 55, № 106; Кат. Москва 2012, с. 204, № 157. – Гемма из Бригечио: László, Emese 2003, p. 43, no. 42. – Изображение на щитке золотого перстня из Рациарии и на аметистовой гемме III в. н.э. в Софии: Димитрова-Милчева 1980, с. 86–87, № 241–242. – Сердоликовые геммы II–III вв. н.э. из Карнунтума: Dembski 2005, S. 152, Nr. 1006, 1007a, 1019, Taf. 102–103.

s. 15–24, sl. 4–5; Kaić 2020, p. 188–189, fig. 9), но представлен и находками в Северном Причерноморье (?) (Финогенова 1993, с. 25, № 17), в частности, в Херсонесе (Краснодубец 2020, с. 208–209, рис. 1, б).

Как мы уже отмечали, характерным признаком ювелирных изделий эпохи позднего эллинизма и первых веков н.э., происходящих из Северного Причерноморья, является использование в качестве вставок гемм. При этом геммы употреблялись для украшения изделий, для которых они функционально не были предназначены, в том числе предметов конской узда. К последним относятся, например, гранатовые геммы боспорской работы с изображениями Немезиды из Смирны и Артемиды, вставленные в один из пары парадных фаларов середины – третьей четверти I в. н.э., в составе парадного конского убора в тайнике кургана № 1/1985 у пос. Дачи под Азовом (Трейстер 2021, с. 5–44). В данном случае бляхи конской узды, которые судя по изображениям, являются несомненно работой сарматского мастера конца II – первой половины III в. н.э. украшают рядовые произведения провинциально-римской или северопричерноморской глиптики этого времени, вероятнее всего, вторично использованные вставки перстней.

Литература

Безуглов 2008 – Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения поздне римской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: (сб. памяти Владимира Александровича Башилова) / М.Г. Мошкова (ред.). – М., 2008. С. 284–301.

Безуглов 2017 – Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станции Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4, 2017. С. 84–127.

Белов 1927 – Белов Г.Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // Херсонесский сборник. Вып. 2, 1927. С. 107–146.

Высотская 1980 – Высотская Т.Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // Вестник древней истории. № 1, 1980. С. 96–105.

Димитрова-Милчева 1980 – Димитрова-Милчева А. Антични геми и камей от Националния Археологически Музей в София. – София, 1980.

Захаров 1928 – Захаров А.А. Геммы и античные перстни Государственного Исторического музея (Труды секции археологии РАНИОН III). – М., 1928.

Кат. Москва 2012 – Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М., 2012.

Краснодубец 2020 – Краснодубец Е.М. Инталии никола и сардониксы из Херсонеса Таврического // Боспорские чтения. Вып. XXI, 2020. С. 206–212.

Неверов 2016 – Неверов О.Я. Геммы из могильника Бельбек IV // Гуци-на И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Труды ГИМ, Вып. 205). – М., 2016. С. 197–200.

Трейстер 2007 – Трейстер М.Ю. Вставки гемм (за исключением перстней) // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Том 1. – Симферополь–Бонн, 2007. С. 295–305.

Трейстер 2020 – Трейстер М.Ю. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VI / И.Н. Храпунов (ред.). – Симферополь, 2020. С. 154–188.

Трейстер 2021 – Трейстер М.Ю. Парадные фалары из тайника сарматского кургана №1 /1985 у пос. Дачи под Азовом // ПИФК. № 4, 2021. С. 5–44.

Финогенова 1993 – Финогенова С.И. Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. – М., 1993.

Щербакова 1980 – Щербакова В.С. Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. С. 94–103.

Alexandridis 2000 – Alexandridis A. Exklusiv oder Bürgernah? Die Frauen des römischen Kaiserhauses im Bild // Grenzen der Macht. Zur Rolle der römischen Kaiserfrauen (Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge 3) / С. Kunst, U. Riemer (Hrsg.). – Stuttgart, 2000. 9–28.

Casal Garcia 1990 – Casal Garcia R. Colección de Gliptica dei Museo Arqueológico Nacional (Serie de entalles romanos). – Madrid, 1990.

Dembski 2005 – Dembski G. Die antiken Gemmen und Kameen aus Carnuntum. – Wien, 2005.

Guiraud 1996 – Guiraud H. Intailles et camées romains. – Paris, 1996.

Guiraud 2008 – Guiraud H. Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français) II (48e supplément à Gallia). – Paris, 2008.

Hekster 2011 – Hekster O. Imagining Power. Reality Gaps in the Roman Empire // BABesch. Annual Papers on Mediterranean Archaeology. Vol. 86, 2011. Pp. 111–124.

Henig 1978 – Henig M. A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites. 2nd ed. (BAR British Series 8). – Oxford, 1978.

Hersch 2010 – Hersch K.H. The Roman Wedding. Ritual and Meaning in Antiquity. – Cambridge, 2010.

Jackson 2014 – Jackson R. Tailpiece: Roman Mice in Art, Allegory and actuality // Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers presented to Lindsay Allason-Jones on the Occasion of her Birthday and Retirement / F. McIntosh, R. Collins (eds.). – Oxford, Philadelphia, 2014. Pp. 217–231.

Kaić 2020 – Kaić I. Engraved gems from Tilurium in the Zagreb Archaeological Museum // Studia honoraria archaeologica: zbornik radova u prigodi 65. rođendana prof. dr. sc. Mirjane Sanader / D. Tončinić, I. Kaić, V. Matijević, M. Vukov. – Zagreb, 2020. Pp. 183–192.

Krug 1981 – Krug A. Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 61, 1981. S. 153–260.

Krug 1995 – Krug A. Römische Gemmen im Rheinischen Landesmuseum Trier // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 76, 1995. S. 160–218.

László, Emese 2003 – László B., Emese S. Gemmák, gemmás gyűrűk és ékszerek Brigetióban (Acta Archaeologica Brigetiionensia Ser. I. Vol. 4.). – Komárom, 2003.

Maaskant-Kleinbrink 1978 – Maaskant-Kleinbrink M. Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet The Hague. – Den Haag, Wiesbaden, 1978.

Nestorović 2010 – Nestorović A. Late roman gems from the territory of Slovenia // Pallas. Vol. 83, 2010. Pp. 169–177.

Önal 2010 – Önal M. Deities and Cultures Meet on the Seal Impressions in Zeugma // Bollettino di Archeologia on line I 2010/ Volume speciale G / G9 / 4. XVII International Congress of Classical Archaeology, Roma 22–26 Sept. 2008, 2010. 25–53. www.archeologia.beniculturali.it.

Pannuti 1983 – Pannuti U. Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Catalogo della Collezione Glittica. Vol. 1. – Roma, 1983.

Pannuti 1994 – Pannuti U. Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Catalogo della Collezione Glittica. Vol. 2. – Roma, 1994.

Platz-Horster 1994 – Platz-Horster G. Die Antiken Gemmen aus Xanten. II. – Köln, 1994.

Ribarević-Nikolić 2018 – Ribarević-Nikolić I. Nikolo intaglio kao primjer značenja i važnosti dragoga kamena i njegove imitacije u staklu u antičkom periodu // Hercegovina. No. 4, 2018. S. 7–30.

Richter 2006 – Richter G.M.A. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman. 2nd ed. – Roma, 2006.

Sena Chiesa 1966 – Sena Chiesa G. Gemme del Museo nazionale di Aquileia. – Aquileia, 1966.

Sena Chiesa 2010 – Sena Chiesa G. Gemme romane in Italia settentrionale. Collezioni, studi, rinvenimenti: una ricognizione // Pallas. Vol. 83, 2010. Pp. 224–243.

Spier 1992 – Spier J. Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum. – Malibu, 1992.

Volkov, Guguev 1986 – Volkov I.V., Guguev Yu.K. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // B.A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). – Oxford, 1986. Pp. 73–74.

Vollenweider 1979 – Vollenweider M.-L. Musée d'art et d'histoire de Genève. Catalogue raisonné des sceaux, cylindres, intailles et camées. II. – Mainz, 1979.

Vollenweider 1984 – Vollenweider M.-L. Deliciae Leonis. Antike geschnittene Steine und Ringe aus einer Privatsammlung. – Mainz, 1984.

von Gonzenbach 1952 – von Gonzenbach V. Römische Gemmen von Vindonissa // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd. 13. 1952. S. 65–82.

Zahlhaas 1985 – Zahlhaas G. Fingerringe und Gemmen. Sammlung Dr. E. Pressmar –München, 1985.

Zazoff 1983 – Zazoff P. Die antiken Gemmen (Handbuch der Archäologie). – München, 1983.

Zwierlein-Diehl 1998 – Zwierlein-Diehl E. Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines (Studien zum Kölner Dom 5). – Köln, 1998.

Рис. 1. Курганный могильник на ул. Вятской (Ростов-на-Дону). Курган № 6/1983. Погребение № 8. Инталии. Азов, Историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, инв. № 26454. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 2. Курганный могильник на ул. Вятской (Ростов-на-Дону). Курган № 6/1983. Погребение № 8. 1–3 – вставки перстней, 4 – золотые обкладки блях конской узды со вставками. Азов, Историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, инв. № 26454. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

**Херсонес в позднеантичном мире
(по материалам краснолаковой керамики III–VI вв.)**

В первые века н.э. античная цивилизация (в форме Римской империи) достигла своего максимального расширения, заполнив всё Средиземноморье и Причерноморье. Эпоха домината её временно стабилизировала. Однако с началом III в. над Римом начала сгущаться новая – варварская – угроза: с холодной Балтики до Северного побережья Понта дошли неукротимые орды готов. Да и в самой Империи постоянная борьба за власть не способствовала её прочности. В это время Средиземноморье и Понт испытывали постоянное всё усиливающееся влияние варваров, в том числе: германцев, которые двигались с севера на юго-восток по восточным границам к Чёрному морю; сарматов (и аланов) с северо-востока; кельтов, правда всё более и более подвергающихся романизации, на западе; берберов на севере Африки; арабов на юго-востоке.

Крым («Большой Херсонес») и сам «греческий» Херсонес Таврический испытывал всё более сильное влияние Империи и событий, связанных с ней. На рубеже II–III вв. н.э. Северное Причерноморье было охвачено Боспорской войной. О ней повествует надпись на мраморной колонне из Преслава (Болгария), поставленной участником этих событий – военным Итальянского легиона. В конце II – начале III в. н.э. в Крым проникла новая волна сарматов. В середине 220-х гг. н.э. начались ещё более грозные перемены. Принятие правителем Боспора Рескупоридом III (210–227/228 гг. н.э.) нового титула «царь Боспора и окрестных племен», вероятно, связано с подчинением сопредельных варваров. С ними, возможно, связана гибель порта на берегу Балаклавской бухты, римского укрепления на городище Алма-Кермен и поста на высоте Казацкой (около 223 г. н.э.). Следствием крушения оборонительной системы Херсонесского государства, стал и крах в первой половине III в. н.э. сельской округи Херсонеса (подр.: Юго-Западный Крым 2021, с. 305–308).

Насколько эта ситуация отразилась в материальной культуре? Одним из её показателей является краснолаковая керамика. В I в. в Причерноморье,

¹ *Ушаков Сергей Владимирович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия).

Крыму в Херсонесе появляются сосуды западного производства – Италии, Галлии, и фиксируется Восточная сигиллата В (Eastern Sigillata В – ESB) (до середины II вв.) и Восточная сигиллата С (Чандарли) (Eastern Sigillata С – ESC – Çandarly Ware) – вплоть до середины III в., когда доминирует Понтийская сигиллата (Pontic Sigillata) А, и выделяется Понтийская сигиллата В (Журавлев 2010, с. 22 сл.; Журавлев 2018). Эти материалы представлены в заполнении цистерн (Дорошко, Дорошко, Ушаков 2022), некрополе, в слоях на городище, а также в Южном пригороде.

С исчезновением этой керамики их вынужденной и несколько ухудшенной заменой стала *херсонесская сигиллата*, представленная 8 типами открытых сосудов и 5 закрытых, которая, по удачному выражению Д.В. Журавлева, играла роль импортозамещения. Она производилась (некоторые типы) в городских мастерских с рубежа II–III вв. до конца IV – начала (или даже середины) V вв. При раскопках в Херсонесе самые многочисленные – это небольшие миски на кольцевом поддоне с округлыми стенками и загнутой закраиной, а также чашки на невысоком кольцевом поддоне с наклонными стенками, выраженным горизонтальным бортиком и двумя бороздками на внешней его стороне.

Наиболее значимой (и массовой) в Херсонесе является краснолаковая керамика позднеантичного-ранневизантийского времени (Рис. 1). Со второй половины IV в. появляется новая керамика, которую К. Домжалский назвал *позднеримской понтийской* (Pontic Red Slip Ware – PRS). По итогам её изучения он выделил десять (0-9) форм открытых сосудов и шесть (кувшины) закрытых сосудов. Подводя итоги исследования, польский археолог подготовил и издал подробную монографию в серии Bibliotheca Antiqua (Domzalski 2021). Самые распространённые формы 1-6 этой керамики датируются в пределах второй половины IV – первой половины / середины V вв.); форма 7 – в рамках второй половины V в. – «раннего» VI в. (или чуть позже) (Arsen'eva, Domzalski 2002, p. 425–427).

Не уступает ей в численности *фокейская сигиллата* (позднеримская С – Late Roman C Ware – LRC W/Phocaean Red Slip Ware – LRC/PhS) (Hayes 1972, p. 323–370). Самые распространённые формы из них это LRC W form 1, а также form 3 В, С, D, E, F, H; form 4 середины V – середины VI вв., кроме того, в несколько меньшем числе присутствуют сосуды LRC W form 5-8 и 10 (А, В, С) последней четверти VI в. (Hayes 1972, p. 329, 336–329, 346). Многие блюда имеют штампы (Голофаст 2002, с. 135–216).

Далее, это так называемая *африканская сигиллата* (African Red Slip Ware) (Hayes 1972, p. 13–229), которая поступала в Херсонес (Романчук, Сазанов 1991, с. 42–44) и другие районы Причерноморья с территории современного Туниса (Карфаген и его округа). Первоначально А.В. Сазанов к африканской сигиллате отнес многие блюда с широкой отогнутой закраиной, определив их как формы 62 В (Романчук, Сазанов 1991, с. 35–42, №№ 154–190), что было ошибочно – это были сосуды понтийского производства. Африканская сигиллата, таким образом, не так многочисленна в Херсонесе, как это считалось ранее. Многие фрагменты керамики африканского происхождения были со штампами, как и фокейская сигиллата (Голофаст 1996, с. 77–84).

Кроме этих типов керамики, в небольшом (единичном) числе присутствуют так называемые относительно редко встречающиеся формы краснолаковой керамики. Среди них: 1) Понтийская позднеримская лощеная керамика с христианской символикой (Late Roman Pontic Burnished Ware – LRPB), среди которых – *блюда на высоком кольцевом поддоне с изображением врезными линиями по сырой глине крестов на внутренней стороне* (Домжалский, Журавлев 2013, с. 108–110, рис. 1, 2; Голофаст, Рыжов 2018, с. 48, рис. 1, 2); 2) *Позднеримская светлая керамика* (Late Roman Light-Coloured Ware – LRLC W) (Domžalski 2002; Hayes 1972, p. 408–410); 3) *Африканские краснолаковые сосуды с декоративными штампами* (African Red Slip Ware – ARSW D) (Hayes 1972, p. 218–219, Style A; Domžalski 2012, p. 335, pl. 8, 5-11). В небольшом количестве фиксируются и сосуды других центров, например, кипрской сигиллаты (поздне-римская группа D – Cypriot Red Slip Ware – CRS); египетской сигиллаты (Egyptian Red Slip Ware – ERS).

Вся эта краснолаковая керамика позволяет определить (и уточнить) хронологию археологических комплексов херсонесского городища и некрополей Юго-Западного Крыма. Кроме того, эти материалы позволяют судить и торговых связях в бассейне Чёрного моря и Восточного Средиземноморья (Рис. 2) (Ушаков 2019, с. 134–137).

В целом динамика распространения краснолаковой керамики в позднеантичном (ранневизантийском) Херсонесе показывает следующее. На смену понтийской сигиллате А и В II–III вв. (Журавлев 2010; 2013, с. 676–685) первоначально пришла херсонесская сигиллата, позже массово стали распространяться сосуды понтийской позднеримской группы. Затем она сменилась сосудами из Малой Азии (фокейская сигиллата/поздняя римская С); импорт

краснолаковой посуды из Северной Африки в позднеантичное/ранневизантийское время был немногочисленным.

Что же касается Херсонеса, то в итоге он стал частью Восточной Римской (Византийской) Империи, что можно проследить также и по системе магистратов, многим элементам духовной и материальной культур.

Литература

Голофаст 1996 – Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ, 1996. Вып. V. С. 77–84.

Голофаст 2002 – Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ, 2002. Вып. IX. С. 135–216.

Голофаст, Рыжов 2018 – Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. К вопросу о происхождении посуды группы «поздне-римской понтийской лощеной» // ПИФК, 2018. № 3 (61). С. 47–59.

Домжальский, Журавлев 2013 – Домжальский К., Журавлев Д.В. Фрагменты понтийской поздне-римской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА, 2013. № 2. С. 137–143.

Журавлев 2010 – Журавлёв Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. – Симферополь, 2010. 320 с.

Журавлев 2013 – Журавлёв Д.В. Понтийская сигиллата: региональный феномен в Причерноморье // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. – СПб., 2013. С. 676–685.

Юго-Западный Крым 2021 – История города Севастополя в трёх томах. Т. I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. – М., 2021. С. 688.

Романчук, Сазанов 1991 – Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. – Свердловск, 1991. 55 с.

Ушаков 2019 – Ушаков С.В. Херсонес Таврический, Понт и Восточное Средиземноморье на рубеже эпох (IV–VI вв.): по материалам амфорной тары и краснолаковой керамики (к постановке проблемы) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конферен-

ции. Том 2 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников. – М., 2019. С. 128–155.

Дорошко, Дорошко, Ушаков 2022 – Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз–10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Майко. – Симферополь, 2017. С. 54–93, 157–163.

Arsen'eva, Domzalski 2002 – Arsen'eva Т.М., Domzalski К. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Arhäologie Eurasiens.* 2002. 8. P. 415–491.

Domzalski 2002 – Domzalski К. Late Roman Light–Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring Pontic littorals) // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья / Ред.-сост. В.Н. Зинько. – Керчь, 2002. С. 284–291.

Domzalski 2012 – Domzalski К. At the crossroads of trade routes: terra sigillata, red slip wares and related fine pottery from the Polish excavations in Ptolemais (2002–2009) // *Ptolemais in Cyrenaica: studies in memory of Tomasz Mikocki.* – Warsaw, 2012. P. 317–343.

Domzalski 2021 – Domzalski К. Pontic Red Slip Ware: Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. – *Bibliotheca Antiqua*, Warsaw, 2021. Vol. XXV. 221 p.

Hayes 1972 – Hayes J.W. Late Roman Pottery. – London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. 477 p.

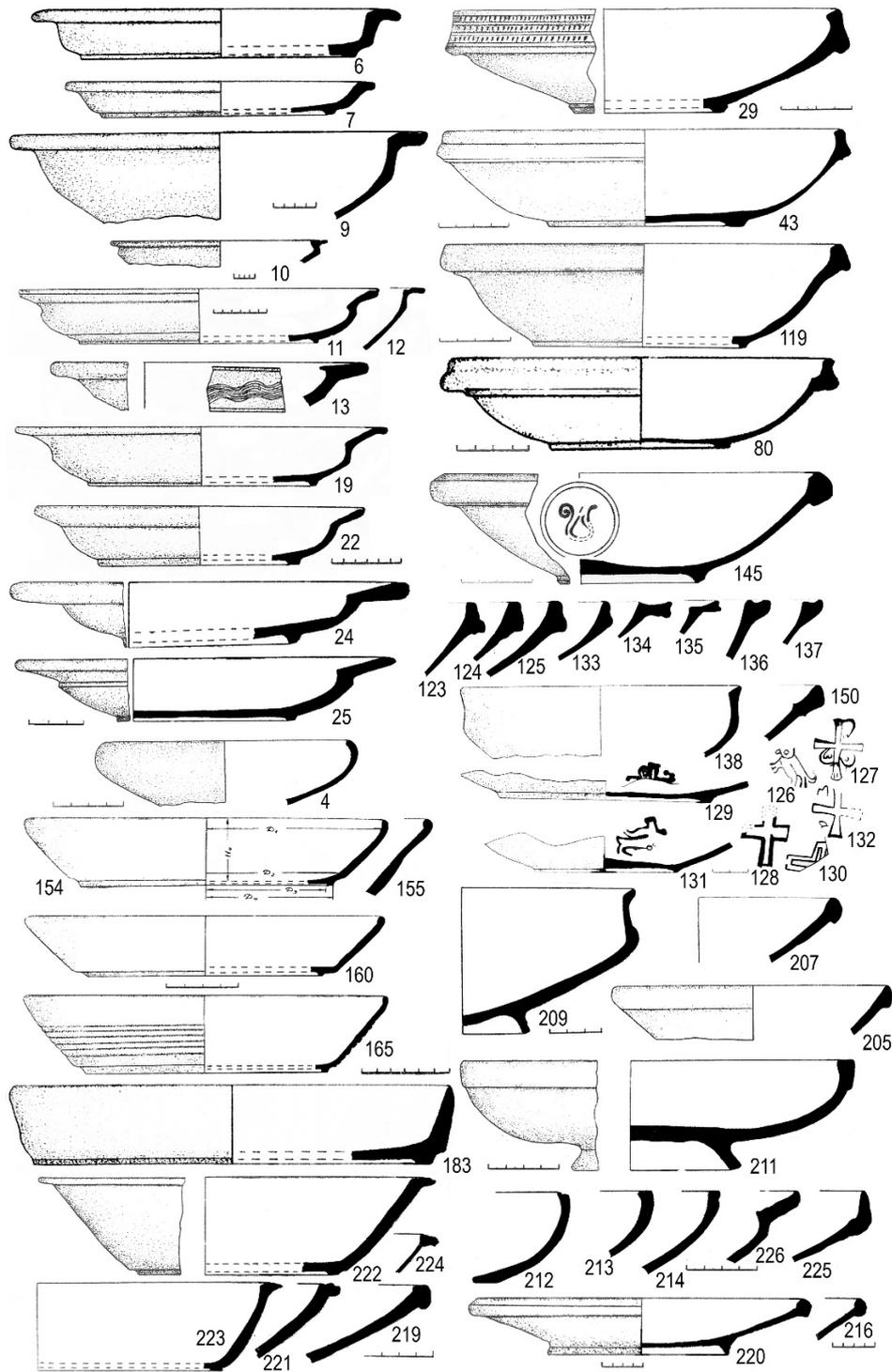

Рис. 1. Типы позднеантичной-ранневизантийской краснолаковой керамики из Херсонеса (по А.И. Романчук, А.В. Сазанову, 1991). PRS – form 1 (154, 155, 160, 165, 183); PRS – form 2 (6, 7, 9, 10); PRS – form 3 (11–13, 19, 22, 24, 25); PRS – form 7 (221–223); LRC form 3B (29); LRC form 3E (43); LRC form 3F (123, 124); LRC form 3H (125); LRC form 5B (134, 135); LRC form 7 (136, 137); LRC form 10A (145, 150); ARSW form 59 (226); ARSW form 61A (213); ARSW form 99A (205); ARSW form 99B (207); ARSW form 104C (220); ARSW form 104B (216) (по К. Домжальскому и Дж. Хейсу); клейма: 35b (126); 67i (127); 71e (130) (по Дж. Хейсу)

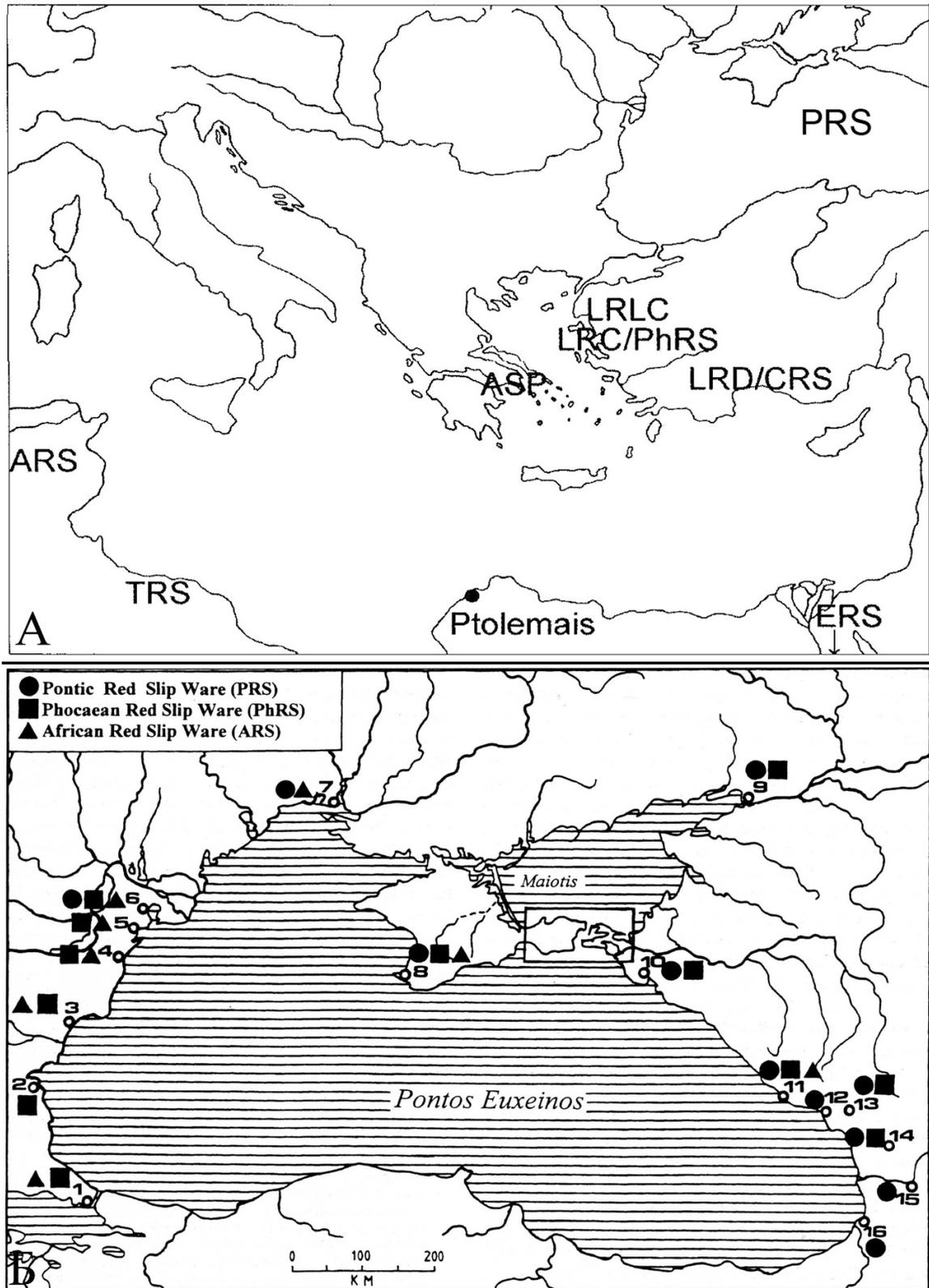

Рис. 2. А – Места производства краснолаковой керамики в Средиземноморье и Понте. ARS – African Red Slip, ERS – Egyptian Red Slip, LRC/PhRS – Late Roman C / Phocaeen Red Slip, LRD/CRS – Late Roman D / "Cypriot" Red Slip Ware, PRS – Pontic Red Slip, TRS – Tripolitan Red Slip (по К. Домжальскому); Б – Места находок краснолаковой керамики в Понтийском бассейне (по К. Домжальскому)

**Импортная кухонная керамика в Ольвии (по материалам раскопок
Ольвийской экспедиции ИИМК–ЛОИА 1948–1991 г.)²**

Благодаря многолетним раскопкам, проводимым на территории городища Ольвия, исследователям стало известно многое о политической, экономической и религиозной жизни города, особенностях развития его урбанистической структуры. Но все еще остаются и недостаточно изученные области, связанные с бытовой культурой, а точнее – с конкретными категориями археологического материала. К таким относится и кухонная керамика, представляющая собой сосуды для приготовления пищи на огне (горшки, кастрюли, сковороды, крышки) и различную специальную утварь (жаровни, грили, подставки разных форм и т.д.).

Впервые кухонная керамика из Ольвии была изучена Т.Н. Книпович и включена ей в общую типологию местной ольвийской керамики (Книпович 1940, с. 137–144, Табл. XXVI, XXIX–XXXII). Выяснению закономерностей распространения и соотношения лепной и кухонной керамики на разных участках Ольвии посвящена статья К.К. Марченко (Марченко 1983). Также небольшой раздел в коллективной монографии, посвященный кухонным сосудам и их формам, был написан Н.А. Лейпунской (Лейпунская 1989). Отметим, что все исследователи обращались в основном именно к кухонной керамике местного, ольвийского производства, в то время как привозные кухонные сосуды остаются вне поля зрения исследователей и по сей день.

Таким образом, данное исследование, целью которого является изучение кухонной керамики, ввозимой из других древнегреческих центров в Ольвию на протяжении всего античного времени, является актуальным. Поставленная цель реализуется посредством выполнения следующих задач: выделения привозных сосудов из общего массива на основании морфологических признаков и характеристик глины, разделения отобранных образ-

¹ *Четверкина Екатерина Вячеславовна* – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

² Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственного задания № FMZF-2022-0013 № «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным».

цов на группы исходя из особенностей глиняного теста и типологических черт, соотнесения их с конкретными центрами/регионами античной ойкумены. Также небезынтересно проследить, как в течение разных периодов античной эпохи менялись количество и состав импортной продукции, сравнить получившуюся общую картину с другими античными памятниками Северного Причерноморья.

Исследование выполнено на основе анализа кухонной керамики из коллекции находок Ольвийской экспедиции ИИМК–ЛОИА РАН из раскопок 1948–1991 гг., ныне находящейся на временном хранении в ИИМК РАН. Общее количество фрагментов кухонных сосудов и оборудования в коллекции насчитывает 396 экземпляров. В выборке представлены как фрагменты, так и целые и археологически целые формы кухонной керамики из хорошо датированных комплексов архаического, классического, эллинистического и римского времени, незначительная часть находок происходит из переотложенных слоев или депаспортизована.

В результате тщательного анализа морфологии сосудов и состава глиняного теста к импортной продукции было отнесено 150 образцов, что составляет 38% от общего числа кухонных сосудов в выборке (Рис. 1, а). Привозная кухонная керамика представлена следующими категориями: горшки (62 фрагмента) кастрюли (42 экземпляра), крышки (18 фрагментов), сковороды (15 штук), жаровни (3 фрагмента), в единичном экземпляре присутствуют лопадион (или «кастрюлевидная» миска) и корчага.

На основе анализа глиняного теста (его консистенции, цветности, состава примесей) было выделено восемь технологических групп кухонной керамики из Ольвии: из которых три группы могут быть предположительно отнесены к продукции городов Ионии, две группы – к боспорской кухонной керамике, одна группа предположительно может происходить из Аттики, остальные пока не находят аналогий в других регионах.

Наибольшая доля привозной кухонной керамики в Ольвии приходится на производство ионийских городов – 45%, причем они импортировались на протяжении всего античного периода – от архаики вплоть до римского времени (Рис. 1, б). Основная масса ионийских кухонных сосудов выполнена из глины темно-розового, реже – оранжевого цвета с многочисленными включениями слюды золотистого цвета, реже в тесте встречаются мелкие включения черных и красных частиц (минералов).

Среди них выделяется наличием декора серия сильно прокопченных горшков и кастрюль (О.62/3712, О.68/4344, О.69/2160, Ол.72/265, Ол. 72/266,

Ол.72/405, Ол.72/473, Ол.72/541, Ол.72/588, Ол.74/511, Ол.75/1162, Ол.75/1112). Они пережжены до темно-серого или черного цвета, редкие менее активно использованные сосуды имеют участки незакопченной розовато-оранжевой глины. Поверхность украшена тонкими вертикальными полосами лощения, реже – просто залощено тулово. В литературе имеются сведения о наличии серого лощения на кухонных сосудах Эфеса (Şahin 2020, p. 230), но одного этого обстоятельства явно недостаточно, чтобы даже предположительно отнести эту керамику к продукции этого города.

Отдельно отметим две более малочисленные группы, которые совокупно по характеристике глины и типологическим признакам можно предположительно отнести к продукции отдельных городов данного региона – Приены и Фокеи. Из Приены или прилежащего к ней микрорегиона вероятно были привезены 2 фрагментированные «лебесовидные» кастрюли (Рис. 2: 1), как в Ольвии, так и на Боспоре они встречаются редко, в слоях и комплексах IV–III вв. до н.э. (Соколова 2004, с. 179, рис. 6, 2, рис. 5, 1; Четверкина 2017, с. 602, рис. 1, 4, 5; Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2010, Fig. 1, 4). Глина сосудов светло-оранжевая, с крупными (вплоть до 5 мм) включениями слюды.

К продукции же Фокеи, возможно, могут относиться горшки с отогнутым краем и ребристым туловом и кастрюли с биконическим туловом (О.53/941; О.60/1820; О.60/1821; О.61/1310; О.61/1376; О.63/3333; О.63/3350; О.63/3353; О.63/3645–О.63/3648; О.63/3829; О.63/3830; О.63/4020; О.63/4022; О.64/1990; Ол.75/1053) (рис. 2: 2), очень популярные в I–III вв. н.э. во всех районах античной ойкумены (подробнее историографию о локализации сосудов – см. Дорошко 2021, с. 79–80). Близки к ним по составу глиняного теста сковорода и корчага с реберчатым туловом (О.63/3649 и Ол.73/780 соответственно), сковороды с прямым краем (О.60/1997; О.62/2764), крышка с полый конической ручкой (Ол.74/1835). Глина данных сосудов варьирует от темно-оранжевого до красного и темно-красного цвета, с мелкими включениями железистых минералов красного и коричневого цвета, мелкими белыми включениями и редко – с мелкими включениями слюды.

Второе место по численности среди импортной кухонной керамики из Ольвии занимает кухонная керамика, привезенная из городов Боспора, ее количество составляет 27%. Сосуды боспорского происхождения делятся на две группы, которые также известны и на боспорских памятниках. Так, они соотносятся с группами 2 и 3, выявленными в результате петрографического исследования кухонной керамики Мирмекия (Четверкина 2019, с. 190–191,

рис. 6, 2, 3). Первая группа представлена керамикой, изготовленной из глины красного или оранжевого цвета с частицами песка, крупными, средними и мелкими включениями известняка, местами выгоревшего до пор с пятном извести. К ней относятся горшки (О.48/4622, О.53/941, О.64/2681, Ол.73/62, Ол.75/288, Ол.75/984, ол.76/726, Ол.76/772, Ол.77/234, Ол.85/338), кастрюли (О.64/2725, О.67/2350, Ол.72/219, Ол.74/1652, Ол.75/1276, Ол.76/745), сковороды (О.63/2637, О.68/4933, Ол.74/1836, ИИМК ВХ 250/150/2022), фрагмент крышки (ИИМК ВХ 250/70/2022).

Вторую группу составляют кухонные сосуды из глины, получившей при обжиге оранжевый или розовато-оранжевый, реже – розовый цвет, с многочисленными крупными включениями песка (коричневые «галочки», кварц). К ним относятся горшки (О.68/4756, Ол.72/628, Ол.72/922, Ол.73/1087, Ол.76/927), кастрюли (Ол.72/468, Ол.74/886, Ол.74/1652, Ол.74/2081), крышки (О.63/3766, О.68/4731, Ол.72/319, Ол.73/61, Ол.84/1309), ласаны-подставки (О.58/739, О.59/2505, О.69/2979, О.69/2793), фрагмент жаровни (Ол.59/4075).

Значительную часть импорта кухонной керамики в Ольвию (21%) также составляет группа сосудов позднеархаического-классического времени, предположительно связываемая автором с Аттикой (Рис. 2: 3). Ее образуют горшки с широким туловом и отогнутым венчиком (Ол.75/162, Ол.76/595), горшки с выступом для крышки (О.68/3893, О.68/4145, О.68/5030, Ол.73/732, Ол.76/82, Ол.76/694, Ол.81/163, Ол.81/188, ИИМК ВХ 250/264/2022, ИИМК ВХ 250/1010/2022), кастрюли с длинным прямым краем (О.56/2055, О.64/2389, О.68/4374, О.68/4375, Ол.72/399, Ол.72/403, Ол.72/404, Ол.73/792, Ол.75/1113, Ол.76/117, Ол.76/547, Ол.77/155, Ол.77/156, Ол.77/157), крышки (Ол.74/569, Ол.74/627, Ол.74/903, Ол.90/84), сковорода (О.56/2061). Глина сосудов – красного, реже оранжевого цвета, с редкими серебристыми включениями, качественно отмученная и однородная. Стенки тонкие, покрыты красным покрытием, реже поверхность намеренно хорошо заглажена или имеет тонкие полосы лощения. Хотя и отмечается, что непросто визуально отделать аттические и эгинские сосуды (Sparkes, Talcott 1970, p. 35), все же последние исследования керамики Эгины показывают, что в тесте сосудов присутствуют многочисленные включения вулканических пород, максимальной величиной достигающие до крупного песка (Klebbinder-Gauss 2012, s. 108, 111–117), то есть, теоретически, должны быть видимы невооруженным глазом. Однако вышеуказанных примесей в находках из Ольвии не обнаружено, в то время как по описанию глины и внешнему виду данные кухонные

сосуды могут быть соотнесены с аттическими (Sparkes, Talcott 1970a, p. 35–36; Sparkes, Talcott 1970b, Fig. 94, 1953; фото в цвете см. Manakidou 2021 Fig. 24, 2; Fig. 24, 3). Недавно была выдвинута интересная гипотеза о том, что некоторая часть аттических кухонных сосудов могла быть произведена эгинскими гончарами, переселившимися в Афины после выселения с Эгины в конце VI в. до н.э. (Manakidou 2021 p. 440; Klebinder-Gauss, Strack 2015; Gauss, Klebinder-Gauss 2017).

В довершение описания импортной кухонной керамики Ольвии, упомянем наименее малочисленную группу привозных кухонных сосудов, произведенных неизвестным центром, выполненных из светло-коричневой хорошо отмученной глины, включения в которой визуальнo не фиксируются. К ним относятся 2 фрагмента кастрюль (О.70-2363, Ол.72/455), фрагмент горшка (Ол.72/589), втулка кухонного сосуда (ИИМК ВХ 250/126/2022). Наиболее примечательна в данной группе небольшая тонкостенная кастрюля с коротким диагональным краем и прямым туловом, качество исполнения которой и декор в виде коричневой краски на венце и ручке уже соответствуют скорее столовому сосуду (О.70-2363).

Отметим отдельно очень качественно изготовленную миниатюрную конусовидную подставку (ласану) из ярко-розовой глины с множеством мелких блесков (кварц?) производства неустановленного центра (О.59/3983). Хотя ласаны изначально приспособлены для установки кухонного сосуда, этот экземпляр высотой 5 см все же выполнял какую-то иную функцию, возможно, детской игрушки (?).

Подводя итог, следует отметить, что в разные периоды существования Ольвии объем импорта кухонной керамики был неодинаков. Хотя в целом нашу выборку можно назвать репрезентативной, количество кухонных сосудов для каждого периода в отдельности невелико, чтобы пытаться по их статистическим данным вычислить объем ввоза. Однако выскажем некоторые общие наблюдения.

В позднеархаическое время в Ольвии импортная кухонная керамика преобладала, затем ее доля уменьшается, очевидно, по мере налаживания собственного гончарного производства, и, наконец, в римский период ее количество вновь сильно возрастает, находки привозных сосудов «сложно-профилированного типа» среди кухонной керамики доминируют, в то время как фрагменты местных сосудов немногочисленны. С чем связано последнее явление – не совсем понятно, похожая ситуация наблюдается в городах Боспора и в Херсонесе (Дорошко 2022, с. 51, 54–55).

В целом, сравнивая полученную картину развития импорта и производства ольвийской кухонной керамики с находками на Боспоре, скажем, что тенденции схожи, однако большее количество находок местной кухонной керамики в комплексах позднеархаического и классического времени, чем в это же время на большинстве боспорских памятников, может указывать на более раннее становление местного гончарного дела в Ольвии.

Литература

Дорошко 2021 – Дорошко О.П. Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его округи: к вопросу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V Международной научной конференции. – М., 2021. С. 78–80.

Дорошко 2022 – Дорошко О.П. Производство кухонной гончарной посуды в Херсонесе I–III вв. н.э.: историографические мифы и археологические реалии // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы Всероссийской научной конференции. – Симферополь, 2022. С. 48–57.

Книпович 1940 – Книпович Т.Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. Т. I. – Киев, 1940. С. 105–170.

Лейпунская 1989 – Лейпунская Н.А. Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев, 1987. С. 79–83.

Марченко 1983 – Марченко К.К. Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. – 1 в. до н.э. // Археология, № 43, 1983. С. 14–26.

Соколова 2004 – Соколова О.Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К 60-летию М.Б.Пиотровского. – СПб., 2004. С. 175–185.

Четверкина 2017 – Четверкина Е.В. О торговых связях Мирмекия позднеклассического и эллинистического времени по данным кухонной посуды // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля–пути–отношения. – Симферополь–Керчь, 2017. С. 598–608.

Четверкина 2019 – Четверкина Е.В. Петрографический и химический анализ античной кухонной керамики Мирмекия // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 2, 2019. С. 188–202.

Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2010 – Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times // Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde [electronic recourse]. N. 25. 2014. P.1–27

Klebinder-Gauss 2012 – Klebinder-Gauss G. Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. – Wien, 2012.

Manakidou 2021 – Manakidou E. Clay cooking ware and kitchen equipment in the ancient Greek household // Valamoti S.M., Dimoula A., Ntinou M.(eds). Cooking with Plants in Ancient Europe and beyond. – Leiden, 2021. P. 431–442.

Şahin 2020 – Şahin R. Pottery from a Roman House to the West of the Bouleuterion at Miletus (Ionia) // Cedrus, vol. 8. 2020. P. 223–264.

Sparkes, Talcott 1970a – Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1: Text / The Athenian agora, vol. XII. – Princeton, New Jersey, 1970.

Sparkes, Talcott 1970b – Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 2: Indexes and Illustrations / The Athenian agora, vol. XII. – Princeton, New Jersey, 1970.

Klebinder-Gauss, Strack 2015 – Klebinder-Gauss G, Strack S An Aeginetan Potter's Workshop in Athens? // Gauss W, Klebinder-Gauss G, von Räden C (eds) The Transmission of Technical Knowledge in the Production of Ancient Mediterranean Pottery, Proceedings of the International Conference at the Austrian Archaeological Institute at Athens 23rd–25th November 2012. Österreichisches Archäologisches Institut, Sonderschriften Band 54 – Vienna, 2015. Pp 77–96.

Gauss, Klebinder-Gauss 2017 – Gauss W, Klebinder-Gauss G Äginetische Keramik: Produktion und Verbreitung in prähistorischer und historischer Zeit. // Lang F, Wohlmayr W (eds) 50 Jahre Archäologie an der Paris Lodron-Salzburg Universität, Workshop Salzburg, 14 Dezember 2016. ArchaeoPlus – Schriften zur Archäologie und Archäometrie der Paris Lodron Universität Salzburg Band 9 – Salzburg, 2017. Pp 23–34.

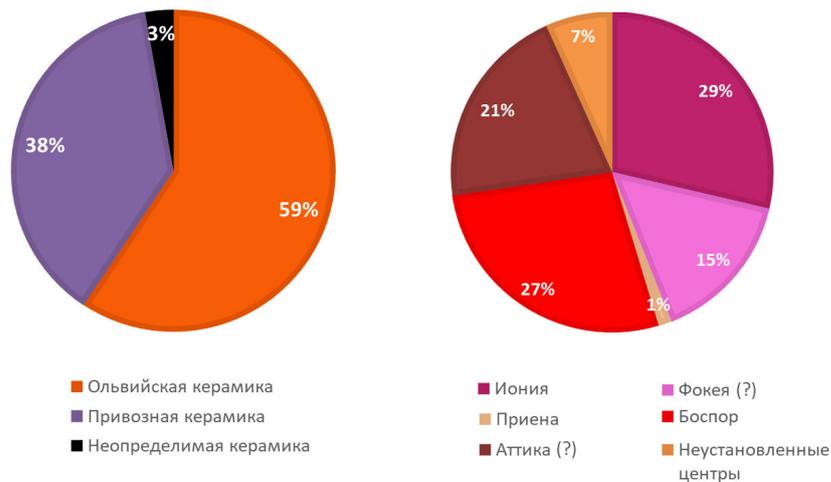

Рис. 1. Статистические данные по кухонной керамике Ольвии из коллекции ИИМК РАН

Рис. 2. Привозные кухонные сосуды в Ольвии: 1 – из Приены (ИИМК ВХ 250/888/2022); 2 – из Фокеи (?) (О.61/1376); 3 – Аттика (?) (ИИМК ВХ 250/1010/2022)

Культ Афины и внешние связи Фанагории

В 2019 году Н.В. Завойкина (Завойкина 2019, с. 260–261, № 3, рис. 1, 3) опубликовала три обломка венчика аттического чернофигурного килика с надписью, идущей, в основном, по верхней полосе лака (Рис. 1). Центральный (в её версии) из них был уже ранее выложен под № 226 в галерее сайта (дата обращения – 12.11.2019) Фанагорийского музея-заповедника (Рис. 2).

Исследовательница прочла в граффито следующее: τὸ Ναϊκᾶς [ποτήριον ἀνέθη]κε «этот Наикас кубок поднёс» (i.e. некоему божеству – ФШК). Неловкий – что для эллинского, что для русского – языков порядок слов с отрывом в древнегреческом тексте члена τὸ (в дейктическом применении) от связанного с ним существительного ποτήριον заставляет вновь пристально присмотреться к особенностям артефакта.

Тут, прежде всего, бросается в глаза нестыковка первых двух из изданных осколков. А это, в свою очередь, избавляет от необходимости изучать их как неразрывное целое. По-видимому, кусочек с литерами ΤΟ относится либо к другой части сосуда, либо вообще к иной чаше.

Что же до фрагмента, который Н.В. Завойкина представила вторым по порядку, то на нём процарапано ΝΑΙΚΛΑΣ: *каппа* и *лямбда* (последняя – углом вниз) даны здесь в лигатуре. Семичастную *сигму*, примыкающую к излому (вызванный им дополнительный скол поверхности, как хорошо видно, прошёл прямо по нижнему усика буквы), маститая Маргерита Гвардуччи (Guarducci 1967, p. 250) находит лишь в Геле – совместной апойкии Родоса и Крита. Там же отмечается и начертание (легшее в основу очертания латинской L) *лямбды* вершиной вниз (Guarducci, *ibid.*).

Поскольку Гела была основана дорийцами, то в первых трёх сохранившихся графемах, при ином (чем было предложено первоиздателем) делении текста, логично видеть дорийскую огласовку окончания дательного падежа ед.ч. ж.р. ~ναι, чему лучше всего соответствует завершение имени адресата вотива – Афины: Ἀθήναι (или одной из её эпиклез), почитавшейся как на Крите и Родосе, так, судя по сообщению Ксенагора (FGrH 240. 12), и в самой Геле. Соответственно, последние четыре знака непротиворечиво разворачи-

¹ Шелов-Коведяев Фёдор Владимович – кандидат исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. (г. Москва, Россия).

ваются в зафиксированное в дорийском же ареале (Аргосе) мужское ЛИ Κλάσις (LGPN IIIA s.v.).

Получается привычная вотивная формула, – например: τὸ [ποτήριον Ἀθά]ναι Κλάσις ἀνέθη]κε «этот кубок Афине Класис преподнёс»¹. Очевидно, данное посвящение было начертано рукой гражданина полиса Гела, прибывшего на берега современного Таманского полуострова по каким-то своим делам.

Это не первый след присутствия в архаической Фанагории выходцев с далёкого запада греческой ойкумены (см.: Шелов-Коведяев 2018, с. 98–100). Точно также и культ Афины уже был засвидетельствован, тоже – граффито, в Пантикапее (там, согласно докладу, прочитанному А.В. Агафоновым на конференции «Археология и история Боспора» в Керчи августом 2022 года, – Афины Эрганы).

Литература

Завойкина 2019 – Завойкина Н.В. Сакральные граффити на керамике из ранней Фанагории // Древности Боспора. Том 24, 2019. С. 253–273.

Шелов-Коведяев 2018 – Шелов-Коведяев Ф.В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3. С. 98–106.

Guarducci 1967 – Guarducci M. Epigrafia greca. Vol. 1. Roma, 1967.

Рис. 1. Фрагменты чернофигурного килика с надписью
(по: Н.В. Завойкина 2019)

¹ Курсивом в переводе отражены восстанавливаемые куски текста.

Рис. 2. Фрагмент с граффито ΝΑΙ ΚΛΑΣ
(фото из галереи сайта Фанагорийского музея-заповедника)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Ахмадеева М.М.</i> Продукция южнопонтийских керамических мастерских IV в до н.э. в ближнем предместье античной Феодосии	6
<i>Батиева Е.Ф.</i> К антропологии населения Елизаветовского городища	14
<i>Бойко А.Л.</i> Малоизвестные исследования и находки с Елизаветовского городища и его некрополя в конце XIX – начале XX вв.	19
<i>Бутягин А.М.</i> Мирмекийский клад. 20 лет спустя	25
<i>Вахтина М.Ю.</i> О раскопках В.Н. Ротом кургана Огуз в 1902 г. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)	31
<i>Виноградов Ю.А.</i> Раскопки Суворовского поселения на Таманском полуострове	38
<i>Горнчаровский В.А., Терещенко А.Е.</i> О культуре Феба Аполлона в Лабрисе	43
<i>Григорьева О.В., Медведева М.В.</i> Новые архивные документы по изучению генуэзских колоний Крыма в 1920-х гг. из собрания ИИМК РАН	47
<i>Губарев И.В.</i> К типологии лепных горшков Елизаветовского городища	56
<i>Дедюлькин А.В.</i> К вопросу об участке для погребения стратегов на некрополе Пантикапея	64
<i>Дударев С.Л.</i> Остаточные материалы из могильника Заюково 3 (к вопросу о внешних связях населения кобанской КИО)	72
<i>Егорова Т.В., Сударев Н.И.</i> Расписная и чернолаковая керамика из трех комплексов кургана 1 Юго-Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2012 года)	78
<i>Ефремов Н.В., Колесников А.Б., Болонкина Е.В.</i> Керамические клейма Аканфа из Северного Причерноморья	83
<i>Зинько В.Н.</i> Актуальные проблемы ранней истории Тиритаки в свете «международных» отношений на Боспоре Киммерийском	90
<i>Иванов А.В.</i> Жилище эпохи эллинизма в Анапском районе	97
<i>Камышанов А.М.</i> Модель формирования хоры боспорского города и её реализация на примере Нимфея и Гермонассы в VI–III вв. до н.э.	108
<i>Кидирниязов Д.С.</i> Ногайцы во взаимоотношениях Русского государства с Турцией и Крымом (конец XIV – первая четверть XVI в.)	114
<i>Коваленко А.Н.</i> О времени утверждения Боспора в дельте Дона в свете новых археологических данных	119
Копылов В.П. , <i>Янгулов С.Ю.</i> Женские погребения с оружием из Елизаветовского могильника	127
<i>Котина А.В.</i> Археологические свидетельства практики жертвоприношений лошадей на городище Тиритака	131

Куршаков С.В., Каспаров А.К., Бутягин А.М. Новые данные о ихтио- фауне из поселения Мирмекий (г. Керчь, III в. до н.э. – I в. н.э.)	136
Ларенок В.А. «Очажки-жаровни» меотского поселения «Свинячье озеро»	140
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Кондратенко А.В. Типология и хронология конических меотских кружек	147
Лисин Н.В. Современное состояние проблемы изучения ранней исто- рии Черкасского городка.	156
Матросов М.А. Политика Восточной Римской империи в Юго-Запад- ном Крыму в последней четверти III – начале VII вв. в отечествен- ной историографии XIX–XX вв.	161
Мягкова Ю.Я. Археозоологические материалы из средневекового Азака	167
Паромов Я.М. Археологические исследования на Таманском полуост- рове в постсоветское время (1992–2016 гг.)	172
Преснова Н.Н. К вопросу об экономическом развитии Танаиса в пост- полемоновский период (I – первая половина II вв. н.э.)	178
Прокофьев И.А. «Мукомольные комплексы» Танаиса II–III вв. н.э.	184
Прохорова Т.А. Этнокультурная принадлежность погребальных комп- лексов элиты среднесарматской культуры	190
Русаков М.Ю., Русакова А.А. Греко-варварские отношения на Нижнем Дону в раннескифское время	196
Суворова Н.И. К вопросу о существовании культа Диониса на Нижнем Дону	203
Супренков А.А., Ковальчук А.В. Городище Сююрташ в Крымском При- азовье. Краткая археологическая характеристика восточной части памятника по результатам работ 2010–2022 гг., вопросы импорта и хронологии	210
Трейстер М.Ю. Вторично использованные геммы и вставки для перст- ней в декоре блях конской узды из позднесарматского погребения на Нижнем Дону	220
Ушаков С.В. Херсонес в позднеантичном мире (по материалам красно- лаковой керамики III–VI вв.)	230
Четверкина Е.В. Импортная кухонная керамика в Ольвии (по материа- лам раскопок Ольвийской экспедиции ИИМК–ЛОИА 1948–1991 г.)	237
Шелов-Коведяев Ф.В. Культ Афины и внешние связи Фанагории	245

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В БАССЕЙНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ.
Античное и средневековое время**

Материалы XIII Всероссийской научной конференции
с международным участием

Подписано в печать 11.05.2023 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 300 экз.
Усл. печ. лист. 14,53. Уч.-изд. л. 11,58. Заказ № 9025.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.